Тюрго

Избранные экономические произведения

Избранные экономические произведения

Издательство социально-экономической литературы
Москва • 1961

Редактор-составитель,
автор вступительной статьи и примечаний
доктор экономических наук *И. С. БАК*

Переводы с французского
Л. М. Бродской и *А. Н. Миклашевского*

ТЮРГО КАК ЭКОНОМИСТ

Замечательный мыслитель и государственный деятель Франции пятидесятых — семидесятых годов XVIII века Анн Робер Жак Тюрго был «...великим человеком, ибо он соответствовал своему времени...» [1]

Во Франции в пятидесятых — семидесятых годах растущие производительные силы уже вступили в конфликт с господствовавшими производственными отношениями, стеснявшими их развитие. Новые, буржуазные отношения, формируясь в капиталистический уклад, пробивали себе дорогу в рамках и условиях феодально-абсолютистского строя.

Идеологами борьбы растущей и крепнущей буржуазии против устаревшего строя были энциклопедисты. Рука об руку с энциклопедистами работали в области политической экономии физиократы [2]. Буржуазная по своему существу и содержанию система экономистов или физиократов имела мнимофеодальный облик.

Основоположником школы физиократов был Кенэ [3], а завершителем — Тюрго, полностью освободивший физиократизм от мнимофеодальной оболочки.

По своим философским взглядам в объяснении природы Тюрго в отличие от Кенэ — противника материалистов — примыкал к французскому материализму

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, М., 1955, стр. 530.

[2] См. *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. 1, М., 1954, стр. 33.

[3] См. *Франсуа Кенэ,* Избранные экономические произведения, М., 1960.

XVIII века. Но, признавая объективную реальность внешнего мира, он считал бога создателем Вселенной. Будучи, таким образом, по сравнению с французскими материалистами XVIII века гораздо менее последовательным философом, Тюрго не поднялся до материализма и атеизма Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Ламетри...

Несомненно, более интересна социологическая концепция Тюрго. В отличие от Кенэ, который, как и многие энциклопедисты, пренебрежительно относился к истории, Тюрго хорошо знал историю и на ее материале строил свои социологические обобщения. Будучи вообще идеалистом в социологии, он высказал ряд материалистических догадок относительно общественной жизни, о развитии общества.

Для Тюрго — автора одной из первых буржуазных теорий прогресса — характерен социальный оптимизм.

Тюрго противополагает «историю человеческого рода» природе. В природе происходят «всегда одинаковые перевороты», в которых все возникает, погибает и возрождается. А всемирная история — это последовательное движение к совершенству: «...*Всемирная история* обнимает собой рассмотрение последовательных успехов человеческого рода и подробное изучение вызвавших их причин» [1].

Тюрго видит в истории человечества прежде всего успехи разума. Люди переживают счастливые времена и годины бедствий, но человеческий разум в ходе истории прогрессирует.

Считая основной линией исторического развития рост просвещения, Тюрго придавал большое значение производству в развитии общества.

Тюрго создал замечательную для своего времени, содержащую интереснейшие материалистические догадки, схему этапов в развитии общества. Определяющим для каждого этапа является род производства.

Первый, исходный, этап определяется собирательством, почти одновременно с которым возникает охота. Форма общественной организации, характерная для

---

[1] *А. Р. Тюрго,* Избранные философские произведения, М., 1937, стр. 78.

охотников, ведущих кочевой образ жизни, — это маленькое племя, состоящее из отдельных семей.

Переход от охоты через одомашнивание животных к скотоводству означал получение человеком более обильных и более надежных средств существования, а это вело к росту богатства у пастушеских народов, к появлению духа собственности. Возникла потребность в рабах. Пленных, захваченных при столкновениях между племенами, народами, превращали в рабов, которых заставляли трудиться на господ, освобождавшихся от труда. У пастушеских племен возникают и первые органы власти — вожди.

Особое значение придавал Тюрго, как и все физиократы, переходу от скотоводства к земледелию. Развитие земледелия порождает собственность на землю. Давая пищу людям, занятым не только в земледелии, оно вело к разделению труда. На основе разделения труда в обществе возникают и растут ремесла, искусства, расширяется торговля, появляются города. На основе земледельческого общества развивается государство — «политическое тело». Вследствие такого развития возрастает богатство, укрепляется собственность, усиливается неравенство людей, а вместе с ним и различие в их воспитании.

Как и все физиократы, Тюрго считал собственность неприкосновенной. Он понимал, что собственность исключает равенство людей в условиях их существования и порождает общественное неравенство. Развитие общества характеризуется усилением общественного неравенства.

Тюрго весьма положительно относился к общественному неравенству и его углублению. Неравенство, по мнению Тюрго, освобождает часть людей от тяжелого физического труда, связанного с производством необходимых для поддержания человеческой жизни предметов. Таким образом, неравенство дает части людей досуг для занятия искусством и наукой, что ведет к развитию разума, просвещения, воспитания людей. Этим обусловливается общественный прогресс.

Рисуя столь оптимистическую картину общественного прогресса, Тюрго вместе с тем сознавал, что прогресс разума, просвещения, носителем которого является небольшая группа людей, сопровождается отставанием

большинства нации, занятого тяжелым и изнуряющим физическим трудом.

Тюрго был энциклопедически образованным человеком. Его интересы необычайно разнообразны. Он писал по философским, юридическим, филологическим, естественнонаучным вопросам, занимался математикой, увлекался художественной литературой и даже сочинял стихи. Но прежде всего Тюрго был экономистом.

Главная его заслуга — развитие политической экономии. Как и все классики, Тюрго, рассматривая экономическую жизнь как результат действия общих экономических законов, считал эти законы действующими в каждой стране и во всякое время, при любом типе хозяйства. На самом же деле эти экономические законы были не универсальными, а присущими лишь буржуазному обществу, капиталистическому строю.

Не только теоретическая, но и практическая, государственная деятельность Тюрго протекала главным образом в области хозяйства. Тюрго сыграл выдающуюся роль в истории экономической политики и особенно финансовой политики предреволюционной Франции.

Основоположники научного коммунизма характеризуют его как решительнейшего сторонника свободной конкуренции [1].

Отрицательно относясь к феодалам, разнузданным, праздным, Тюрго, этот (по выражению Маркса) «радикальный буржуазный министр», полагал, что с помощью королевской власти он сможет осуществить предлагаемые им антифеодальные, буржуазные реформы. А когда они будут осуществлены, человечество еще быстрее пойдет по пути беспредельного прогресса [2]. Таким образом, Тюрго рассматривал феодально-абсолютистскую власть как опору в своей деятельности, которая была объективно «введением к французской революции» [3].

Однако творчество Тюрго имело значение не только для Франции того времени. По словам Маркса, «он был

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, стр. 529—530.

[2] Подробнее об общественно-политических взглядах Тюрго см. *В. П. Волгин,* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке, М., 1958, стр 88—94; *А. М. Деборин,* Социально-политические учения нового времени, т. 1, М., 1958, стр. 371—375.

[3] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, стр. 33.

одним из интеллектуальных героев, свергнувших старый режим...»[1]

Именно Тюрго пытался претворить в жизнь положения физиократической теории, а его теоретические исследования и разработанные им законопроекты были по самому существу своему направлены против феодализма вообще. Тюрго объективно выступает как великий борец за развитие капиталистических отношений и утверждение капитализма.

* *
*

В пятидесятые — семидесятые годы XVIII века, когда развивались теоретическое творчество и практическая деятельность великого экономиста, феодально-абсолютистская Франция была преимущественно аграрной страной с отсталым сельским хозяйством, с разоренным крестьянством.

Промышленность не находила в сельском хозяйстве достаточного рынка для закупки сырья и сбыта своих изделий. Узость внутреннего рынка препятствовала развитию промышленности и прежде всего главной ее отрасли — текстильного производства.

Хотя еще продолжали существовать цехи и цеховая регламентация, стеснявшие развитие капитализма, мануфактура уже прокладывала дорогу к своему господству.

В середине XVIII столетия французская мануфактура была по большей части рассеянной мануфактурой. Централизованных мануфактур существовало лишь незначительное число. Лишавшиеся средств производства ремесленники и кустари превращались в наемных рабочих.

Помехой развитию промышленности стала политика меркантилизма. В начале ее активного проведения министром Кольбером (во второй половине XVII века) эта политика содействовала развитию капиталистической мануфактуры. В середине XVIII века свойственные этой политике мелочная регламентация и опека промышлен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 15, стр. 384.

ности государством становятся помехой развитию промышленности. Поэтому капиталисты-промышленники и некоторые государственные деятели (например, интендант мануфактур Бакелан в 1761 г.) протестуют против меркантилистической регламентации, требуют упразднения цеховых корпораций, выступают за свободу промышленности. Они ссылаются при этом на опыт Англии, которая к середине XVIII века оставила далеко позади Францию по уровню промышленного развития.

В интересах развития промышленного экспорта и экспортных отраслей промышленности правительство Французского королевства устанавливало низкие цены на сельскохозяйственные продукты и запрещало их вывоз.

Стремясь содействовать развитию промышленности за счет земледелия, которое было тогда основой народного хозяйства Франции, меркантилистическая политика усугубляла тяжелое экономическое положение страны и ее населения, главным образом крестьянства.

Внутренняя торговля, ограниченная узостью рынка, развивалась, как показывают различные источники (в то время не было статистических данных по внутренней торговле), крайне медленно. Помехами развитию внутренней торговли были также плохие пути сообщения (дороги, мосты), внутренние таможни и многочисленные поборы; росту торговли мешали и торговые гильдии, стеснявшие уже в то время деятельность купцов.

Англия, став первой в мире промышленной державой — «мастерской мира», вытесняла Францию с внешнего рынка. Одержав победу над Францией в Семилетней войне (1756—1763), Англия отобрала у нее почти все колонии и таким образом привела в упадок колониальную торговлю Франции — источник сверхприбылей купцов-судовладельцев и доходов казны.

Недостаток денег и медленное их накопление обусловливали высокий уровень процента, дороговизну кредита. Высокие проценты на занятые деньги препятствовали вложению капитала в промышленность, в торговлю, в покупку и аренду земель.

В третьей четверти XVIII века во Франции еще сказывались отрицательные последствия применения пресловутой системы Ло, потерпевшей крах в 1720 г. В результате инфляции денежное обращение было рас-

строено, кредит подорван, казна истощена. Перед экономической мыслью остро встали проблема денег и денежного обращения, вопросы о природе денег, особенно бумажных, о ссудном проценте и его соотношении с прибылью и рентой.

Увеличивались государственные расходы на армию и флот, на субсидии мануфактурам и особенно на содержание королевского двора, затмившего своей роскошью дворы всех европейских монархов. Недаром передовые современники называли королевский двор могилой нации. Доходы государства все менее покрывали его расходы.

Для покрытия хронического бюджетного дефицита вводились все новые налоги и подати; их было несколько десятков. Главным прямым налогом, особо разорительным для крестьян, была талья (дворяне были освобождены от уплаты тальи). Крестьянство несло тяжесть и других прямых налогов — поголовного (капитации), двадцатины; тяжким бременем лежала на крестьянстве церковная десятина. Из косвенных налогов особо ненавистным крестьянам и городскому плебсу был налог на соль. Непосильное налоговое бремя душило население Франции, особенно крестьянство. Разоренное хозяйство страны не могло выплачивать всех причитавшихся с него податей и налогов.

Правительство сдавало на откуп сбор налогов и целые отрасли торговли, приносившие огромные барыши. Особо сверхприбыльной была торговля рабами-неграми. Монополии откупщиков противоречили интересам торгово-промышленной буржуазии, препятствовали свободному и широкому развитию капиталистических отношений, отягощали лежавшее на народных массах налоговое бремя, вздували цены, наносили ущерб казне. К откупщикам отрицательно относилось дворянство. Против них была торгово-промышленная буржуазия. Откупщиков ненавидели народные массы.

На создавшееся положение крестьяне отвечали восстаниями. В одной лишь Нормандии с 1752 по 1768 г. было шесть восстаний. В семидесятые годы волновались и низы населения Парижа, Руана, Реймса, Дижона и других городов.

В связи с ростом капиталистической мануфактуры возникают рабочие стачки. Они происходили регулярно

в пятидесятые — шестидесятые годы в Невере и начиная с сороковых до восьмидесятых годов — среди ткачей шелка в Лионе.

Волнения крестьян и городского населения жестоко подавлялись воинской силой, но они заставляли передовых мыслителей, общественных и государственных деятелей искать выхода из создавшегося в стране положения.

Выражая мнение торгово-промышленной буржуазии, парламенты Парижа и Руана сопротивлялись введению новых налогов, за что были ликвидированы в 1771 г.

Вопрос о налогах обсуждался в салонах, в прессе. О нем писал памфлеты знаменитый Бомарше. Мысль, что налог не должен быть разорительным, стала руководящей при рассмотрении вопросов обложения.

Размышляя над катастрофическим положением страны, передовые современники приходили к выводу, что единственный выход из него — это подъем сельского хозяйства и прежде всего его основной отрасли — земледелия. В 1761 г. правительство утверждает Общество земледелия.

Для того, чтобы в условиях господства феодальной собственности на землю поднять земледелие, нужно было, по мнению физиократов, перейти от мелкого производства, «мелкой культуры» в формах феодального землепользования (чинш, половничество) к фермерской аренде, т. е. к «крупной культуре» — к капиталистическому по существу производству.

При преобладавшей в Англии фермерской аренде земледелие велось на высоком по тому времени агротехническом уровне и давало большой урожай.

Во Франции же при преобладании феодальных форм землепользования только в некоторых провинциях, главным образом на севере страны — в Нормандии, Пикардии, Иль-де-Франсе, начала развиваться фермерская аренда. Ратуя за ее повсеместное распространение, физиократы объективно отстаивали развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Франции.

Из положения физиократов о создании чистого продукта, т. е. прибавочной стоимости, в сельском хозяйстве вытекало их учение о налогах. Налоги нельзя взимать с фермеров и бесплодных без нарушения процесса общественного воспроизводства. Поэтому все налоги следует свести к единому налогу на чистый продукт, на доход

от земли, т. е. на ренту, получаемую земельными собственниками.

Превознося земельную собственность, физиократы, по существу, выступали в ущерб интересам земельных собственников. Они защищали интересы земледельцев, прежде всего фермеров, сельской буржуазии, и «бесплодных» — торгово-промышленного населения страны.

Защита физиократами интересов сельского хозяйства и прежде всего капиталистических фермеров сказалась на их отношении к ценам на продукты земледелия.

В отличие от меркантилистов физиократы отстаивали высокие цены на сельскохозяйственные продукты, что должно было объективно содействовать росту капитализма в сельском хозяйстве.

По сравнению с капиталистическим укладом в Англии накануне буржуазной революции XVII века капиталистический уклад, сложившийся во Франции второй половины XVIII века, был более развитым и зрелым. Капиталистический уклад во Франции в пятидесятые годы, когда Кенэ написал свое главное произведение — «Экономическую таблицу», — был менее развит, чем в шестидесятые годы, когда появились «Размышления о создании и распределении богатств», где Тюрго изложил свою систему, и тем паче в семидесятые годы, когда великий французский экономист проводил свои замечательные реформы.

* *
*

Отпрыск старинного дворянского рода Анн Робер Жак Тюрго (1727—1781) [1] получил духовное образование в семинарии и на теологическом факультете Сорбонны. Но, увлеченный идеями века Просвещения, он отказался от духовной карьеры, не желая (по собственному его

[1] Административно-политической деятельности Тюрго и его научным исследованиям, главным образом в области политической экономии, посвящен ряд трудов. Назовем главнейшие.

Первые биографии Тюрго, составленные вскоре после смерти великого экономиста представителями школы физиократов — Дюпюи, Дюпоном де Немур, Кондорсе — относятся еще к восьмидесятым годам XVIII века. После длительного перерыва, начиная с середины XIX века появляется ряд работ о Тюрго. Среди них надо прежде всего отметить вступительную статью Е. Дэра к сочинениям Тюрго (1844 г.), замечательную статью Н. Г. Чернышевского по поводу

выражению) «всю жизнь носить маску на лице». Поступив на службу в магистратуру Парижа, Тюрго продолжал заниматься науками. Особый интерес у молодого чиновника вызывали экономические вопросы, которые в связи с тяжелым экономическим положением Франции волновали его современников.

Первым плодом изучения экономических проблем было письмо Тюрго аббату Сисе по поводу книги Террассона о системе Ло. В этом письме двадцатидвухлетний Тюрго предвосхитил некоторые положения о деньгах, особенно о бумажных деньгах и кредите, высказанные почти 30 лет спустя Адамом Смитом.

Быстро продвигаясь по службе, Тюрго в 1753 г. назначается докладчиком при парижском парламенте. В литературных салонах Парижа он встречается с выдающимися людьми, передовыми умами того времени — Монтескьё, Д'Аламбером, Гельвецием, Гольбахом, Морелли, Галиани, Рейналем, Мармонтелем. Особое значение для формирования Тюрго как экономиста имело его сближение с основоположниками двух направлений экономической мысли: прежде всего с Гурнэ, а затем с Кенэ и его школой. Оба направления были проникнуты духом буржуазного индивидуализма и свободной конкуренции.

Направление, возглавляемое Гурнэ, который был интендантом торговли во время знакомства с ним Тюрго, появилось, как и физиократическая школа, из оппозиции меркантилизму с его стеснительной регламентацией, монополиями, запретами.

Но если Кенэ и его ученики выступали главным образом защитниками интересов земледелия, то Гурнэ защищал прежде всего развитие городской промышленности и торговли. Он представлял интересы торгово-промышленной буржуазии.

Требуя отмены всего, что тормозило свободное развитие городской промышленности и внутренней торговли,

---

вышедшей в 1858 г. книги С. Муравьева о деятельности Тюрго и двухтомный труд А. Неймарка (1885 г.). В первой четверти XX века выходят работы о теоретической деятельности Тюрго редактора последнего и наиболее полного собрания его сочинений — Г. Шелля. В 1925—1950 гг. появляются труды Вёлерса, исследователя преимущественно министерской деятельности Тюрго.

Значение Тюрго в истории политической экономии впервые полно и глубоко раскрыл К. Маркс.

возражая против существования цехов и промышленной регламентации, против монопольных компаний и внутренних таможен, Гурнэ в отношении внешней торговли ограничивался требованием умеренно-протекционного тарифа.

Существенно различными были отношения Гурнэ и Кенэ к вопросу о производительном труде, т. е., по существу, к труду, создающему прибавочную стоимость. В то время как Кенэ полагал, что «чистый продукт», т. е. прибавочная стоимость, создается только в земледелии, Гурнэ считал и сельское хозяйство и промышленность производительными, т. е. создающими прибавочную стоимость, отраслями народного хозяйства.

В отличие от Кенэ Гурнэ, сосредоточив свое внимание на вопросах экономической политики, не занимался теоретическими вопросами. Он не создал трудов по политической экономии. Основным источником для знакомства с экономической системой Гурнэ остается составленное Тюрго «Похвальное слово Венсану де Гурнэ»[1]. В пятидесятые годы Тюрго, лично связанный с Гурнэ, примкнул к его школе.

К пятидесятым годам относится такое произведение Тюрго, как «План работы о торговле, денежном обращении, проценте и богатстве государств» (1753—1754), в котором развернута его программа экономических исследований. К этому же периоду относятся его статьи в Энциклопедии — «Учреждение фондов» и «Ярмарка» (обе в 1757 г.), а также Похвальное слово Гурнэ, написанное в связи с его смертью (1759 г.).

В 1761 г. Тюрго назначается интендантом в Лимож — центр провинции Лимузен. Это была чисто земледельческая область, где промышленность была развита меньше, чем в других провинциях Франции того времени. Лишь в Лиможе и некоторых других городах этой провинции было несколько мануфактур. Пути сообщения (дороги, мосты) находились в отвратительном состоянии.

Обрабатываемые так же примитивно, как и во всей Франции, малоплодородные земли Лимузена не могли давать сколько-нибудь удовлетворительного урожая.

---

[1] Анализ экономических взглядов Гурнэ дан в книге *Schelle,* Vincent de Gournay, 1897; см. также *Schumpeter,* History of Economic Analysis, London, 1955, p. 244.

В этих условиях низкие цены на зерно и вообще на сельскохозяйственные продукты привели к тому, что доходность крестьянских хозяйств Лимузена была еще меньшей, чем в других провинциях.

На материальное положение крестьян Лимузена отрицательно влияла и господствовавшая там форма землепользования. В Лимузене господствовало разорительное для крестьян половничество. Поэтому феодальный гнет — повинности и поборы — был особо тягостным для крестьян Лимузена. Сильнее крестьян других провинций испытывали они и бремя налогов и сборов, включая церковную десятину.

Крестьянское хозяйство Лимузена разорялось. Крестьяне уходили на заработки в другие провинции и даже отправлялись за границу — в Испанию.

Низкий платежеспособный спрос населения обусловил слабое по сравнению с другими провинциями развитие торговли в Лимузене. Кредита почти не существовало. Ростовщики взимали высокие проценты.

Тюрго делал все, что мог, для развития хозяйства края и помощи населению. Однако, как провинциальный администратор, ограниченный в своих действиях законодательством королевской Франции и не находя поддержки в Париже у центральной власти, Тюрго смог осуществить далеко не все, что он задумал. Ему не удалось освободить от налогового обложения земледельца и возложить налоговое бремя на земельных собственников. Не смог Тюрго осуществить в этом крае и другие намеченные им меры, посредством которых он стремился освободить от феодальных пут развитие промышленности, торговли, кредита.

Следует заметить, что, стремясь помочь бедствующему населению Лимузена, Тюрго проводил и такие меры, которые противоречили его теоретическим представлениям. «Благотворительные мастерские», устроенные им во время голода, явно противоречили провозглашаемой им системе невмешательства государства в экономические отношения. В начале инструкции благотворительным комитетам, которые заведовали этими мастерскими, он написал: «Облегчение бедствий страдальцев — общая обязанность, общий долг». Разве эти трогательные слова не вступали в конфликт с принципом свободной конкуренции?

Говоря о деятельности Тюрго в Лимузене, Н. Г. Чернышевский справедливо ставит ему в заслугу то, что он не всегда был верен своим теоретическим принципам [1].

Посвящая много времени и сил практической деятельности, талантливый администратор продолжал свои научные занятия, главным образом политической экономией.

С Кенэ он познакомился еще в пятидесятые годы, до своего назначения в Лимож, когда Тюрго был последователем Гурнэ. В шестидесятые годы Тюрго, обогащенный знанием экономической жизни, много размышлявший над экономическими вопросами, приходит в развитии своей теоретической мысли к физиократизму.

Восприняв физиократизм, Тюрго пытался объединить его с системой Гурнэ. Развивая физиократизм, Тюрго придает гораздо большее, чем Кенэ, значение промышленности, торговле, денежному обращению, кредиту.

В шестидесятые годы завязывается дружба Тюрго с Кенэ, сохранившаяся до смерти основоположника физиократизма. Приезжая в Париж, Тюрго посещал собрания физиократов, на которых председательствовал Кенэ. В 1762 г. Тюрго знакомится с приехавшим в Париж Адамом Смитом.

Шестидесятые годы XVIII столетия были наиболее плодотворными в теоретической деятельности Тюрго.

В это время он создает свое главное экономическое произведение — «Размышления о создании и распределении богатств» (1766 г.). В этом труде представлена система политэкономических воззрений Тюрго. Исходя из основных положений Кенэ, он вместе с тем внес много нового и ценного в учение физиократов.

К 1769 г. относится замечательное, оставшееся незаконченным, сочинение — «Ценности и деньги», в котором Тюрго развивает дальше (сравнительно с «Размышлениями...») теории ценности и цены, денег и кредита.

Находясь в течение двенадцати лет на посту интенданта Лимузена, Тюрго пишет и ряд других экономических работ. В них он освещает и пытается разрешить на физиократической основе экономические вопросы, волновавшие тогда французское общество.

---

[1] См. *Н. Г. Чернышевский,* Избранные экономические произведения, т. 1, М., 1948, стр. 648.

Он отстаивает свободу торговли зерном («Торговля зерновыми», 1761 г., «Письма генеральному контролеру о торговле зерном», 1770), изыскивает меры поощрения добывающей промышленности («Доклад о рудниках и каменоломнях», 1764) и обрабатывающей («Поощрение мануфактур», 1766), предлагает налоговые реформы («Косвенный налог...», 1767, «Письмо Юму», 1767). В «Докладе о займе денег» (1770), как и в основных своих теоретических работах, великий французский экономист защищал свободу кредита и установления процентов.

В 1774 г. на престол вступил Людовик XVI, который назначил Тюрго морским министром, а затем — генеральным контролером (т. е., по существу, министром финансов). По влиянию на внутренние дела это был важнейший пост в королевстве.

Передовые люди Франции восторженно встретили назначение Тюрго. Кенэ возлагал большие надежды на своего друга, ставшего руководителем финансов Франции.

Сразу же по назначении государственным контролером Тюрго представил королю финансовую программу, содержавшую ряд реформ. Основываясь на физиократической теории, Тюрго говорил, что нельзя увеличивать налоги и надо сократить государственные расходы, особенно на содержание королевского двора.

Людовик XVI согласился с программой Тюрго и обещал выполнить ее. Но, слабый и безвольный, находившийся под влиянием придворной камарильи и особенно своей жены — австрийской принцессы Марии-Антуанеты (которая, по остроумному выражению одного современника, была единственным мужчиной в семье нового короля), Людовик XVI не выполнил своего обещания.

Тюрго не удалось сократить государственные расходы. Но уже в 1774 г. — в первый год своего управления финансами Франции — он провел указ (от 13 сентября 1774 г.) о восстановлении свободы торговли зерном и мукой внутри королевства. Указ объявлял также свободу ввоза зерна и разрешал беспошлинный его вывоз из королевства [1].

---

[1] См. *Turgot,* Textes choisis, 1947, p. 355—364.

Текст этого указа не включен в Избранные экономические произведения Тюрго в русском переводе.

В январе и феврале 1776 г. Тюрго подготовил несколько законопроектов. Из его проектов, утвержденных королем, особо важными были два эдикта. Один из них заменял натуральную дорожную повинность, выполняемую главным образом крестьянами и тяжким бременем лежащую на них, денежной поземельной податью с распространением ее и на привилегированные сословия, «обладающие значительной частью земельной собственности» [1].

Гораздо большее значение придавал Тюрго другому эдикту — об упразднении цехов и гильдий. Считая, что «после свободы торговли зерном это один из самых крупных шагов... на пути к улучшению или, вернее, возрождению королевства», Тюрго полагал, что этот эдикт имеет такое же значение для промышленности, какое эдикт 1774 г. имел для земледелия [2]. Труд каждого гражданина объявлялся личной собственностью и представлялся в полное его распоряжение. Вместе с тем во имя понимаемой в буржуазном смысле свободы труда как свободной конкуренции между рабочими запрещались какие бы то ни было объединения и союзы мастеров, подмастерьев, рабочих, учеников [3].

Подготовленные Тюрго эдикты не походили на обычные указы короля. Новый министр присоединял к ним обширные преамбулы. Это были (по образному слову А. А. Шахова — знатока истории общественной мысли Франции XVIII века) литературные введения, философские увертюры, целые исповедания веры, которые объявляли смерть всему, что сколько-нибудь напоминает феодализм.

Указанные выше и другие эдикты восстановили против Тюрго дворянство, духовенство и ту часть буржуазии, которая была заинтересована в существовании цехов, гильдий, монополий. «...Версальские бары, ветхие бюрократы, откупщики, попы, куртизанки, цеховые мастера в каждом эдикте усматривали ряд новых грозных

---

[1] См: *Turgot,* Textes choisis, 1947, p. 366.

Этот указ не приводится в русском издании Избранных экономических произведений Тюрго.

[2] См. там же, стр. 377.

[3] См. там же, стр. 395—414.

Перевод этого эдикта не дан в настоящей книге.

манифестов...»[1] И король, который первое время поддерживал своего министра и утверждал его проекты, уволил под нажимом придворной камарильи (в мае 1776 г.) Тюрго в отставку и поставил его во главе финансового ведомства Жака Неккера, противника Тюрго и физиократизма вообще.

И уже в августе 1776 г. король отменил все эдикты, которые составлял Тюрго[2].

Не удалось Тюрго, как и несколько лет назад в Лимузене, осуществить и основного — физиократический принцип в области налогового обложения: путем установления единого налога на «чистый продукт», «чистый доход», т. е. ренту, возложить все бремя налогов на земельных собственников.

Этот проект Тюрго сводился к изъятию в виде налога части дохода от земли. А так как доход от земли представляет собою экономическую реализацию земельной собственности, то изъятие части этого дохода равносильно частичной конфискации земельной собственности.

Попытка Тюрго осуществить идею единого налога на земельную собственность вызвала яростное сопротивление дворян и духовенства, экономическое и политическое могущество которых основывалось на земельной собственности.

Деятели французской революции высоко ценили Тюрго. Марат считал его великим государственным деятелем, чье дарование так ярко обнаружилось в области финансового управления[3].

Физиократические идеи, которые пытался провести в жизнь королевский министр Тюрго, осуществила французская буржуазная революция в конце XVIII века. Предложения Тюрго, включая налог на земельную собственность, повторенные революционным народом в своих наказах, были приняты Учредительным собранием.

Вот почему Маркс называет «одним из отцов французской революции», в смысле «прямого влияния» на нее, не Кенэ, а Тюрго[4].

[1] *А. Шахов,* Вольтер и его время, Спб., 1907, стр. 281.

[2] См. *Georges Weulersse,* La Physiocratie sous les ministères de Turgot et de Necker, Paris, 1950.

[3] См. *Жан Поль Марат,* Избранные произведения, том первый, М., 1956, стр. 281.

[4] См. *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. 1, стр. 321.

В 1774—1776 гг. Тюрго, затрачивая все силы ума и сердца на практическую деятельность министра-реформатора, на составление проектов различных эдиктов, не смог создать значительных теоретических произведений.

Выйдя в мае 1776 г. в отставку, Тюрго, которого начали одолевать болезни, уже не смог заняться новыми научными трудами. Из произведений этого времени наибольший интерес представляет переработка им своего старого Похвального слова Гурнэ. Перерабатывая это сочинение, относящееся к 1759 г., Тюрго пытается, правда, не совсем удачно, подогнать взгляды Гурнэ под физиократизм и, излагая его воззрения, обосновать и оправдать свою деятельность министра-реформатора.

* *
*

Завершитель физиократизма, Тюрго не считал себя учеником Кенэ. Всегда открещиваясь от своей принадлежности к физиократической «секте» (по его собственному выражению), Тюрго, восприняв основы физиократического учения, развивал дальше физиократизм, исходя из принципов эквивалентности обмена и свободы конкуренции.

Многочисленные сочинения учеников Кенэ — аббата Бодо, Мерсье де ла Ривьера, Дюпон де Немура и других — были не более чем комментариями и популяризацией идей своего учителя. Единственный среди физиократов, кто развивал идеи и положения Кенэ и внес свое, новое в теорию физиократов (иногда даже расходясь с основоположником их учения), был Тюрго. «У *Тюрго* физиократическая система приняла наиболее развитый вид» [1]. Он дал более глубокий, чем Кенэ, анализ капиталистических отношений.

К физиократизму, прельщенные его феодальной внешностью — мнимым превознесением земельной собственности прежде всего — примкнули многие представители феодальной аристократии: маркиз Мирабо старший, русский посол во Франции, а затем в Нидерландах

---

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. 1, стр. 20.

князь Д. А. Голицын и др. Феодальная видимость физиократической системы ввела в заблуждение даже монархов — Карла Фридриха Баденского, Густава III Шведского, Леопольда Тосканского, Станислава Польского, Иосифа II Австрийского...

Тюрго отнюдь не превозносит феодальную земельную собственность и ее носителей — дворян, церковников. У него, выступающего против них, вопреки их экономическим интересам «...эта иллюзия полностью исчезает, и физиократическая система выступает как выражение нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального общества» [1].

Тюрго метко уловил противоречие между феодальной видимостью физиократизма и его буржуазной сущностью. В письме Дюпону от 20 февраля 1766 г., обращаясь к физиократам, к которым он сам себя не причислял, Тюрго замечает: «Вы — покровители промышленности и торговли, а имеете неловкость выступать как их враги» [2].

Понимая и анализируя капиталистические отношения лучше, чем Кенэ, Тюрго развил его учение о классах. В представленное Кенэ деление общества на три класса — производительный (фермеры), земельных собственников и бесплодный класс — Тюрго внес существенное дополнение. Внутри производительного и бесплодного классов он увидел предпринимателей-капиталистов и наемных рабочих. Тем самым Тюрго положил в основу деления каждого из этих классов новый, не применявшийся дотоле признак — отношение к средствам производства.

Таким образом, он создал схему классового строения общества, значительно более близкую к действительности, чем соответствующая схема Кенэ.

Тюрго сделал интересную попытку объяснить происхождение общественных классов. Он выводит происхождение классов из общественного разделения труда — между земледельцем и ремесленником. Труд земледельца обеспечивает средствами существования не только его самого (вместе с семьей), но извлекает из земли также сверх необходимого для удовлетворения его лич-

---

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. 1, стр. 16.

[2] Turgot, Oeuvres.., t. 2, Paris, 1914, p. 508.

ных потребностей. Этот избыток и образует «единственный фонд заработков, которые получают все другие члены общества в обмен за свой труд» («Размышления...», § 5). Для Тюрго, как и для Кенэ, труд земледельца является единственным источником всякого богатства.

Сперва общество, говорит Тюрго, разделялось на два класса: производительный, или класс земледельцев, и содержимый (наемный), или класс ремесленников. Когда люди перешли к занятию земледелием, было достаточно свободных земель. Поэтому каждый земледелец, обладая землей, не имел надобности работать на другого. С развитием земледелия каждый участок обрел своего собственника. Земледелец и собственник земли соединяются в одном лице. При отсутствии свободных земель и большом спросе на них земельные фонды поступают в торговый оборот. Покупка и продажа земель ведет к сосредоточению в руках одного собственника большего количества земли, чем он сам может обработать.

Собственник земли желает пользоваться своим богатством не трудясь и потому предоставляет обработку своей земли людям, лишенным собственности на землю. От собственника земли обособляется земледелец. Получаемый им сверх затраченных средств и оплаты его труда чистый доход он вынужден передать собственнику как плату за пользование землей. Так происходит новое разделение общества уже на три класса: производительный (земледельцы), содержимый (ремесленники) и незанятый класс — собственников земли.

Земельная собственность и земельные собственники лишаются, в представлении Тюрго, того ореола, каким окружал их Кенэ. Тюрго даже не ссылается (как то делал Кенэ для обоснования ренты) на совершенные собственником поземельные затраты. Для Тюрго земельная собственность — факт, результат сперва завладения землей, а потом и покупки ее.

Тюрго подчеркивает, что собственник нуждается в земледельце «в силу необходимости физического порядка, согласно которому земля не производит ничего без труда». Земледелец же нуждается в собственнике «только в силу человеческих соглашений и гражданских законов» («Размышления...», § 17).

Стало быть, не физическая необходимость, а созданный людьми порядок обусловливает то, что класс собственников присваивает без эквивалента чистый продукт, создаваемый трудом класса земледельцев.

Сначала Тюрго, подобно Кенэ, изображает чистый продукт как «чистый дар природы». Маркс замечает, что у Тюрго этот «чистый дар природы», являющийся неоплаченной стоимостью, незаметным образом превращается в прибавочный труд земледельца, в прибавочную стоимость. А так как для Тюрго земледельческий труд есть единственный труд, создающий прибавочную стоимость, то получаемая в земледелии прибавочная стоимость является всеобщей формой прибавочной стоимости.

Говоря о ней, Тюрго имеет в виду не меновую стоимость как таковую, не само рабочее время, а потребительную стоимость, избыток продуктов сверх заработной платы земледельца, доставляемый им земельному собственнику.

Однако, замечает Маркс, этот избыток является лишь овеществлением времени, в течение которого земледелец работает бесплатно на собственника, результатом производительной силы труда, приложенного к земле. Отсюда следует, что в пределах земледельческого труда Тюрго правильно понимал прибавочную стоимость, хотя и представлял ее в потребительных стоимостях. Но он рассматривал прибавочную стоимость в земледелии как единственную форму прибавочной стоимости, как всеобщую прибавочную стоимость, внутри которой промышленная прибыль и денежный процент — лишь рубрики, по которым доли ренты переходят от земельных собственников к другим классам.

Говоря о различных способах получения собственником земли дохода от нее, Тюрго считает наилучшим из них сдачу земли в аренду. Он делает оговорку, что этот способ применим лишь в наиболее богатых странах, где в земледелие могут быть вложены капиталы.

Капиталистическая аренда предполагает разделение внутри производительного, земледельческого, класса на фермеров-предпринимателей, т. е. капиталистов, и наемных рабочих.

Тюрго проводит такое же деление — на предпринимателей и наемных рабочих — и внутри бесплодного, со-

держимого за счет земледелия, класса. Предпосылкой появления наемного рабочего вообще — и в земледелии и в промышленности — Тюрго считает отделение работника от условий труда и прежде всего от земли.

Не располагая ничем, кроме своих рук, рабочий вынужден продавать свой труд все равно какому предпринимателю — в земледелии или в промышленности. Защищая свободу конкуренции между рабочими, Тюрго, по меткому замечанию Чернышевского, «допускал право искать работы, а не право иметь ее...»[1] Но и такое понимание Тюрго права на труд было в условиях того времени объективно революционным, ибо «...для установления этой-то свободной конкуренции и необходима была революция»[2].

Конкуренция между рабочими сводит «цену труда», т. е. заработную плату, к минимуму средств существования. «Во всех отраслях труда должен иметь место, и действительно имеет место, тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» («Размышления...», § 6). Это положение Тюрго было впоследствии воспринято представителями английской классической политической экономии (Рикардо) и потом сформулировано Лассалем как пресловутый «железный закон» заработной платы, критику которого дал Маркс.

Говоря, что заработная плата определяется ценами на продукты первой необходимости, Тюрго вместе с тем утверждал, что повышение цен на съестные припасы не наносит ущерба работникам, занятым вне земледелия. С повышением цен на продукты сельского хозяйства, по мнению Тюрго, соответственно повысится и заработная плата. Это положение было опровергнуто уже некоторыми его современниками: если хлеб повысится в цене ныне, а через два, через три месяца увеличится заработная плата, то в ожидании этого рабочий должен умереть с голоду. Жак Неккер восклицал: «Спросите у этого наемного работника, плату которого стараются по возможности понизить, желает ли он дороговизны съестных припасов? Если бы они умели читать, они были бы очень изумлены узнав, что от их имени требуют дороговизны».

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Избранные экономические произведения, т. 1, стр. 645.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, стр. 518.

Приведя эти слова Неккера, Чернышевский считает, что он весьма удачно опроверг опасный софизм Тюрго[1].

Отрыв работника от средств производства, необходимость продажи своего труда, закон заработной платы — все это у Тюрго звенья единой логической цепи.

Он, как и Кенэ, полагал, что заработную плату получают и предприниматели в земледелии и в промышленности как вознаграждение за свой труд. Но если Кенэ сводил весь доход предпринимателя-капиталиста к заработной плате, то Тюрго увидел в этом доходе прибыль, заключающую в себе вознаграждение за заботы, труд, искусство и риск предпринимателя, а также процент на вложенный капитал.

Открыв прибыль как часть дохода предпринимателя-капиталиста, как самостоятельную экономическую категорию, Тюрго неверно объяснил ее природу и происхождение. В духе физиократической системы он рассматривал прибыль и процент как вычеты из ренты, которая была в его представлении всеобщей прибавочной стоимостью.

Тюрго пытался вскрыть связь между прибылью, процентом и рентой. В торговый или промышленный доход входит, по его мнению, кроме процента на капитал, вознаграждение предпринимателя за его труд, искусство и риск. Стало быть, вся прибыль предпринимателя должна превышать процент, который является ее частью. Добавление прибыли к издержкам, ее включение в издержки означает, что предприниматель получает больше, чем ему стоит товар. А этим нарушается эквивалентность обмена, которую предполагает вся физиократическая школа вместе с ее завершителем.

Сведя, в сущности, вопрос о прибыли к проценту, Тюрго сводит процент к ренте. Вместо того чтобы отдать свой капитал в рост, денежный капиталист мог бы приобрести на него в собственность землю, приносящую ежегодную ренту. Следовательно, денежный капитал должен доставить его владельцу сумму процента не меньшую, чем рента при покупке земли, и даже, принимая во внимание риск, сопряженный с отдачей денег в рост, процент должен превышать ренту.

---

[1] См. *Н. Г. Чернышевский,* Избранные экономические произведения, т. 1, стр. 652—653.

Тюрго считает, что цена процента на деньги, как и цена всякого товара, должна устанавливаться в результате столкновения спроса на деньги и их предложения, а всякое вмешательство в этот естественный порядок может только нанести ущерб хозяйству.

Некоторые физиократы (Мирабо старший и другие) считали ростовщичество противным природе. Тюрго, напротив, доказывал правомерность денежного процента и возражал против регулирования его величины.

Сведя прибыль к проценту, а процент к ренте, Тюрго дал объяснение их связи, противоречащее тому правильному взгляду, который высказали позднее Адам Смит и другие политэкономы. Они верно рассматривали промышленную прибыль как форму, в которой прибавочная стоимость первоначально присваивается капиталом, а процент и ренту трактовали лишь как ответвления промышленной прибыли.

При всей ошибочности объяснения Тюрго связи между прибылью, процентом и рентой за ним, который дал еще и теорию заработной платы, остается огромная заслуга. Впервые в истории политической экономии Тюрго сделал попытку объяснить движение доходов различных классов буржуазного общества в их взаимной связи. Дальше, чем Кенэ, продвинулся Тюрго и в понимании капитала. Все деловые люди имеют, по мнению Тюрго, то общее свойство, что «они покупают, чтобы перепродать, и их первые покупки — это аванс, который впоследствии возвращается к ним» («Размышления...», § 67).

В приведенных словах Тюрго раскрыта сущность функционирования денег как капитала. Маркс замечает, что купля с целью продажи — таков характер сделки, в которой деньги, необходимо возвращаясь к их исходному пункту, функционируют как капитал [1].

Тюрго значительно чаще, чем Кенэ и другие физиократы, употребляет, особенно начиная с шестидесятых годов, слово «капитал» вместо «авансы». При этом великий экономист все более отождествляет «капиталы» мануфактуристов и фермеров.

Очень живо и проницательно показывая значение капитала и перечисляя его услуги промышленности,

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 16, стр. 299.

Тюрго, как и вся школа физиократов, «...совершенно произвольно и фальшиво смешивает капитал с капиталистом, из необходимости капитала выводя законность владычества капиталиста» [1].

Тюрго, как и все экономисты до Маркса, не раскрыл тайны прибавочной стоимости. Но ему все же было ясно, что прибавочная стоимость есть такое богатство, которым его собственник может самостоятельно и свободно распоряжаться. Это богатство, которое он не купил, но которое он продает, Тюрго, как указывает Маркс, пришел к пониманию того, что прибавочная стоимость не может возникнуть в обращении [2].

Попытка Тюрго с физиократических позиций дать анализ буржуазного производства и обращения выявила слабые стороны физиократической теории. Развивая и завершая физиократизм, он иногда вступал в противоречие с основными положениями своей системы. Тюрго, в учении которого уже имеются элементы разложения физиократизма, открывал путь дальнейшему развитию буржуазной политической экономии. Очевидно, поэтому основоположники научного коммунизма называют учителем Адама Смита не Кенэ, а именно Тюрго [3].

Проф. И. БАК.

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Избранные экономические произведения, т. 1, стр. 644.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 543; Письма о «Капитале», 1948, стр. 202.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, стр. 530.

ПИСЬМО АББАТУ ДЕ СИСЭ О БУМАЖНЫХ ДЕНЬГАХ

Париж, 7 апреля 1749 г.

Обязанности, которыми нас обременяют, мешали мне до сегодняшнего дня написать Вам, дорогой аббат, и я пользуюсь первой представившейся мне свободной минутой. Вы, наверно, были тоже сильно заняты как службами Страстной недели, так и визитами. Я по крайней мере видел письмо аббата де Вери, в котором он отмечает, что общество в Бурже было многочисленным и хорошим. Поздравляю с этим вас обоих и особенно его; это может смягчить досаду разлуки с Парижем и позволит Вам отдохнуть от занятий накануне предстоящих важных дел. Что касается меня, дорогой аббат, то Вам хорошо известно, что никакое место на земле не могло бы заменить мне удовольствия видеть Вас и обнимать столь часто, как того требуют мои дружеские к Вам чувства.

[*Три письма аббата Террассона*]

Итак, нам придется вести беседу на большом расстоянии. Я не забыл своих обязательств и, чтобы уже с сегодняшнего дня приступить к рассмотрению какого-нибудь вопроса, скажу Вам, что прочел три письма, опубликованные аббатом Террассоном[1] в защиту системы Ло[2] за несколько дней до знаменитого постановления от 21 мая 1720 г., которое, как Вы легко можете себе представить, поставило его в смешное положение.

Часть этих писаний посвящена установленным законом процентам, которые он считает ростовщическими. В его рассуждении есть и верное, и ошибочное, но нет ничего обоснованного. Он недостаточно знаком с приро-

дой процента и с тем, как последний создается посредством обращения, но он достаточно ясно показал, что Парламент в своих увещаниях относительно уменьшения процентов еще более невежествен, чем он.

В остальной части труда рассматривается вопрос о кредите и его природе, и, поскольку в этом заключается основа *системы* или, скорее, *вся система*, я расскажу Вам, какие мысли возникли у меня при этом чтении. Думаю, что изложенные им принципы совпадают с принципами Ло, ибо он, несомненно, писал в согласии с ним. И с тех пор я не могу отказаться от мысли, что Ло не обладал ни достаточно твердыми, ни достаточно широкими взглядами для предпринятого им труда.

[*Кредит негоцианту*]

«Прежде всего, — говорит аббат Террассон в начале своего второго письма, — *в торговле принята аксиома, что кредит,* [оказываемый] *негоцианту, умело ведущему свои дела, достигает десятикратного размера его состояния»*. Но этот кредит отнюдь не является билетным кредитом, подобным кредиту банка Ло. Купец, который бы захотел закупить товаров на сумму, в десять раз превышающую его состояние, и оплатить их векселями на предъявителя, разорился бы в скором времени. Вот истинный смысл этой задачи: негоциант занимает определенную сумму денег, чтобы пустить ее в выгодный оборот, и не только извлекает из этой суммы средства на уплату условленных процентов и на возвращение ее через определенное время, но и получает значительную прибыль для себя. Этот кредит основан отнюдь не на состоянии этого купца, а на его безукоризненной честности и деловых способностях, и непременно предполагает погашение [долга] в определенный срок, ибо, если бы векселя оплачивались по предъявлении, купец никогда не мог бы пустить в выгодный оборот занятые им деньги. Следовательно, было бы противоречием, если бы предъявительский вексель приносил проценты, и подобный кредит не может превышать фондов того, кто совершает заем. Итак, барыш, получаемый негоциантом благодаря кредиту, превышающему в десять раз тот, какой он получил бы только под свое собственное имущество, является исключительно результатом его деловых спо-

собностей. Это — прибыль, которую он извлекает из денег, проходящих через его руки благодаря доверию, вызванному точностью, с какой он их возвращает, и смешно делать из этого вывод, какой я, кажется, прочел у дю То, что купец может выдавать векселя на сумму, в десять раз превышающую его состояние.

Заметьте, что король не извлекает никакой прибыли из денег, которые он берет взаймы; он нуждается в них либо для уплаты своих долгов, либо для государственных расходов, поэтому он может вернуть деньги лишь из собственных средств и если занимает больше, чем имеет, то разоряется. Кредит ему сходен с кредитом духовенству. Одним словом, всякий кредит представляет собой заем и по самой своей сущности связан с возвратом. Купец может занимать больше, чем имеет, потому что и проценты и капитал он оплачивает не из того, что имеет, а из сумм, которые он занимал и которые не только не уменьшаются в его руках, но возрастают благодаря его деловым способностям.

Государство, король, духовенство, штаты какой-либо провинции, потребности которых поглощают занятые ими суммы, неизбежно разоряются, если их доходы недостаточны для того, чтобы ежегодно, помимо текущих расходов, выплачивать проценты и часть капитала, взятого взаймы во время чрезвычайной нужды.

Аббат Террассон думает совершенно иначе. По его мнению, *«король может намного превысить десятикратную пропорцию, которой должны придерживаться негоцианты и частные лица.* Вексель негоцианта, если он оказывается непринятым при каких-либо торговых сделках, не обращается как деньги и, следовательно, вскоре возвращается к своему источнику; лицо, выдавшее этот вексель, оказывается вынужденным оплатить его и как бы лишается выгод кредита. Иначе обстоит дело в отношении короля: все обязаны принимать его вексель, и если этот вексель пускается в обращение как деньги, то он *действительно платит самим обязательством своим».* Эта доктрина совершенно очевидно является иллюзией.

[*Деньги и кредит*]

Если вексель ценится так же, как и деньги, то зачем нужно обещание платить по нему? Если вексель заменяет монеты, это уже не кредит. Ло хорошо почувствовал это

и признал, что находящиеся в обращении бумаги являются на самом деле монетой; он утверждает, что они такие же хорошие деньги, как золотые и серебряные. «Оба эти металла, — говорит аббат Террассон, — являются лишь знаками, представляющими реальные богатства, то есть товары. *Экю*[3] *это вексель, составленный в следующих выражениях: любой продавец даст предъявителю сего нужные ему продукты или изделия на сумму в три ливра*[4] *за полученный ... на такую же сумму товар, и изображение государя заменяет подпись.* Так вот, не все ли равно, будет ли этот знак изготовлен из серебра или из бумаги? Не лучше ли выбрать материал, который ничего не стоит, который не приходится изымать из торговли, где он используется в качестве товара, и который, наконец, изготовляется в королевстве, т. е. не ставит нас в неизбежную зависимость от иностранцев и владельцев рудников, *жадно использующих соблазн или блеск золота и серебра, чтобы губить другие народы,* материал, производство которого можно увеличивать по потребности, не опасаясь, что его когда-либо не хватит, и в отношении которого никогда не возникнет искушение употребить его для какой-либо другой цели, кроме денежного обращения. Бумага обладает всеми этими преимуществами, заставляющими предпочитать ее серебру».

[*Колебания ценности золота*]

Если бы все эти рассуждения были справедливы, то философский камень явился бы большим благодеянием, ибо тогда никогда бы не было нехватки золота или серебра для покупки всякого рода товаров. Но позволительно ли было Ло не знать того, что золото, как и все остальное, теряет в цене, если его количество увеличивается? Если бы он прочел и обдумал Локка[5], писавшего за двадцать лет до него, то знал бы, что все товары какого-либо государства всегда находятся в равновесии друг с другом и с золотом и серебром соразмерно количеству и сбыту их; он бы узнал, что золото отнюдь не имеет внутренне присущей ему ценности, всегда соответствующей определенному количеству товаров; но, когда золота больше, оно менее дорого и его следует давать больше за определенное количество товаров; таким образом, золото при свободном его обращении всегда

удовлетворяет потребности государства и совершенно безразлично располагать сотней миллионов марок или одним миллионом, если покупать товары за цену, возросшую в той же пропорции. Он не представлял себе, что деньги лишь символическое богатство, доверие к которому основывается на печати государя.

Однако эта печать лишь удостоверяет вес и достоинство денег. Она настолько мало устанавливает их цену, что увеличение количества монет всегда оставляет неизменным соотношение веса и достоинства их с товарами, и серебро в слитках столь же дорого, как и в монетах; их нарицательная ценность всего лишь название. Вот чего не знал Ло, создавая свой банк.

Итак, в качестве товара деньги выступают не как знак, а как общая мера для других товаров; и это происходит не в результате произвольного соглашения, обусловленного блеском этого металла, а потому, что, будучи в состоянии разделить его на точные части, всегда можно, приведя к тому же знаку, определить ценность.

Золото обладает ценностью вследствие своей редкости, и совсем не плохо, что оно употребляется одновременно и как товар и как мера, ибо оба способа употребления поддерживают его цену.

[*Бумажные деньги*]

Я предполагаю, что король может ввести бумажные деньги, хотя и при всей силе его власти это является делом нелегким. Рассмотрим, какие это принесет выгоды. Во-первых, если он увеличит количество бумажных денег, то тем самым он их обесценит; и так как он всегда сохраняет возможность их увеличения, то невероятно, чтобы народ согласился отдавать свои товары за чек (effet), для обесценения которого достаточно одного росчерка пера. «Но, — говорит аббат Террассон, — король заинтересован в том, чтобы для сохранения своего кредита удержать бумажные деньги в должных границах, и этой заинтересованности государя достаточно, чтобы создать к ним доверие». Каковы будут эти должные границы и как их определить? Рассмотрим эту систему во всех возможных случаях и посмотрим, какова будет надежность ее и приносимая ею польза в каждом из них.

Замечу сначала, что совершенно невозможно, чтобы король заменил употребление золота и серебра бумагой. Золото и даже серебро, если их рассматривать лишь как денежные знаки, благодаря обращению распределены в настоящее время среди населения пропорционально товарам, промыслам, землям, реальным богатствам частных лиц или, скорее, в соответствии с доходами от этих богатств и издержками. Но это соотношение никогда не может стать известным, ибо оно скрыто и каждое мгновение меняется в результате нового обращения. Король не станет раздавать свои бумажные деньги каждому в зависимости от имеющегося у того количества золотой монеты, запрещая лишь употребление последней в торговле; следовательно, нужно, чтобы он привлекал к себе золото и серебро своих подданных, давая им взамен свои бумаги, а это он может делать, лишь давая эти бумаги как представляющие деньги. Иначе народ их не возьмет. Таким образом, ценность банковских билетов определяется в серебре, они по самой природе своей подлежат покрытию. Это относится и ко всякому долговому обязательству, ибо было бы противно разуму, чтобы народ давал серебро за бумагу. Это значило бы отдавать свое состояние на милость государю, как я это докажу ниже.

И теорией и опытом одинаково доказано, что народ никогда не согласится принять бумагу, если она не представляет серебра и, следовательно, не обратима в деньги.

Один из способов и, быть может, единственный, которым король мог бы привлечь к себе серебро, заключается в том, чтобы принимать свои билеты наравне с серебряными деньгами, а выдавать лишь билеты, оставляя у себя серебро. Тогда ему пришлось бы выбрать одно из двух: или расплавить серебро, чтобы пользоваться им как товаром, принуждая своих подданных употреблять бумажные деньги, или одновременно пустить в обращение металлические и бумажные деньги, взаимно представляющие друг друга.

[*Гипотеза одновременного обращения металлических и бумажных денег; обесценение бумажных денег*]

Начну с рассмотрения этого последнего положения. Теперь я предполагаю, что король вводит в торговлю количество бумажных денег, равное серебряным (Ло

хотел вложить в десять раз больше). Поскольку общее количество знаков всегда уравновешивается с общим количеством товаров, которое всегда одинаково, то очевидно, что знак будет стоить вполовину меньше, или, что то же самое, товары в два раза больше. Но, независимо от их качества как знака, золото и серебро имеют свою реальную ценность в качестве товара; эта ценность также колеблется вместе с ценностью других товаров в соответствии с их количеством, и этой ценности они не теряют и в виде монет, ибо монету можно всегда расплавить. Итак, серебро будет стоить больше в виде слитков, чем в виде монет; это означает, что на серебро в слитках можно приобрести больше товара, чем на сумму бумажных денег, соответствующую серебру в монете. Таким образом, как я это докажу ниже, король всегда будет вынужден увеличивать число своих билетов, если не захочет сделать их бесполезными. Это несоответствие будет возрастать до тех пор, пока серебро и бумага не перестанут быть взаимно обратимыми; бумажные деньги будут со дня на день падать в цене, в то время как серебряные всегда будут стоять на одном уровне и будут соответствовать одному и тому же количеству товаров. С того же момента, как прекратится взаимный обмен серебра и билетов, последние потеряют всякую ценность, и я полностью докажу это при рассмотрении другого предположения, заключающегося в том, что король заставит своих подданных пользоваться исключительно бумажными деньгами.

[*Гипотеза обращения только бумажных денег; неустойчивость их ценности*]

Отмечу, что бумажные деньги имеют общее неудобство, которое заключается в том, что ввиду произвольности их количества никогда не может быть твердой уверенности в его соответствии количеству товаров. В то время как нарицательная ценность монеты меняется вместе с изменением ее веса, монета одного и того же веса всегда соответствует одному и тому же количеству товаров. Но в случае бумажных денег, имеющих лишь нарицательную ценность, ничто не может быть постоянным, ничто не обеспечивает соответствия нарицательной ценности, проставленной на билетах, ценности всего серебра,

имеющегося в королевстве. Окажем им гипотетически все возможное доверие; если число билетов будет увеличено вдвое, цена товаров увеличится вдвое и т. д.

Поэтому в первую очередь неверно, что *система* [Ло], как утверждает аббат Террассон, является средством всегда иметь достаточно соответствующих товарам знаков для производимых расходов, т. к. одинаково противоречивы утверждения, что для того, чтобы уравновесить товары, не имеется достаточно денег и что их может оказаться слишком много, ибо цена на товары связана с большей или меньшей редкостью денег и представляет собой лишь выражение этой редкости.

Во-вторых, выгода, которую получит король от *системы,* будет преходящей выгодой при выпуске билетов или, в особенности, при увеличении их числа, а [действие этой выгоды] весьма скоро прекратится, ибо продукты будут пропорционально возрастать в цене по мере увеличения числа билетов.

Я знаю, что мне ответят: «Здесь имеется отличие от простого увеличения нарицательной ценности, когда количество денег возрастает в руках всех частных лиц, среди которых они распределены, что отражается только на долгах, выраженных в нарицательной ценности. Здесь это увеличение количества денег совершается полностью в руках короля, который таким образом создает себе богатства по своим надобностям и, выпуская в обращение билет уже обесцененным, извлекает из него всю выгоду еще до того, как этот билет, находясь в обращении, начинает увеличивать цену продуктов».

[*Выпуск билетов, бюджетный ресурс*]

Что же тогда получится? Король, выпуская таким образом для своих надобностей билеты, сможет освободить полностью свой народ от податей и совершать гораздо более значительные траты, только следует знать (а это легко рассчитать), в какой прогрессии число билетов должно ежегодно возрастать. Очевидно, что поскольку билеты предшествующего года, повысив цены на товары, вызвали соответственное увеличение расходов по тем же статьям, то в следующем году надо выпустить билетов намного больше, соблюдая прогрессию, которая будет постоянно возрастать по мере того, как будет уве-

личиваться номинальная ценность издержек. Вообще, всегда нужно сохранять то же соотношение между всей массой старых билетов и массой новых, например один к четырем.

Проследим, какие преимущества и какие неудобства может создать эта гипотеза, и сделаем отсюда некоторые выводы.

1. — Я признаю, что с помощью этого средства король избавит своих подданных не от обложения, — ибо из ничего ничего нельзя сделать, а получать от своих подданных товары, давая им билеты, не равноценные этим товарам, значит пользоваться их добром, — но по крайней мере от издержек и притеснений, которые увеличивают число и тяжесть податей.

2. — Мне неясно, как можно узнать, будет ли это вспоможение, которое король получит от своих подданных, выплачено всеми соответственно состоянию каждого. Ясно, что если купец, получивший королевский билет, выручает лишь ту цену, какую он [билет] должен иметь в обращении вместе со всей массой билетов, число которых он увеличил, то все бремя обложения несли бы только те лица, с которыми король имеет непосредственные сношения.

Решение этого вопроса зависит от довольно сложной задачи: *когда и как новая сумма денег в обращении уравновешивается со всей массой товаров?* Совершенно ясно, что лишь постепенное предложение этих денег при покупке различных товаров удорожит их для населения. Когда лицо, получившее от короля деньги, тратит их, они еще не поступают в обращение, следовательно, товары еще не дорожают. Лишь после того, как новые деньги прошли через несколько рук, цена на все товары повышается. По-видимому, отсюда можно сделать вывод, что, хотя в этой области ничего нельзя знать абсолютно точно, все же весьма правдоподобно, что убыток довольно равномерно распространяется на всех частных лиц.

Но досадно, что столь прекрасная система неосуществима. Из книги записей Монетного двора известно, что с момента общей перечеканки в 1726 году во Франции было изготовлено монет на сумму 1 200 миллионов. Сумма денег, ввезенная из-за границы, уравновешивается той суммой, которую надобности страны заста-

вили уйти за пределы королевства. Сумму же эту можно исчислить приблизительно в 1 200 миллионов. Доход короля составляет около 300 миллионов, что представляет собой ее четвертую часть. Таким образом, королю для покрытия своих необходимых расходов потребуется четвертая часть всей массы нарицательных ценностей, существующих в государстве и находящихся в обращении. В том случае, если бы король сам создавал весь свой доход, как это могло бы иметь место при наличии философского камня, или при произвольном увеличении числа билетов, то в момент выпуска новых билетов, когда цены на товары еще не возросли, он не был бы вынужден вновь увеличивать сумму выпуска. Итак, в первый год сумма билетов составила бы:

$$a + \frac{a}{4} = 1200 + 300 = 1500.$$

На второй год:

$$a + \frac{a}{4} + \frac{a + \frac{a}{4}}{4} = 1500 + \frac{1500}{4} = 1875$$ [6].

[Это письмо, по-видимому, не было закончено, во всяком случае, остальная часть его не обнаружена. — *Ред.*]

ПЛАН РАБОТЫ О ТОРГОВЛЕ, ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ, ПРОЦЕНТЕ И БОГАТСТВЕ ГОСУДАРСТВ

[*Установление цен*]

Тем, кто впервые предложил устанавливать цены на товары, следовало бы немножко поразмыслить о способе, посредством которого уравновешиваются интересы продавца и покупателя при установлении цены каждой вещи. Интересы обоих побуждают их прийти к соглашению, ибо одному столь же необходимо продать, как другому купить; но они расходятся во взглядах и спорят относительно назначения цены, ибо один хочет продать дорого, а другой — дешево купить.

Итак, перед нами два противоположных интереса, из которых один уравновешивает и ограничивает другой: желание продать дорого уступает необходимости продать; желание купить по дешевой цене уступает необходимости купить. Каждый сравнивает оба эти интереса для себя самого и решает в результате, предложить больше или просить меньше, до того как оба приходят к соглашению, и сделка совершается.

Если рассматривать в отдельности лишь одну торговую сделку между двумя частными лицами, то вполне очевидно, что обмен был бы всегда совершенно равным, и ни один из них не потерпел бы ущерба, ибо обмениваемые вещи не имели бы другой цены, чем та, какую устанавливает желание каждого из договаривающихся, и только они могут судить об этом желании. В действительности, когда несколько человек предлагают продать один и тот же товар и несколько человек желают его приобрести, на него устанавливается общая (commun) цена, ибо покупатель, имея возможность выбора между

продавцами, не стал бы покупать по более высокой цене у одного то, что другой предлагает за меньшую цену; равно как продавец, не будучи вынужденным продать свой товар скорее одному, чем другому, не отдаст первому своего товара за более низкую цену, чем та, какую он может надеяться получить от другого. В этом случае взаимной конкуренции между продавцами и покупателями цена устанавливается в результате споров между всеми продавцами, с одной стороны, и всеми покупателями — с другой, вместо того чтобы быть установленной в результате договоренности всего лишь между двумя лицами; но отношение предложения к спросу всегда представляет собой единый принцип этого установления. Когда имеется большое количество товара к продаже или мало покупателей, цена на него понижается; когда, наоборот, продукт редок или покупателей много, цена на него повышается. Конечно, может случиться, что какое-то частное лицо окажется обманутым, покупая какой-нибудь товар выше текущей цены [1], если он не осведомился о последней по небрежности или же слепо поверил на слово незнакомому ему купцу, но никогда не бывает, чтобы текущая цена оказалась слишком высокой или слишком низкой. Для этого нужно, чтобы данный товар сам по себе обладал *естественной ценой* (prix naturel), независимо от того, более или менее редко он встречается, больший или меньший на него спрос. Однако этого не бывает и не может быть, ибо только сравнение потребности, испытываемой всеми покупателями коллективно, с коллективным же предложением всех продавцов устанавливает продажную цену.

Это именно и заставило господина де Монтескьё сказать, что «государь или магистрат столь же мало могут устанавливать цену товаров, как постановить, что отношение одного к десяти равно отношению одного к двадцати».

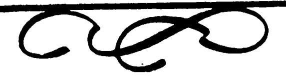
Установить цену на товары, чтобы воспрепятствовать обману граждан купцом, который злоупотребил бы их неопытностью, продавая им товар по цене, превышающей текущую цену, было бы ребячеством. Это означало бы заставить правительство делать то, что может делать каждый и что каждый сделает гораздо лучше, чем оно; помимо того, это означало бы пытаться совершить вещь невозможную, ибо *текущая цена* всех товаров меняется

беспрестанно; магистрату пришлось бы беспрестанно менять свои постановления, и, прежде чем он успел бы получить достаточно сведений, чтобы со знанием дела изменить ее, могло бы уже произойти множество изменений.

Устанавливать цену на товары в целях регулирования самой текущей цены, то есть чтобы удержать ее на низком уровне в пользу покупателей, значило бы прежде всего совершать несправедливость, ибо почему надо покровительствовать покупателю больше, чем продавцу? Разве они все не договариваются между собой одинаково свободно и о той же собственности — один о своем товаре, другой о своих деньгах, — разве они не равны в глазах закона и магистрата? Более того, это значит совершать безрассудную несправедливость, ибо если бы здесь политика могла заставить весы склоняться неравномерно, то они должны были бы скорее склониться на сторону продавца. В конечном счете продавец и покупатель сливаются с тем, кто производит, и с тем, кто потребляет; однако совершенно ясно, что именно труд производящего удовлетворяет все потребности общества, и этот труд не имеет иной цели, кроме выгоды при продаже. Покушаться на право собственности значит нападать на основной принцип всякого общества, ибо полное и безраздельное пользование собственностью является целью всякого законодательства, побуждением, заставившим людей покинуть дикое состояние, чтобы объединиться в общество и подчиниться законам. Наконец, это значит непосредственно выступить против поставленной себе цели, которая заключается в получении для народа пропитания по возможно низкой цене.

Эта цель могла быть достигнута естественным путем в результате конкуренции, к которой всегда приводит свобода. Сбыт и потребление привлекают со всех сторон продавцов, и последние, взапуски один перед другим, снижают цены, чтобы добиться у покупателей предпочтения. Все же они не могут понизить цену настолько, чтобы отказаться от всякой прибыли, ибо они живут своим торгом; им надо добыть себе на пропитание, издержки и проценты на потребные для их коммерции авансы. Когда конкуренция сводит прибыль продавца до этого уровня, товары продаются по самой низкой цене, какая только возможна; если бы цены упали еще ниже,

то продавец продавал бы себе в убыток и, следовательно, перестал бы продавать, а производитель — производить. Что будет делать магистрат? Попытается ли установить текущую цену ниже той, какую можно назвать *основной ценой?* Горе ему, если бы это удалось! Торговля вскоре прекратилась бы совсем и вместо дороговизны, которой магистрат хотел избежать, возник бы голод. Вскоре магистрат оказался бы вынужденным вновь повысить цены, чтобы вернуть купцов, которые в свою очередь получили бы над ним власть, ибо опасение быть предоставленным тревожным причудам такого распорядка, устраняя всех тех, кто может искать другие рынки сбыта, уменьшило бы конкуренцию и, сократив число купцов, облегчило бы им возможность сплотиться. Магистрат несомненно пытался бы установить текущую цену по справедливой таксе, благодаря которой ни потребитель, ни продавец не потерпят ущерба, то есть стал бы делать то, что конкуренция сделала бы гораздо вернее без него.

УЧРЕЖДЕНИЕ ФОНДОВ

[*Политика и естественное право*]

Слова *учреждать, учредить, учреждение* применимы ко всякому установлению, прочному и постоянному, как весьма естественная метафора, ибо само слово *установление* основывается как раз на такой же метафоре.

В этом смысле говорят: *учреждение империи, учреждение республики*. Но мы в этой статье не будем затрагивать такие обширные темы: все, что мы могли бы о них сказать, связано с первоначальными принципами государственного права, с первым установлением людьми органов управления.

Говорят также: *учредить секту*. Наконец, говорят: *учредить академию, школу, больницу, монастырь, фонды для служения обедни, выдачи призов, для проведения публичных увеселений* и т. д. В этом смысле *учредить фонд* значит предназначить фонд или известную сумму денег для длительного осуществления поставленных учредителем целей, независимо от того, предусматривают ли эти цели выполнение обряда религиозного культа или удовлетворение общественных нужд, или же дело идет лишь об удовлетворении тщеславия учредителя, что часто является единственным подлинным мотивом, если даже оба других мотива служат ему покровом.

В рамки настоящей статьи не входят: формальности, необходимые для передачи собственности или фондов лицам, коим поручено выполнение намерений учредителя и которые были для этого последним предназначены; меры предосторожности, которые должны быть приняты

для обеспечения постоянного выполнения обязательств, принятых этими лицами; возмещение убытков тем, которых эта передача собственности может интересовать, например сюзерену, навсегда лишающемуся пошлин, получаемых им при каждой перемене собственника данного участка; пределы, которые политика мудро хотела поставить чрезмерному росту этих отнюдь не скромных дарений; наконец, различные существенные или привходящие обстоятельства *учреждения фондов,* давшие повод к созданию различных законов. Подробное описание этого дано в статьях [Энциклопедии]: Учреждение *(юриспруденция),* Крепостное состояние, Погашение долгов, к которым мы и отсылаем.

[*Невыгоды учреждения фондов*]

Наша цель здесь заключается не в чем ином, как в рассмотрении пользы *учреждения фондов* вообще в отношении к общественному благу, или, вернее, в показе их невыгод. Пусть последующие соображения совместно с философским духом нашего века способствуют тому, чтобы отбить охоту к учреждению новых фондов и уничтожить остаток суеверного уважения к старым.

[*Паллиативные меры и средства устранения некоторых общественных бедствий*]

1. — *Учредитель фондов* — это человек, которому желательно увековечить осуществление своей воли. Но, предполагая самые чистые его намерения, сколько можно привести доводов для сомнения в его познаниях? Как легко причинить зло, желая сделать добро? Как можно с уверенностью предусмотреть, произведет ли какое-нибудь установление то действие, какое от него ожидается, а не совершенно обратное, разглядеть сквозь иллюзию близкого и кажущегося блага реальные беды, которые повлечет за собой длительное сцепление неизвестных причин, знать подлинные язвы общества, доискаться их причин, отличать средства излечения от паллиативов; защитить себя, наконец, от власти искушений, окинуть строгим и спокойным взором проект, окруженный ореолом славы, в котором нам его представляет

восхваление слепого народа и наш собственный восторг. Потребовались бы усилия величайшего гения, и, быть может, успехи политических наук в настоящее время еще недостаточны, чтобы этого достигнуть. Нередко некоторым частным лицам предлагают средства против зла, причина которого имеет общий характер, причем иногда само средство борьбы со злом усиливает влияние причины зла. Мы имеем поразительный пример такого рода в нескольких домах, предназначенных служить убежищем для раскаявшихся женщин. Чтобы быть принятыми в подобное убежище, надо доказать свою причастность к разврату. Я прекрасно знаю, что эту предосторожность пришлось придумать для того, чтобы помешать использованию этого учреждения для других целей, но одно это разве не доказывает, что отнюдь не подобными *установлениями,* не имеющими отношения к истинным причинам распущенности, следовало с нею бороться? То, что я сказал о распутстве, истинно и для бедности. Бедняк имеет неоспоримые права на изобилие богача. Гуманность, религия одинаково обязывают нас помогать нам подобным в нужде. Для выполнения этого необходимого долга в христианском мире было создано множество благотворительных установлений для облегчения всякого рода нужд; бесчисленные бедняки были собраны в больницах, ежедневно получали пропитание у ворот монастырей. Что же произошло? Именно в странах, где эта бесплатная помощь более всего распространена, как то в Испании и в некоторых частях Италии, нищета представляется более обычным и более общим явлением, чем в других странах. Причина этого весьма проста и отмечена многими путешественниками. Дать возможность жить бесплатно большому числу людей значит поддерживать праздность и все обусловленные ею беспорядки, это значит оказывать предпочтение положению бездельника перед положением человека, который трудится, следовательно, это значит уменьшить для государства сумму труда и произведений земли, часть которой неизбежно остается необработанной. Отсюда частый недород, усиление нищеты и, как следствие этого, уменьшение народонаселения: порода искусных в мастерстве граждан заменяется гнусным простонародием, состоящим из нищих бродяг, готовых на всякого рода преступления. Чтобы убедиться в зловредности этой плохо

направленной милостыни, представим себе государство, столь хорошо управляемое, что у него не имеется ни одного бедняка (вещь, несомненно возможная для государства, имеющего колонии, которые надо заселить). Установление бесплатной помощи для некоторого числа людей немедленно создало бы бедняков, то есть дало бы этому же числу людей стимул стать таковыми, забросив свои занятия. Результатом этого были бы вычет из труда и богатства государства, увеличение бремени общественных повинностей, возлагаемого на каждого работающего человека, и все непорядки, какие мы наблюдаем в современном устройстве обществ. Таким образом, самые чистые добродетели могут ввести в заблуждение тех, кто неосторожно предается всему, что они им внушают. Но если благочестивые и достойные намерения обманывают возлагаемые на них надежды, то что подумать об *учреждении тех фондов,* истинный мотив и цель которых заключались лишь в удовлетворении пустого тщеславия и которые, несомненно, наиболее многочисленны. Я не побоялся бы сказать, что если сравнить преимущества и недостатки всех существующих в настоящее время в Европе *фондов,* то, возможно, не нашлось бы ни одного, который выдержал бы испытание с точки зрения просвещенной политики.

[*Невозможность длительного выполнения воли учредителя*]

2. Но, как бы ни была велика польза, которую приносит учреждение фонда, оно в самом себе несет неисправимый порок, вытекающий из самой его природы, — невозможность длительного использования фонда по назначению. Учредители грубо обольщаются, когда воображают, что их рвение будет передаваться из века в век лицам, коим поручено выполнение их воли. Некоторое время они, может быть, и будут воодушевлены ею, но не бывает лиц, которые бы постепенно не утратили своего первоначального духа, не бывает такого чувства, которое не притупляется самой привычкой и близостью к волновавшим его предметам. Каких только смутных чувств ужаса, грусти, умиления человеколюбием, жалостью к страждущим не испытывает человек, впервые вошедший в больничную палату. Ну что ж, пусть он

откроет глаза и посмотрит: в этом самом месте, посреди всех собранных здесь человеческих несчастий, священники, обязанность которых заключается в облегчении этих несчастий, разгуливают с невнимательным и рассеянным видом; они машинально и равнодушно разносят от одного больного к другому еду и прописанные лекарства, иногда с убийственной небрежностью; они ведут безразличные разговоры и заняты, быть может, самыми веселыми и безрассудными мыслями; они стремятся к своим целям, преследуют их, а стоны, громкие крики боли могут отвлечь их не больше, чем журчание ручейка может прервать оживленный разговор; тщеславие, зависть, ненависть, все страсти господствуют там, как и везде. Трудно себе представить, но бывало так, что то же самое ложе было одновременно ложем смерти и ложем разврата. Таково действие привычки в отношении предметов наиболее способных трогать человеческое сердце. Вот почему никакой энтузиазм не бывает устойчивым. А как могут те, кто управляет фондом, выполнять волю учредителя длительно и точно без воодушевления? Какой интерес пересилит в них лень, эту тяжесть, кроющуюся в человеческой природе и непрестанно стремящуюся удержать нас в бездействии? Сами меры предосторожности, принятые учредителем для обеспечения исполнителям его воли постоянного дохода, избавляют последних от стараний заслужить его. Может ли он назначить наблюдателей и инспекторов, чтобы заставить выполнять условия фонда? С этими инспекторами произойдет то же самое, что и со всеми, кого определяют для установления какого бы то ни было порядка. Если препятствие, мешающее установлению порядка, обусловлено ленью, то та же лень помешает им его устранить; если дело заключается в денежном интересе, то они легко смогут разделить между собой прибыль. Таким образом, сами наблюдатели нуждаются в надзоре, и где был бы конец этой нелепой последовательности? Каноников, правда, обязали аккуратно посещать службу, сведя почти все их доходы к получениям за участие в священнодействиях, но это средство может принудить [их] лишь к чисто внешнему участию. Какую же пользу оно может оказать в отношении других, значительно более важных целей *учрежденных фондов?* Поэтому почти все фонды, созданные в прошлом, выродились по сравнению со своим пер-

воначальным назначением. И тогда тот же дух, который породил первые фонды, заставил создать новые по тому же или другому плану, последние в свою очередь выродились и также были заменены таким же способом. Обычно учредители столь предусмотрительно принимали меры, чтобы предохранить свои установления от вносимых извне нововведений, что обычно оказывается легче, и, несомненно, также более почетно учредить новые установления, чем преобразовать старые, но благодаря этим двойным и тройным перестройкам число дармоедов в обществе и сумма фондов, изъятых из общего обращения, непрерывно увеличиваются.

Некоторые фонды перестают существовать еще по другой причине, а именно вследствие истечения срока; это — фонды, учрежденные в *деньгах* или в *процентных бумагах*. Известно, что все виды дохода с течением времени теряют почти всю свою ценность по двум причинам: первая заключается в постепенном и последовательном увеличении нарицательной ценности марки серебра[1], которое ведет к тому, что тот, кто первоначально получал ливр, стоивший двенадцать унций серебра, сегодня за ту же пробу получит в наших ливрах лишь один, не стоящий и семьдесяттретьей части этих двенадцати унций. Вторая причина заключается в увеличении массы серебра. Это привело к невозможности сегодня за три унции серебра получить то, что можно было до открытия Америки иметь за одну. Если бы указанные фонды были целиком упразднены, это не причинило бы больших неудобств. Созданные на эти фонды учреждения продолжают существовать, хотя и не на условиях этих фондов. Так, например, если доходы больницы пострадают от такого убавления, то будет сокращено число больничных коек, но сохранятся оклады капелланов.

[*Со временем польза, приносимая учрежденными фондами, исчезает*]

3. Я хочу предположить, что всякий учрежденный фонд первоначально приносил неоспоримую пользу, что были приняты достаточные меры предосторожности, чтобы помешать лени и небрежности привести его к вырождению, что природа учрежденных фондов предохраняет их от влияющих на общественные богатства пере-

мен, которые происходят с течением времени: неизменность, которую его учредители постарались ему придать, также является значительным недостатком, ибо время приносит новые перемены, кои уничтожают пользу, которую данный фонд первоначально приносил, и могут даже сделать его вредным. Общество не всегда имеет те же потребности: природа и распределение собственности, деление разных сословий народа по мнениям, нравам, общим занятиям нации или различных ее частей, самый климат, болезни и другие несчастные случаи человеческой жизни подвержены непрерывным изменениям. Возникают новые потребности, другие перестают ощущаться; соотношение живущих в обществе людей изо дня в день меняется, и вместе с тем исчезает или уменьшается польза *фондов,* предназначенных для их [потребностей] удовлетворения. Войны в Палестине послужили стимулом к созданию бесчисленных фондов, которые перестали приносить пользу с прекращением этих войн. Не говоря уже о военных религиозных орденах, Европа еще покрыта больницами для прокаженных, хотя здесь давно уже неизвестна проказа. Большая часть этих установлений надолго переживает приносимую ими пользу: во-первых, потому, что всегда найдутся люди, которые на них наживаются и заинтересованы в их сохранении; во-вторых, даже тогда, когда люди совершенно уверены в их бесполезности, они очень долго раздумывают над их уничтожением и не могут решить, какие избрать меры и какие выполнить формальности то ли для того, чтобы сломать эти огромные здания, упрочившиеся за столько веков и часто связанные с другими строениями, которые боятся расшатать, то ли для того, чтобы использовать и поделить их обломки; в-третьих, поскольку людям требуется много времени, чтобы убедиться в бесполезности этих учреждений, они иногда успевают стать вредными до того, как люди начинают подозревать, что они бесполезны.

Следует предполагать, что всякий *фонд,* сколь бы полезным он ни казался, окажется в один прекрасный день по крайней мере бесполезным, а может быть, и вредным, и долго останется таковым. Разве этого недостаточно, чтобы остановить каждого учредителя, который ставит себе иную цель, кроме удовлетворения своего тщеславия?

[*Чрезмерный размах*]

4. Я ничего не сказал еще о роскоши зданий и пышности многих *учреждений:* в некоторых случаях оценка приносимой ими пользы в одну сотую долю затраченных на них средств явилась бы весьма благоприятной.

[*Более удачные решения*]

5. Горе мне, если, представляя эти соображения, я стремился бы к тому, чтобы сосредоточить все помышления человека на его собственной выгоде, сделать его нечувствительным к страданиям или благополучию ему подобных, погасить в нем дух гражданина и заменить бездейственной и низменной осторожностью благородную страсть принести пользу людям. Я хочу, чтобы гуманность, стремление к общественному благу доставляли людям те же блага, что и тщеславие учредителей, но надежнее и в более полном объеме, с меньшими издержками и без примеси недостатков, на которые я сетовал.

[*Всеобщая потребность в свободе действий*]

Среди разных потребностей общества, которые было бы желательно удовлетворить посредством долговечных *установлений* или *фондов*, следует различать два рода потребностей. Одни свойственны обществу в целом и являются лишь результатом интересов каждой из его частей: таковы общие потребности человечества, пища для всех людей, добрые нравы и воспитание детей всех семей, и этот общий интерес более или менее настоятелен для разных потребностей, ибо человек сильнее чувствует потребность в пище, чем потребность дать своим детям хорошее воспитание. Не требуется больших размышлений, чтобы убедиться в том, что этого рода потребности общества не таковы, чтобы их могли удовлетворить учрежденные *фонды* или какое-либо другое *даровое* средство: в этой области общее благо должно быть результатом действий каждого частного лица в собственных интересах. Всякий здоровый человек должен добывать себе пропитание своим трудом, ибо если бы он насытился не работая, то это произошло бы за счет тех, кто работает. Обязанности государства в отношении каждого из своих членов заключаются в устранении препятствий,

которые мешают их деятельности или омрачают удовольствие пользования продуктами, являющимися вознаграждением за нее. Если эти препятствия существуют, то частные благодеяния отнюдь не уменьшат всеобщей нищеты, ибо причина ее целиком сохранится.

Совершенно так же все семьи обязаны давать образование своим детям, все они в этом непосредственно заинтересованы, и только усилия каждой из них в частности могут привести к общему совершенству образования. Если вас забавляет учреждать фонды на оплату преподавателей и стипендии для учеников в школах, то это будет полезным для небольшого числа людей, случайно обласканных судьбой и, возможно, совсем не обладающих талантами, необходимыми для использования ее [судьбы] даров: для всего народа это будет лишь каплей в море, и вы, затратив очень много, достигнете весьма малых результатов. И затем, следует ли приучать людей все требовать, все получать и ничем не быть обязанными самим себе? Этот род попрошайничества, распространившийся среди всех сословий, унижает народ и придает всем высоким страстям характер низости и интриги. Если люди сильно заинтересованы в добре, которое вы хотите им оказать, *предоставьте им свободу действий* — вот великий и единственный принцип. Если вам покажется, что они проявляют меньше пыла, чем это вам было бы желательно, увеличьте их заинтересованность. Вы хотите усовершенствовать дело образования — предложите премии для соревнования отцов и детей, но пусть эти премии будут выданы тем, кто их заслуживает, по крайней мере в каждом сословии граждан, пусть должности и места всякого рода становятся наградой заслугам и работой с обеспеченной перспективой, и вы увидите, как дух соревнования вспыхнет в каждой семье. Вскоре ваш народ подымется на более высокую ступень, вы просветите его ум, вы привьете ему добрые нравы, вы совершите большие дела, и для этого не потребуется таких издержек, как на учреждение школы.

[*Случайные потребности — частная помощь*]

Другой вид общественных потребностей, которые пытались удовлетворить с помощью *учреждения фондов*, включает потребности, которые можно рассматривать

как случайные. Будучи ограничены определенным местом и определенным промежутком времени, они в меньшей мере входят в систему общего управления, и для их удовлетворения может понадобиться особая помощь. Дело может идти о помощи в случае недорода, эпидемии, о содержании нескольких стариков, нескольких сирот, о воспитании подкинутых детей, о производстве или поддержании работ, необходимых для благоустройства или оздоровления какого-либо города, усовершенствовании земледелия или каких-либо чахнущих в каком-нибудь округе ремесел, о вознаграждении услуг, оказанных каким-либо гражданином городу, членом которого он является, о привлечении в какой-либо город людей, известных своими талантами, и т. д. Однако весьма сомнительно, чтобы путь общественных установлений и учреждения фондов был бы наилучшим для обеспечения людям всех этих благ в самом широком объеме. Свободное пользование доходами какой-либо общины или обложение всех ее членов в случае срочной и общей необходимости, свободное сообщество и добровольная подписка нескольких щедрых граждан в случае, когда интерес менее непосредственен и менее ощутим всеми, — вот каким образом можно прекрасно выполнить все эти действительно полезные намерения, и этот метод имеет по сравнению с *учреждением фондов* то неоценимое преимущество, что он исключает какое бы то ни было крупное злоупотребление. Поскольку взносы каждого совершенно добровольны, невозможно, чтобы фонды были обращены не по назначению. Если это произойдет, то источник средств немедленно иссякнет; деньги не израсходуются бесполезно на роскошь и сооружения. Это сообщество того же рода, что и общества в торговле, с той разницей, что оно ставит себе целью лишь общественное благо, и, поскольку фонды используются лишь на глазах участников, последние в состоянии наблюдать за наиболее благоразумным их использованием; помощь оказывается лишь страждущей части общества, лишь хиреющей отрасли коммерции. Прекращается нужда, прекращается и помощь, которая обращается на другие нужды. Здесь не происходит ненужных повторений, ибо щедрость общественных благотворителей всегда определяется признанной в настоящий момент необходимостью. Наконец, этот метод не изымает никаких фондов

из общего обращения: земли не будут больше навсегда передаваться в ленивые руки, и их продукция в руках деятельного владельца будет ограничена лишь плодородием почвы. Пусть не говорят, что это несбыточные мечты; Англия, Шотландия и Ирландия полны таких обществ и в течение многих лет испытывают их благодетельное действие. То, что имеет место в Англии, может иметь место и во Франции, и что бы ни говорили, англичане не обладают исключительным правом быть настоящими гражданами. Мы уже в нескольких провинциях имеем примеры таких объединений, что доказывает их возможность. Приведу в пример город Байе, жители которого добровольно сложились, чтобы полностью уничтожить нищенство. Это им удалось сделать, предоставив работу всем здоровым нищим и оказывая милосердие инвалидам. Этот прекрасный почин может быть поставлен в пример другим городам: если сильно захотеть, ничто не может быть легче, чем направить на общеполезные и известные цели соревнование и склонности народа, столь чувствительного к вопросам чести, как наш, и столь легко поддающегося всем впечатлениям, какие правительство захочет и сможет создать у него.

[*Общественная польза — высший закон*]

6. — Эти размышления должны привести нас к восхвалению мудрых ограничений, поставленных королем в своем эдикте от 1749 года, свободе учреждения новых фондов. Добавим, что эти ограничения не оставляют ни малейшего сомнения в неоспоримом праве сначала правительства в гражданских делах, а затем правительства и церкви в религиозных делах располагать старыми фондами, направлять их на новые цели, или, еще лучше, совершенно их уничтожать. Общественная польза — это высший закон, и она не должна страдать ни в результате суеверного уважения к тому, что называют *намерениями учредителей,* как будто бы невежественные и ограниченные частные лица имели право подчинять своим прихотям будущие поколения, ни из опасения нарушить мнимые права некоторых объединений, словно частные объединения пользуются какими-то правами в отношении государства. Граждане имеют права, и их права священны для самого общества в целом, они существуют

независимо от него, они являются его необходимыми элементами, и [граждане] вступают в общество, чтобы вместе со всеми своими правами встать под защиту тех самых законов, кои обеспечивают им имущество и их свободу. Но частные объединения не существуют ни сами по себе, ни для самих себя; они были созданы для общества и должны прекращать свое существование, когда перестают быть полезными.

В заключение скажем, что ни одно из творений человека не создано для бессмертия, и поскольку *учреждение фондов,* число которых постоянно увеличивается из-за тщеславия, поглотило бы в конце концов все средства и все имущество частных лиц, необходимо сделать так, чтобы их можно было бы упразднять. Если бы все люди, когда-либо жившие на свете, имели могилы, то, чтобы найти землю для обработки, было бы совершенно необходимо разрушить эти бесполезные памятники и потревожить мертвецов, чтобы накормить живых.

ЯРМАРКА

[*Определение*]

Ярмарка *(Торговля и Политика)*. Это слово французского языка происходит от латинского слова форум — публичное место и первоначально было синонимом слова *рынок;* в некоторых отношениях оно остается им и поныне. И то и другое слово означает скопление *продавцов* и *покупателей* в указанных местах и в указанное время; но слово *ярмарка* дает представление о более многочисленном скоплении людей, более торжественном и, следовательно, более редком. Это различие, которое поражает с первого взгляда, и определяет употребление каждого из этих двух слов; однако само это различие проистекает из другого, более скрытого, и, так сказать, более коренного различия между этими двумя предметами. Перейдем к выяснению этого различия.

[*Происхождение ярмарок и рынков. Их польза*]

Очевидно, что продавцы и покупатели не могут собираться в определенное время и в определенных местах без какой-либо приманки, какого-либо интереса, возмещающего или даже перекрывающего траты на дорогу и перевозку продуктов или изделий. Не будь этой приманки, каждый оставался бы у себя дома; чем она значительнее, тем более далекий провоз будут выдерживать товары, тем многочисленнее и торжественнее будет скопление продавцов и покупателей и тем обширнее сможет быть округа, центром которой является это сосредоточе-

нис. Естественного хода торговли достаточно, чтобы создать это сосредоточение и увеличивать его до известного предела. Конкуренция продавцов ограничивает цену товаров, а цена товаров в свою очередь ограничивает число продавцов. Действительно, раз любая торговля должна прокормить того, кто ею занимается, необходимо, чтобы число продаж возместило торговцу умеренность прибыли, получаемой от каждой продажи, вследствие чего число торговцев должно соответствовать действительному числу потребителей, с тем чтобы каждому торговцу соответствовало известное число последних. Признав это, предположим: цена какого-либо товара должна быть такова, что для поддержания торговли необходимо было продать его в количестве, потребном для трехсот семейств; ясно, что три деревни, в каждой из которых живет всего по сто семейств, смогут содержать лишь одного купца, торгующего этим товаром. Этот купец, по всей вероятности, обоснуется в той из трех деревень, где наиболее удобно или с наименьшими издержками сможет собраться наибольшее число покупателей; ибо это уменьшение издержек заставит их предпочесть купца, обосновавшегося в этой деревне, купцам, которые захотели бы обосноваться в одной из двух других деревень. Но такое положение, весьма вероятно, создается в отношении нескольких видов товара, и купцы, торгующие каждым из них, соберутся в том же месте по той же причине уменьшения издержек и потому, что человек, которому потребуется два вида товара, предпочтет совершить лишь одну поездку, чтобы достать их, а не две: в действительности получится так, словно он за каждый из этих товаров платит дешевле. Место, ставшее известным благодаря такому соединению торговцев разными товарами, приобретает все большую известность, ибо все ремесленники, род работы которых не связывает их с деревней, и все люди, достаток которых позволяет им быть праздными, съезжаются туда в поисках больших удобств. Конкуренция покупателей привлекает торговцев надеждой на продажу; в этом месте поселяются несколько продающих [один и] тот же товар; конкуренция торговцев привлекает покупателей надеждой на дешевизну, и число тех и других продолжает обоюдно возрастать до тех пор, пока невыгодность расстояния для находящихся далеко покупателей не будет компенсирована дешевиз-

ной товара, созданной конкуренцией, а также тем, что обычай и сила привычки добавляют к приманке дешевой цены. Так естественно образуются различные центры торговли, или *рынки*, которым соответствуют более или менее обширные кантоны, или округа, в зависимости от природы товаров, большей или меньшей легкости путей сообщения и большей или меньшей численности населения. Вот, скажем мимоходом, первая и самая обычная причина возникновения *посадов* и *городов*.

Те же соображения удобства, определяющие стечение купцов и покупателей в известных местах, определяют также известные дни этих стечений, когда товары слишком дешевы для того, чтобы выдержать длительную перевозку, а кантон недостаточно населен, чтобы обеспечить достаточный и ежедневный сбыт. Эти дни устанавливаются как бы молчаливым соглашением, причем для этого довольно самого незначительного обстоятельства. Число дней пути между самыми крупными окрестными селениями в связи с известными периодами, когда люди больше ездят; близость к местам, где отмечаются храмовые праздники; сроки, принятые для платежей; всякого рода периодические торжества, наконец, все то, что собирает в известные дни известное число людей, становится основанием для устройства рынка именно в эти дни, ибо торговцы всегда заинтересованы в том, чтобы найти покупателей, и наоборот.

Но хватит и довольно небольшого расстояния, для того чтобы этот интерес и созданная конкуренцией дешевизна уравновесили издержки на поездку и перевозку товаров. Поэтому вовсе не естественному ходу торговли, воодушевленной свободой, надо приписать эти блестящие ярмарки, где с большими издержками собирают изделия части Европы, ярмарки, кажущиеся местом свидания народов. Выгода, которая должна компенсировать эти непомерные издержки, отнюдь не вытекает из природы вещей, а является следствием привилегий и льгот, предоставляемых торговле в известных местах и в известное время, тогда как во всех других местах она чрезмерно обременена налогами и пошлинами. Не удивительно, что обычные ограничения и притеснения, которым подвергалась так долго торговля во всей Европе, насильственно направили ее пути в места, где ей предоставляли несколько больше свободы. Именно этим

способом государи, даруя освобождение от пошлин, создали столько ярмарок в разных частях Европы, и само собой разумеется, что эти ярмарки должны иметь тем большее значение, чем больше перегружена торговля пошлинами в обычные времена.

Таким образом, как ярмарка, так и рынок представляют собой стечение купцов и покупателей в определенных местах и в определенные дни; но на рынках купцы и покупатели ищут друг друга в силу объединяющей их взаимной заинтересованности; на ярмарках же их объединяет желание использовать известные привилегии. Отсюда вытекает, что ярмарки должны быть гораздо более многолюдными и гораздо более торжественными.

[*Затруднения из-за налогов и ограничений торговли*]

Хотя естественного хода торговли достаточно для образования рынков, случилось так, что, руководствуясь злополучным принципом, который почти при всех правительствах так долго вредил торговле, — я имею в виду манию всем руководить, все регулировать и никогда не полагаться на людей в том, что касается их собственного интереса, — случилось так, говорю я, что в устройство рынков заставили вмешаться полицию. Под предлогом, что одни рынки могут нанести ущерб другим, ограничили их число; запретили продажу некоторых товаров повсюду, за исключением мест, специально для этого указанных. Так сделали то ли для удобства служащих, уполномоченных взыскивать пошлины, которыми эти товары обложены, то ли потому, что хотели ввести специальный порядок осмотра и наложения клейма, и нельзя было для выполнения этих формальностей держать повсюду соответствующие конторы. Трудно охватить все случаи борьбы против этой роковой для промышленности системы; они неоднократно встречаются в *Энциклопедии*.

Самые знаменитые во Франции ярмарки происходят в Лионе, Бордо, Гибрэ, Бокэре и т. д.; в Германии — в Лейпциге, Франкфурте и т. д. Моя цель заключается не в их перечислении, не в подробном изложении привилегий, дарованных некоторыми государями ярмаркам вообще и той или иной ярмарке в частности. Я ограни-

чусь несколькими мыслями, направленными против почти общепринятой иллюзии, заставляющей некоторых лиц ссылаться на объем и размах торговли на известных ярмарках как на доказательство того, что торговля данного государства ведется в огромных размерах.

Ярмарка, несомненно, должна обогатить то место, где она происходит, и создать величие какого-либо отдельного города. Без сомнения, во времена, когда вся Европа стонала в многообразных путах, которыми ее связала феодальная власть, когда каждая деревня представляла собой, так сказать, независимую державу, когда укрывшиеся в своих замках сеньоры видели в торговле лишь случай увеличить свои доходы, взимая непомерные налоги и дорожные пошлины со всех, кого необходимость заставляла проезжать по принадлежащим им землям, те, кто, оказавшись достаточно просвещенными, первыми поняли, что при некотором смягчении строгости при взимании пошлин они будут более чем вознаграждены увеличением торговли и потребления, вскоре увидели, как обогатились, увеличились и украсились их резиденции. Нет сомнения в том, что когда короли и императоры достаточно укрепили свою власть, чтобы избавить от взимаемых их вассалами пошлин товары, предназначавшиеся для ямарок некоторых городов, пользующихся их покровительством, эти города неизбежно стали центрами очень большого торга и показали, как наряду с богатством возросло и их могущество. Но не удивительно ли, что уже после того, как все эти маленькие державы объединились, чтобы образовать одно большое государство под властью единого государя, небрежность, сила привычки, трудность устранения злоупотреблений даже при желании их устранить и трудность появления самого этого желания побуждали сохранить те же ограничения, те же местные пошлины и те же привилегии, какие были установлены, когда каждая провинция и каждый город подчинялись разным государям. Не странно ли, что такие случайные действия не только восхвалялись, но и служили предметом подражания, как творение здоровой политики? Не странно ли, что с весьма похвальными намерениями и ради процветания торговли были устроены новые ярмарки, расширены привилегии и льготы некоторым городам, что даже запретили некоторые отрасли торговли в лоне бедных провинций из

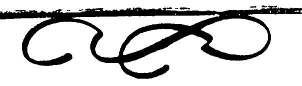
опасения нанести ущерб некоторым другим городам, издавна обогатившимся благодаря именно этим отраслям торговли? А не все ли равно, Пьер или Жак, [провинции] Мэн или Бретань изготовляют то или иное изделие, лишь бы государство богатело и французы жили? Не все ли равно, будет ли продана какая-нибудь ткань в Бокэре или в месте своего изготовления, лишь бы работник получил цену своего труда? Огромный торг, сосредоточенный в одном месте и охватываемый единым взглядом, более чувствительно поразит взор поверхностных политиков. Воды, искусственно собранные в бассейнах и каналах, забавляют путешественника выставкой напоказ легкомысленной роскоши, а равномерно изливаемые дождями на поверхность полей воды, течение которых направляет один лишь наклон местности, распределяя их по всем долинам, образуя там водоемы, всюду приносят богатство и плодородие. Не все ли равно, будет ли в известном городе и в известное время производиться большой торг, если эта временная торговля имеет большой размах лишь по тем самым причинам, какие стесняют торговлю и приводят к сокращению ее во всякое другое время и на всем протяжении государства? «Следует ли, — говорит магистр-гражданин [1], которому мы обязаны переводом Чайлда и которому Франция, быть может, будет в один прекрасный день обязана уничтожением препятствий, поставленных развитию торговли из желания поощрить ее, — следует ли поститься целый год, чтобы изрядно поесть в известные дни? В Голландии не бывает никаких ярмарок, но на всем протяжении этого государства и в течение всего года, можно сказать, происходит непрерывная ярмарка, ибо торговля там всегда и повсюду равно процветает».

Говорят: «Государство не может обходиться без доходов; чтобы удовлетворить его потребности, необходимо обложить товары различными налогами. Однако не менее необходимо облегчить сбыт нашей продукции, главным образом за границу, чего нельзя сделать, не снизив насколько возможно ее цену. Но эти две цели можно примирить, указав места и сроки для беспошлинной торговли, тогда низкая цена товаров привлечет иностранцев и создаст огромный сбыт, в то время как обычное и необходимое потребление даст достаточно [средств] для государственного дохода. Само желание использовать

эти льготные моменты придает продающим и покупающим рвение, которое еще усиливается соблазном торжественности этих крупных ярмарок, в результате чего происходит увеличение общего объема торговли». Таковы доводы, которые приводятся в доказательство полезности крупных ярмарок. Но нетрудно убедиться в том, что с помощью общих мер, покровительствуя в равной степени всем членам государства, гораздо легче примирить обе цели, которые может поставить себе правительство. Действительно, поскольку государь согласен потерять часть своих пошлин и пожертвовать ими в интересах торговли, ничто не препятствует тому, чтобы при установлении единообразных пошлин общая сумма, которую он согласен потерять, осталась бы неизменной. Цель освободить от пошлин продажу за границу, сохранив их лишь для внутреннего потребления, могла бы быть гораздо легче достигнута при освобождении всех выпускаемых товаров от пошлин; ибо, в конце концов, нельзя отрицать, что наши ярмарки не покрывают значительной части нашего потребления. При подобном порядке огромный сбыт, происходящий во время ярмарок, значительно бы уменьшился, но всем ясно, что снижение пошлин в обычное время сильно увеличило бы общее потребление с той разницей, что в случае единообразной и умеренной пошлины торговля получает все то, что государь хочет ей пожертвовать. Между тем в случае более высокой общей пошлины с местными и временными освобождениями от обложения король может пожертвовать многим, а торговля при этом почти ничего не выиграет; или, что то же самое, продукты либо изделия могут понизиться в цене гораздо меньше, чем понизятся пошлины. И это потому, что из выгод, полученных от этого снижения, следует отнять затраты на перевозку продуктов и изделий в места, предназначенные для *ярмарки,* на перемену местопребывания, оплату помещений на *ярмарке,* удорожаемую монополией владельцев, и, наконец, риск не продать в предусмотренный довольно короткий срок и совершить дальнюю поездку без всякой пользы. Таким образом, необходимо, чтобы товар оплатил все эти издержки и риск. Поэтому требуется многое, для того чтобы жертва государя, выражающаяся во временных и местных льготах, была столь же полезна, как и при незначительном уменьшении всей совокупности пошлин.

Требуется весьма много для того, чтобы чрезвычайное потребление увеличилось настолько же при особой льготе, насколько повседневное потребление уменьшается от обычного чрезмерного обложения. Добавим, что не бывает особых льгот, которые бы не порождали злоупотреблений, новых стеснений, увеличения числа служащих и инспекторов, обязанных препятствовать этим злоупотреблениям, и трудности наказания за них. Снова потеря денег и людей для государства.

В заключение скажем, что польза *крупных ярмарок* никогда не бывает столь велика, сколь велик наносимый ими вред, и что, весьма далекие от того, чтобы служить доказательством цветущего состояния торговли, они, напротив того, могут существовать лишь в государствах, в коих торговля стеснена, обременена пошлинами и, следовательно, слаба.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВЕНСАНУ ДЕ ГУРНЭ

Жак-Клод-Мари Венсан, господин де Гурнэ, почетный советник Большого Совета, почетный интендант торговли, скончался в Париже 27 июня этого [1759] года в возрасте сорока семи лет.

Он родился в Сен-Мало в мае месяце 1712 года; его отцом был Клод Венсан, один из самых крупных негоциантов этого города и секретарь короля.

Родители предназначали его к коммерческой деятельности и в 1729 году, едва ему исполнилось семнадцать лет, отправили его в Кадикс.

Предоставленный так рано самому себе, он сумел предохранить себя от опасностей и столь обычного в этом возрасте легкомыслия и в течение всего времени пребывания в Кадиксе его жизнь проходила в занятиях науками, трудах, соответствующих его сословию, в бесчисленных связях, требуемых его деятельностью, а также и тех, которые его личные достоинства не замедлили ему создать.

[*Наука о коммерции*]

Прилежание позволило ему находить время для обогащения своего ума множеством полезных познаний и не пренебрегать даже теми, которые доставляли лишь развлечение. Больше всего он занимался наукой о коммерции, которая его увлекала и на изучение которой он направил всю силу своего ума.

Сравнивать между собой произведения природы и искусств в различных странах; узнавать ценность этих произведений или, другими словами, их отношение к по-

требностям и богатствам местного населения и иностранцев; издержки на перевозку, меняющиеся в зависимости от природы товаров и разнообразия дорог; многочисленные налоги, которыми они обложены, и т. д., одним словом, охватить во всем объеме и проследить постоянные перемены в состоянии произведений природы, состоянии промышленности, населения, богатств, финансов, потребностей и даже капризов моды у всех народов, соединенных между собой торговлей, чтобы, опираясь на глубокое изучение всех этих обстоятельств, прийти к плодотворным заключениям — это значит изучить коммерцию так, как ее изучает негоциант, и это всего лишь часть науки о коммерции. Но обнаружить причины и скрытое действие этого множества непрерывных перемен, добраться до простых побудительных причин, действие которых, всегда сложное и иногда искаженное местными обстоятельствами, направляет все коммерческие операции; распознать эти единые и первоначальные законы, основывающиеся на самой природе, по которым все ценности, существующие в торговле, взаимно уравновешиваются между собой и получают определенную ценность, подобно тому как тела, предоставленные их собственному притяжению, располагаются сами по себе в соответствии своему удельному весу; уловить эти сложные отношения, благодаря которым торговля связывается со всеми областями политической экономии; увидеть взаимную зависимость коммерции и земледелия, влияние обоих на богатства, на население и на мощь государства, их тесную внутреннюю связь с законами, нравами и всеми действиями правительства, прежде всего с распределением финансов; оценить помощь, получаемую торговлей от военного флота, и ту, которую торговля оказывает ему, изменения, происходящие благодаря ей во взаимных отношениях государств, ее влияние на политическое равновесие; наконец распознать в случайности событий и в принципах управления, принятых различными странами Европы, истинные причины их прогресса или их упадка в области коммерции — это значит рассматривать ее с точки зрения философа и государственного человека.

Если действительное положение, в котором находился г. Венсан, обязывало его заниматься наукой

о коммерции с первой из этих точек зрения, то обширность и проницательность его ума не позволяли ему этим ограничиваться.

К познаниям, полученным из собственного опыта и размышлений, он присоединил чтение лучших трудов, которыми располагают по этим вопросам разные народы Европы, и в особенности английский народ, самый богатый из всех в этом отношении, язык которого он с этой целью глубоко изучил.

Труды более близкие ему по духу, которые он читал с большим удовольствием, были *Трактаты* знаменитого Джозаи Чайлда [1], переведенные им впоследствии на французский язык, и *Мемуары* великого пенсионария Яна де Витта [2]. Всем известно, что эти два великих человека считаются — один в Англии, другой в Голландии — законодателями коммерции; что их принципы стали национальными принципами и что соблюдение этих принципов считается одной из причин необычайного превосходства, достигнутого этими двумя нациями в торговле над всеми другими державами. Г. Венсан на опыте широко развернутой торговли непрерывно находил подтверждение этих простых и блестящих принципов. Он применял их, не предполагая, что сам был предназначен к тому, чтобы в один прекрасный день распространить их свет во Франции и заслужить от своей родины ту же дань признательности, какую Англия и Голландия приносят памяти этих двух благодетелей своего народа и человечества. Таланты и познания г. Венсана, соединенные с самой безукоризненной честностью, обеспечили ему уважение и доверие массы негоциантов, которую торговля собирает в Кадиксе со всех частей Европы, в то время как приятность его обхождения привлекала к нему их дружеские чувства. Вскоре он, несмотря на свой юный возраст, стал пользоваться глубоким уважением, знаки которого равно спешили выразить ему как уроженцы страны, так и его соотечественники и иностранцы.

В течение пребывания в Кадиксе он совершает несколько путешествий — то к испанскому двору, то в различные провинции этого королевства.

В 1744 году несколько коммерческих подрядов, которые должны были быть согласованы с правительством, привели его обратно во Францию и заставили

вступить в сношения с министром Морского флота графом де Морепа, быстро оценившим его.

Покинув Испанию, г. Венсан принял решение провести несколько лет, путешествуя по разным частям Европы как для увеличения своих познаний, так и для расширения своих связей и установления сношений, выгодных для коммерческой деятельности, которую он собирался продолжать. Он поехал в Гамбург, побывал в Голландии и Англии. Повсюду он делал заметки, собирал сочинения о состоянии торговли и флота и о принципах управления, принятых разными народами в этих важных отраслях. Во время своих путешествий он вел постоянную переписку с г. де Морепа, с которым делился приобретенными познаниями.

Повсюду он проявлял себя с самой лучшей стороны. Он привлекал к себе уважение и дружбу самых крупных негоциантов, самых выдающихся во всех областях людей, министров [т. е. послов. — *Ред.*] иностранных держав, живших в местах, через которые он проезжал. Дворы Вены и Берлина, как один, так и другой, хотели удержать его при себе и делали ему весьма соблазнительные предложения, которые он неизменно отвергал. Он не имел других намерений, кроме продолжения своей коммерческой деятельности и возвращения в Испанию после осмотра Германии и Италии, когда непредусмотренное событие расстроило его проекты и вернуло его на родину.

Господин де Виллебарр, его компаньон и друг, скончался в 1746 г. и, не имея детей, сделал его наследником всего своего имущества. Г. Венсан находился в Англии, когда получил это известие; он вернулся во Францию. Его состояния хватало для удовлетворения умеренных потребностей: он счел нужным обосноваться на родине и отошел в 1748 году от коммерции. Он принял тогда имя владения де Гурнэ, бывшего частью наследства, полученного им от г. де Виллебарра. Министерство поняло, какую пользу могут принести его познания в коммерции для управления этой важной отраслью. Двор намеревался послать его на совещания, происходившие в Бреде, чтобы добиться обеспечения всеобщего мира, примерно так, как то было поручено г. Менаже в 1711 году на совещаниях, предшествовавших заключению Утрехтского договора [3], для обсуждения наших

интересов в отношении коммерческих дел. Происшедшие во время совещания перемены не дали возможности осуществить это мудрое намерение, но г. де Морепа сохранил желание использовать таланты г. де Гурнэ на службе правительству. Он посоветовал ему направить свою энергию на получение места интенданта торговли и взять пока какой-нибудь пост при Дворе. Поэтому г. де Гурнэ купил в 1749 году должность советника Большого Совета, и когда пост интенданта торговли в начале 1751 года оказался свободным, г. де Машо, которому также были хорошо известны заслуги г. де Гурнэ, предложил ему этот пост. Именно с этого момента его жизнь стала жизнью общественного деятеля: его появление в Торговой палате казалось революционным. Г. де Гурнэ за двадцать лет самой широкой и самой разнообразной коммерческой деятельности, общения с самыми искусными негоциантами Голландии и Англии, изучения наиболее почитаемых авторов этих двух стран, пристального наблюдения причин их удивительного процветания выработал для себя принципы, казавшиеся новыми некоторым из должностных лиц, входивших в состав Торговой палаты.

[*Свобода труда*]

Г. де Гурнэ считал, что всякий гражданин, который работает, заслуживает признательность общества. Он был удивлен, увидев, что гражданин не мог ни производить что-либо, ни продать, не купив на это права путем вступления в какое-нибудь объединение, и что после приобретения этого права путем больших затрат приходилось еще иногда провести целое расследование, чтобы узнать, получил ли он, вступив в то или иное объединение, право продавать или производить именно ту или иную вещь. Он полагал, что работник, изготовивший кусок ткани, добавил к массе богатств государства действительное богатство, что если эта ткань по своему качеству хуже других тканей, то среди множества потребителей может найтись такой, для которого именно это худшее качество окажется более подходящим, чем дороже стоящее совершенство. Он [Гурнэ] никак не мог себе представить, что из-за несоответствия этого куска

ткани определенным правилам, согласно которым он должен быть разбит по три локтя [в длину] на три локтя [в ширину], несчастный, изготовивший эту ткань, будет приговорен к штрафу, могущему привести всю его семью к нищете, что работник, изготовив кусок ткани, подвергается риску и издержкам, от которых избавлен человек праздный, что изготовленный им кусок ткани неизбежно влечет за собой тягостное расследование и спор, дабы установить, соответствует ли ткань предписанию, весьма длинному и зачастую трудному для понимания, что этот спор должен происходить между изготовителем, который не умеет читать, и инспектором, который не умеет изготовлять, и что все же этот инспектор оказывается верховным распорядителем судьбы этого несчастного и т. п.

Г. де Гурнэ также не представлял себе, что в королевстве, где порядок наследования устанавливается лишь обычаем и где право применения смертной казни за некоторые преступления все еще предоставлено усмотрению судей, правительство соблаговолило: путем точных законов устанавливать длину и ширину каждого куска ткани, число нитей, из которых он должен состоять, подтвердить печатью законодательной власти четыре тома ин-кварто, содержащие все эти важные детали, [подтвердить] бесчисленное количество статутов, продиктованных духом монополий, вся цель которых состоит в том, чтобы отбить у людей охоту к занятию промыслами, сосредоточить коммерцию в возможно меньшем числе рук путем умножения формальностей и издержек, путем установления обязательного пребывания в учениках и подмастерьях в течение десяти лет для ремесел, которым можно обучиться и в течение десяти дней, путем исключения из их числа всех тех, кто не родился сыном мастера или кто родился вне определенных границ, путем запрещения допускать женщин к изготовлению тканей и прочее и прочее.

Он не представлял себе, что в королевстве, под властью одного и того же государя, каждая провинция, каждый город смотрели друг на друга как на врагов, присваивали себе право запрещать работать в своих пределах французам, обозначаемым словом *чужаки,* противодействовать продаже и свободному провозу товаров соседней провинции и бороться таким образом во имя

ничтожных интересов против общего интереса государства и прочее и прочее.

Он был бы не менее удивлен, увидев, что правительство занимается установлением цены на каждый товар, запрещает один вид промыслов ради процветания другого, подвергает особым стеснениям продажу самых необходимых для жизни продуктов, запрещает делать запасы продукта, урожай которого изменяется из года в год и потребление которого всегда приблизительно одинаково, запрещает выпуск продукта, могущего испортиться, и считает, что обеспечивает изобилие хлеба, делая условия жизни земледельца более необеспеченными и несчастными, чем условия жизни всех остальных граждан, и т. д.

Г. де Гурнэ было небезызвестно, что многие злоупотребления, против которых он боролся, существовали когда-то в значительной части Европы и что остатки их сохранились еще даже в Англии. Но он знал также, что английское правительство уничтожило часть их, что если некоторые из них еще продолжали существовать, то правительство, будучи весьма далеким от признания их полезными, старалось их ограничить, препятствовать их распространению и терпело их еще лишь потому, что в то время как республиканская конституция ставит иногда препятствия исправлению некоторых недостатков, эти последние могут быть исправлены лишь властью [4], чьи самые полезные для народа действия всегда возбуждают его недоверие. Он, наконец, знал, что уже в течение ста лет все просвещенные люди как в Голландии, так и в Англии рассматривали эти недочеты как остатки средневекового варварства и слабости всех правительств, не умевших ни оценить важность торговли, ни защитить общественную свободу от подавления ее духом монополизма и частным интересом.

[*Принцип личного интереса*]

Г. де Гурнэ в течение двадцати лет вел и видел, как ведут другие самую крупную торговлю в мире. Не имея случая узнать, иначе как из книг, о существовании всех этих законов, которым, как он теперь увидел, придавали столь большое значение, он и не помышлял в то время, что его сочтут *новатором* и *доктринером,* тогда как он

всего лишь станет развивать принципы, внушенные ему опытом и принятые во всем мире самыми просвещенными негоциантами, среди которых он жил.

Эти принципы, объявленные *новой системой*, казались ему лишь житейскими правилами самого простого здравого смысла. Вся эта пресловутая система опиралась на такое правило: человек сам лучше знает, что ему нужно, чем другой, которому эти интересы совершенно безразличны.

[*Частные интересы и общий интерес*]

Исходя из этого, г. де Гурнэ заключал, что там, где интерес частных лиц совпадает с общим интересом, самое лучшее — предоставить каждому человеку делать то, что он хочет. Ведь невозможно, чтобы в коммерции, предоставленной самой себе, частный интерес не совпадал с общим. Коммерческая деятельность не может быть подчинена общему интересу или, что то же самое, государство может интересоваться торговлей лишь с двух точек зрения: как покровитель составляющих его частных лиц, оно заинтересовано в том, чтобы никто не мог нанести другому значительного вреда, от которого тот не может себя обезопасить. Образуя политическое тело, вынужденное защищаться от внешних вторжений и затрачивать крупные суммы на внутренние улучшения, оно заинтересовано в том, чтобы масса богатств государства и годичная продукция земли и промышленности были возможно большими. Как с той, так и с другой точек зрения, оно еще заинтересовано в том, чтобы в ценности товаров не происходило внезапных потрясений, которые, подвергая народ ужасам голода, могут нарушить общественное спокойствие и безопасность граждан и должностных лиц. Так вот, по отношению ко всем этим целям ясно, что интерес всех частных лиц, освобожденных от всяких стеснений, неизбежно совпадает со всеми этими видами общей пользы.

Что касается первой задачи, состоящей в том, чтобы воспрепятствовать частным лицам наносить друг другу ущерб, то, очевидно, хватит, чтобы государство всегда защищало естественную свободу продавца продавать, а покупателя покупать. Ибо покупатель, который всегда может сам решить, купить ему или не купить, несомненно

будет искать среди продавцов того, который по самой дешевой цене даст ему самый подходящий для него товар. И не менее верно то, что каждый продавец, кровно заинтересованный в том, чтобы добиться превосходства над своими конкурентами, вообще станет продавать самый лучший товар по самой низкой цене. Следовательно, не верно, что торговец заинтересован в том, чтобы обманывать, если только он не обладает исключительной привилегией.

[*Свобода торговли. Пагубные последствия вмешательства государства*]

Но, если правительство путем исключительных привилегий или как-либо иначе ограничивает число продавцов, то потребитель, несомненно, потерпит ущерб, а продавец, уверенный в сбыте, заставит его покупать задорого плохие товары.

Если же число покупателей уменьшено вследствие исключения иностранцев или определенных лиц, тогда терпит ущерб продавец, и если ущерб достигает такого уровня, что цена не возмещает с избытком его издержек и риска, он перестает производить данный продукт в таком изобилии, и следствием этого будет голод.

Итак, общая свобода покупки и продажи является единственным средством обеспечить, с одной стороны, продавцу — цену, способную поощрить производство, с другой, — покупателю — наилучший товар по наименьшей цене. Это не значит, что в отдельных случаях не может встретиться купец-обманщик и обманутый потребитель, но обманутый потребитель приобретает опыт и перестает обращаться к мошенничающему купцу. Последний будет дискредитирован и тем самым наказан за свой обман, и это никогда не будет происходить часто, ибо в общем людям всегда будет ясен их явный и непосредственный интерес.

Желать, чтобы правительство было обязано принимать меры, препятствующие самой возможности подобного обмана, — значит желать, чтобы оно было обязано устилать соломой путь каждого, кто может споткнуться. Притязать на то, чтобы добиться предотвращения всякого возможного лихоимства подобного рода посредством постановлений, — значит жертвовать во имя несбыточного совершенства всеми успехами промышленно-

сти. Это значит ограничить воображение художников узкими границами того, что уже существует, это значит запретить им все попытки создания чего-то нового, это значит отказаться от надежды соперничать с иностранцами в изготовлении новых тканей, которые они постоянно придумывают, ибо, поскольку эти ткани не соответствуют постановлениям, работники могут подражать им, лишь получив на то разрешение правительства, то есть часто лишь тогда, когда заграничные фабрики, использовав первый успех новинки у потребителей, уже заменили ее другой новинкой. Это значит забывать, что выполнение подобных постановлений всегда поручается людям, которые тем более заинтересованы в обмане или в потворстве обману, что совершенный ими обман будет прикрыт, так сказать, печатью общественной власти и доверием, какое она внушает потребителю. Это значит также забывать, что эти постановления, эти инспектора, эти конторы для клеймения товаров и осмотра их всегда требуют издержек, а эти издержки всегда покрываются из [цены] товара, следовательно, они ложатся бременем на отечественного потребителя и отвращают потребителя иностранного. В результате очевидной несправедливости налагают на торговлю вообще, а следовательно и на народ, тягостный налог, дабы избавить незначительное число праздных людей от труда осведомиться или посоветоваться во избежание обмана. Таким образом, предполагая, что все потребители простофили, а все торговцы и фабриканты — мошенники, мы разрешаем им быть таковыми и унижаем всю работающую часть нации.

Что касается второй цели правительства, которая заключается в том, чтобы дать народу возможно большую массу богатств, то разве не очевидно, что государство, не имея других действительных богатств, кроме годичной продукции своих земель и промыслов своих жителей, будет наивозможно богаче тогда, когда продукт каждого арпана[5] земли и промысла каждого индивида достигнет наивозможно высокого уровня? [Разве не очевидно], что владелец каждого участка земли более чем кто-либо заинтересован в том, чтобы извлечь из него возможно больший доход? [Не очевидно ли], что каждый человек заинтересован также в том, чтобы с помощью своих рук заработать как можно больше денег?

Не менее очевидно и то, что использование земли или занятие промыслом, которые доставят наибольший доход каждому владельцу или каждому жителю, всегда окажутся наиболее выгодными для государства, — ибо сумма, которую государство может ежегодно использовать для своих нужд, всегда представляет собой некоторую часть суммы доходов, ежегодно производимых в государстве. Причем сумма этих доходов состоит из чистого дохода с каждого участка земли и чистого продукта от промысла каждого частного лица [6]. Итак, если вместо того чтобы положиться в этом вопросе на частный интерес, правительство вмешивается в дела каждого, предписывая ему, что он должен делать, то ясно, что все утраты в барыше частных лиц, вызванные навязанными им ограничениями, соответственно отразятся на сумме чистого дохода, ежегодно производимого в государстве.

[*Покровительство промышленности*]

Вообразим, что по требованию государства надо выращивать одни культуры предпочтительно перед другими, что скорее следует устраивать одни мануфактуры, а не другие. Следовательно, надо запрещать некоторые производства, поощрять другие, запрещать некоторые виды промыслов из опасения повредить другим видам; поддерживать мануфактуры за счет земледелия, сбивая цены на съестные припасы ниже тех, какие установились бы естественным путем; создавать некоторые мануфактуры за счет государственной казны; осыпать их множеством привилегий, милостей, запрещать всякие другие мануфактуры того же рода в целях обеспечения предпринимателям барыша, коего не дал бы, надо думать, естественный сбыт их произведений. — Это значит грубо ошибаться относительно истинных выгод коммерции; это значит забывать, что, поскольку никакая нация не может одна вести всю торговлю на земле, все продавать иностранцам и ничего у них не покупать, она выигрывает, изготовляя какой-либо товар вместо другого, лишь в том случае, когда этот товар, за вычетом всех издержек, приносит больше денег тому, кто его выращивает на своей земле, или тому, кто его изготовляет. Таким образом, продажная цена каждого товара, за вычетом

всех издержек, является единственным основанием для суждения о выгоде, получаемой государством от какого-либо вида производства. Следовательно, всякая мануфактура, для которой продажная цена не возмещает с избытком требуемых ею издержек, не дает никакой выгоды, и суммы, затраченные на ее поддержание, вопреки естественному ходу коммерции, — это налог, представляющий собою чистую потерю для нации.

Нет нужды доказывать, что каждое частное лицо является единственным судьей самого выгодного использования своей земли и своих рук. Оно одно знакомо с местными условиями, без знания которых и самый просвещенный человек может рассуждать лишь вслепую. Только оно обладает опытом, тем более надежным, что таковой ограничен одним предметом. Оно приобретает знания с помощью повторных опытов, посредством своих успехов, путем потерь и получает житейскую сноровку, тонкость которой, заостренная изучением потребности, далеко превосходит всякую теорию равнодушного наблюдателя.

Если нам возразят, что, независимо от продажной цены, государство может быть еще заинтересовано в том, чтобы как можно меньше зависеть от других наций в отношении продуктов первой необходимости, то: 1. лишь докажут, что, хотя и свобода промышленности и свобода торговли продуктами земледелия весьма драгоценны, однако последняя имеет еще более существенное значение; 2. непреложной истиной остается то, что самое большое богатство и самое большое население предоставят данному государству возможность обеспечить свою независимость наиболее надежным способом. Впрочем, это вопрос чисто умозрительный; крупное государство всегда производит все, а что касается маленького государства, то плохой урожай быстро приведет к гибели эту прекрасную систему независимости.

Что касается третьей цели, двояким образом могущей интересовать государство — в качестве покровителя частных лиц, которым оно должно облегчать возможность обеспечить себе посредством труда зажиточное существование, и в качестве политического тела, заинтересованного в предотвращении внутренних волнений, которые могут быть вызваны голодом, — то этот вопрос был так тщательно разработан в труде г. Херберта [7] и в ста-

тье *Зерно* г. Кенэ[8], что я воздержусь говорить здесь на эту тему.

Из этого обсуждения следует, что со всех точек зрения, с которых торговля может интересовать государство, частный интерес, предоставленный самому себе, всегда надежнее обеспечит общее благо, чем действия правительства, всегда ошибочные и неизбежно руководимые пустопорожней и неопределенной теорией.

В заключение г. де Гурнэ пишет, что единственная цель, какую должна ставить себе администрация, состоит в том, чтобы 1. предоставить всем отраслям коммерции ту драгоценную свободу, которой предрассудки веков невежества, легкость, с какой правительство дает себя склонить на сторону отдельных интересов, стремление к плохо понятому совершенству лишили их; 2. облегчить труд всех членов государства в целях поощрения наибольшей конкуренции в продаже, отчего неизбежно последует наибольшее совершенство изготовления и наиболее выгодная цена для покупателя; 3. вместе с тем создать последнему возможно большее число конкурентов, предоставляя продавцу все рынки сбыта для его товара, — единственное средство обеспечить вознаграждение труда и упрочить навсегда производство, которое, кроме этого вознаграждения, не имеет никакой другой цели.

Помимо того, администрация должна поставить себе задачу устранять задерживающие развитие промышленности препоны, понижающие размеры прибылей и их надежность. Главной среди этих препон г. де Гурнэ считал высокий процент на деньги, который предоставляет обладателям крупных капиталов возможность жить не работая, поощряет роскошь и праздность, отторгает от коммерции и делает бесплодными для государства богатства и промыслы множества граждан. Он исключает нацию из всех отраслей коммерции, которые дают не более 2 процентов сверх действительно уплаченного процента [на заем]. [Высокий процент] предоставляет, следовательно, иностранцам исключительную привилегию на все эти отрасли коммерции и легкость получать предпочтение перед нами почти во всех других странах, снижая цены на товары на большую сумму, чем это возможно для нас. [Он] создает для обитателей наших колоний мощное побуждение для занятия контрабандой с загра-

ницей и тем самым уменьшает естественное влечение, какое они должны иметь по отношению к метрополии; он один обеспечивает голландцам и ганзейским городам каботажную торговлю во всей Европе и вдоль наших собственных берегов; он [высокий процент] ежегодно делает нас данниками иностранцев вследствие огромных процентов, которые мы им платим за предоставляемые нам фонды; он, наконец, вынуждает нас оставлять невозделанными все земли, которые после покрытия всех издержек на обработку принесли бы не более 5 процентов, ибо с тем же капиталом можно без труда получать тот же доход.

[*Налоги*]

Второй вид преград успехам промышленности, от которых, по мнению г. де Гурнэ, необходимо было возможно скорее освободить ее, заключался в многочисленности налогов. Необходимость удовлетворения потребностей государства заставила обложить все виды промышленности, а трудности взимания налогов делали их иногда еще более обременительными. [Ко второму виду преград относятся также] произвольность тальи [9], многообразие пошлин на всякий вид товаров, разнообразие тарифов, различие между пошлинами в разных провинциях, бесчисленные конторы, устроенные на границах этих провинций, множество осмотров, тяготы обысков, необходимых для предупреждения беспошлинного провоза, необходимость обращаться для установления этих злоупотреблений к свидетельству отдельных участников и презренных людей. [Сюда относятся] бесконечные распри, столь пагубные для торговли, что почти не найдется негоцианта, который не предпочел бы убыточную мировую самому явно обоснованному судебному процессу. Наконец, [здесь перед нами] непроницаемая тьма и тайна, порожденная этим множеством местных пошлин и законов, опубликованных в разные времена, тьма, злоупотребление коей всегда будет приносить пользу финансистам в ущерб торговле, чрезмерные пошлины, зло контрабанды, потеря множества граждан, которых она к себе привлекает, и прочее, и прочее, и прочее.

Финансисты необходимы, раз государству нужны доходы, но источником этих доходов являются земледе-

лие и торговля или, скорее, земледелие, поощряемое торговлей. Поэтому не следует, чтобы финансы вредили торговле, ибо они тем самым вредят себе. Оба эти интереса по существу связаны между собой, и если они казались противоположными, то, быть может, оттого, что смешивали финансовый интерес короля и государства, которые не умирают, с интересом финансистов, которые, будучи заинтересованными только в течение некоторого времени, больше интересуются увеличением доходов, чем сохранением земельного фонда. Добавим к тому сомнительный и неверный способ, каким образовалась эта гидра пошлин всякого рода, последовательное объединение множества ленных и суверенных владений и сохранение налогов, которыми пользовался каждый отдельный государь, причем настоятельные нужды королевства никогда не предоставляли досуга для того, чтобы разобраться в этом хаосе и установить единообразное обложение, и, наконец, легкость, с которой финансисты во все времена заставляли слушать их голос в ущерб голосу торговли.

Финансисты с давних пор представляют собой сословие людей, облеченных доверием, и тем более облеченных доверием, чем настоятельнее нужды государства; они всегда заняты одним вопросом, не позволяют себе ни отвлечений, ни оплошностей, проживают в столице и поддерживают постоянную связь с министерством. Негоцианты, наоборот, заняты каждый своим предметом, рассеяны по провинциям, далеки от двора, неизвестны и не пользуются покровительством, не имеют места, где бы они могли собираться, могут в каждом отдельном случае возвышать лишь слабый и одиночный голос, который, наверно, будет заглушен множеством голосов и весом их противников и легкостью, с какой они используют для защиты своих интересов таланты опытных писак. Если негоциант согласен оставить заботу о своих делах, чтобы вести тяжбу, но не уступить, он рискует погибнуть; и даже тогда, когда он побеждает, он всегда остается во власти могущественной корпорации, которая в строгости законов, внушенных ею же министерству, находит легкое средство погубить негоцианта. Ибо [и это будет не наименьшим из злоупотреблений] существует несколько законов такого рода, выполнение которых невозможно и которые служат откупщикам лишь

средством обеспечить себе покорность частных лиц под угрозой требования строго соблюдать эти [невыполнимые] законы.

Г. де Гурнэ полагал, что Торговая палата была значительно менее полезна для руководства торговлей, которая должна развиваться самостоятельно, чем для защиты ее от посягательств кучки финансистов. Он желал, чтобы надобности государства дозволили бы освободить торговлю от всякого рода пошлин. Он считал, что нация, настолько счастливая, чтобы достигнуть такого уровня, неизбежно привлекла бы к себе наибольшую часть торговли Европы. Он полагал, что все налоги, какого бы рода они ни были, в конечном итоге всегда оплачиваются собственником земли, который продает соответственно меньше продуктов своей земли и, что если бы все обложение распределить по земле, то собственники [земель] и королевство выиграли бы на этом все, что поглощается тратами на управление акцизными сборами, всем бесплодным потреблением или бесплодным использованием людей либо для взимания налогов, либо для содействия контрабанде, либо для борьбы с нею; не говоря уже о громадном увеличении ценности в результате роста торговли.

Существуют и другие препятствия успехам промышленности, порождаемые нашими нравами, нашими предрассудками, некоторыми из наших гражданских законов; но самыми пагубными являются те два, о которых я говорил, а остальные потребовали бы от нас слишком подробного рассмотрения.

[*Поощрение промышленности*]

Впрочем, г. де Гурнэ не настолько стремился ограничить деятельность администрации в области торговли, охраняя ее свободу и устраняя препоны, мешающие успехам промышленности, чтобы это воспрепятствовало ему прийти к глубокому убеждению в пользе содействия промышленности либо путем вознаграждения авторов полезных изобретений, либо путем попыток освоить во Франции иностранное мастерство, либо посредством поощрения премиями и наградами искусников, соревнующихся в совершенствовании мастерства. Он знал, что даже в том случае, когда промышленность пользуется

самой большой свободой, эти средства часто бывают полезны для ускорения естественного ее хода и особенно нужны, когда боязнь стеснений не совсем еще рассеялась и еще замедляет ее движение. Но он не мог согласиться с тем, чтобы эти поощрения при каких бы то ни было условиях препятствовали новым успехам, налагая запреты или создавая исключительные преимущества. Он весьма сдержанно относился к выдаче правительством задатков и всем видам поощрения предпочитал награды, выдаваемые в соответствии с увеличением производства, и премии, предлагаемые за совершенство работы, наконец, знаки почета и все то, что может представлять цель соревнования для возможно большего числа людей.

Вот в общих чертах способ мышления г. де Гурнэ об управлении торговлей. Таковы принципы, постоянно применявшиеся им ко всем делам, рассматривавшимся в Торговой палате с момента его вступления туда. Поскольку он и не мыслил создать новую систему, он довольствовался тем, что по поводу каждого дела в частности развивал то, что было необходимым для поддержки его мнения. Но прошло немного времени, и все были поражены последовательностью и плодотворностью его принципов. Тем не менее ему вскоре пришлось встретиться с множеством возражений.

Он с радостью принимал участие в этих спорах, которые могли лишь разъяснить содержание их [возражений] и тем или иным путем привести к познанию истины. Свободный от всякой личной заинтересованности, от всякого тщеславия, он даже не проявлял того пристрастия к собственному мнению, которое порождается самолюбием, ему было дорого лишь общественное благо, и только его жаждал он. Поэтому он выражал свое мнение столь же скромно, сколь и мужественно. Равно неспособный говорить как властным тоном, так и против своего убеждения, он излагал свои воззрения простым языком, становившимся повелительным лишь в силу доводов, которые он искусно умел сделать понятными для всех благодаря яркой точности изложения принципов, подкрепленных удачно подобранными примерами их приложения. Когда ему противоречили, он терпеливо слушал и, как бы яростно ни было нападение, никогда не изменял своей обычной учтивости

и кротости, не терял хладнокровия и присутствия духа, необходимых для того, чтобы с предельной ясностью распутать сеть противополагаемых ему рассуждений.

Его простое красноречие, воодушевленное тем жаром, который придает речам добродетельного человека глубочайшее убеждение в том, что он защищает дело общественного блага, нисколько не умаляло основательности его выступления. Иногда оно было приправлено легкой, безобидной шуткой, тем более уместной, что она всегда являлась доводом.

Его усердие было спокойным потому, что оно было свободно от всякого самолюбования, но тем не менее оно было деятельным, ибо стремление к общественному благу было страстью г. де Гурнэ.

Репутация г. де Гурнэ становилась все более прочной, и его усердие передавалось другим. Именно той горячности, с какой он пытался привлечь к изучению коммерции и политической экономии всех знакомых ему талантливых людей, и легкости, с какой он передавал другим все полученные им знания, следует приписать отрадное брожение, возникшее несколько лет тому назад в связи с этими важными вопросами. Брожение это ярко проявилось через два или три года после вступления г. де Гурнэ на пост интенданта торговли и принесло нам за это время несколько проникнутых пытливой мыслью и глубокими воззрениями работ, очистивших наш народ от обвинения в легкомыслии, которое было им более чем заслужено его безразличием к изучению истинно полезного.

[*Поездки де Гурнэ*]

Усердие породило в нем желание ознакомиться с королевством, чтобы самому увидеть, каково состояние торговли и фабрик, узнать причины успехов или упадка каждой из отраслей торговли, выяснить злоупотребления, потребности, всякого рода ресурсы. Он приступил к выполнению этого проекта в 1753 году. Выехал он в июле. Начиная с этого времени и до декабря он проехал Бургундию, Лионэ, Дофинэ, Прованс, Верхний и Нижний Лангедок и вернулся через Лион. Он продолжал свои поездки в 1755 году и посетил Ла-Рошелль, Бордо, Монтобан, Гюйенн и Байонну. В 1756 году он

проехал вниз по течению Луары от Орлеана до Нанта и одновременно посетил Мэн и Анжу; затем проехал вдоль побережья Бретани от Нанта до Сен-Мало и оказался в Ренне в период заседаний Генеральных Штатов 1756 года. С этого времени состояние здоровья не позволяло ему больше разъезжать.

Г. де Гурнэ на каждом шагу находил новые доводы, утверждающие его в его принципах, и новое оружие против стеснений, с которыми он вел борьбу. Он принимал жалобы от бедного и не получающего поддержки промышленника, который, не умея ни писать, ни расписать под благовидным предлогом свои интересы [и] не имея при дворе заступников, всегда становился жертвой обмана правительства, создаваемого заинтересованными людьми, к которым ему приходилось обращаться. Г. де Гурнэ считал своим долгом разоблачать скрытый интерес, заставлявший требовать якобы полезных постановлений, вся цель которых заключалась в усилении власти богача над бедняком. Плодами поездок г. де Гурнэ были: искоренение бесконечного числа злоупотреблений этого рода, знакомство с истинным положением провинций, более достоверное и более полезное для руководства действиями министерства, более точная оценка жалоб и прошений, предоставление народу и простому ремесленнику возможности принести свои жалобы и быть выслушанным и, наконец, новое соревнование во всех областях коммерции, которое г. де Гурнэ сумел вызвать своим убедительным красноречием, четкостью, с какой он излагал свои мысли, и благодетельной заразительностью своего патриотического усердия.

[*Учение де Гурнэ*]

Все его учение основывалось на абсолютной невозможности управлять посредством неизменных правил и постоянного наблюдения за множеством операций, сама необъятность чего препятствует ознакомлению с ними. Более того, они постоянно зависят от массы непрерывно меняющихся обстоятельств, не поддающихся никакому воздействию и даже предвидению. Поэтому он хотел, чтобы администрация не считала нужным водить всех людей на помочах, чтобы она давала им возможность двигаться самостоятельно и рассчитывала больше на

естественную силу заинтересованности, чем на внешнее и искусственное принуждение посредством постановлений, всегда произвольных по своему содержанию, а зачастую и по своему применению. Если произвол и мания приспосабливать вещи к своим идеям, а не идеи к вещам являются характерными признаками духа системы, то г. де Гурнэ, несомненно, не был приверженцем такой системы.

[*Необходимость переходных ступеней*]

Он вовсе не думал, — как его в том обвиняли многие люди, — что не надо соблюдать никакой осторожности при искоренении злоупотреблений. Он знал, насколько все перемены должны быть заранее подготовлены, насколько опасны внезапные потрясения, но он полагал, что осторожность должна проявляться в действии, а не в рассуждении. Он не хотел, чтобы полностью разрушали все устаревшее здание, не заложив основ нового, но он считал, что раньше, чем приняться за дело, следует иметь план, разработанный полностью, чтобы не действовать вслепую ни при разрушении, ни при сохранении существующего, ни при возведении нового здания.

ТОРГОВЛЯ ЗЕРНОВЫМИ

Набросок письма генеральному контролеру Бертену о проекте эдикта [1]

Вследствие перевода господина де Маршеваль в интендантское управление Гренобля, письмо, которое вы оказали мне честь написать 1 августа [1761 г.], чтобы узнать мое мнение о свободе торговли зерном, проблуждало некоторое время. Оно дошло до меня только после долгих скитаний, и это помешало мне ответить вам столь быстро, как бы мне этого хотелось, на важный вопрос, изложенный в этом письме и в приложенной к нему памятной записке. Я даже не мог заняться этим предметом в первые дни после моего прибытия, которые был вынужден посвятить разбору многочисленных дел, накопившихся за это время, и подготовке работы отделов. В этой невольной задержке меня утешает мысль о том, что вопрос был так исчерпывающе разъяснен во многих трудах, вышедших за последние несколько лет, и так ярко освещен при обсуждении вашего письма, что я не могу льстить себя надеждой представить вам какую-либо новую мысль и мне остается только выразить свое одобрение мудрости мер, которые вы собираетесь принять для того, чтобы наконец обеспечить народу пропитание, которое было бы ему всегда по средствам, земледельцам — плод их трудов и собственникам недвижимых имений — доход, соответствующий естественному плодородию земли.

Все же, раз вы оказываете мне честь, спрашивая о моем мнении, я не могу уклониться от того, чтобы сообщить его Вам и приложить все усилия для того, чтобы преодолеть затруднение, в каком неизбежно оказы-

ваешься, когда требуется установить принципы, представляющиеся очевидными, но в коих все же многие лица еще сомневаются; напряженно стараешься угадать, что́ именно нуждается в разъяснении, и колеблешься между опасением оставить без ответа сомнения и нежеланием обременить себя слишком пространным объяснением само собой разумеющихся вещей.

[*Выгода земледельца — двигатель земледелия*]

I. — Хлеб не родится сам собой; чтобы его получить, следует обработать землю, посеять зерно и собрать урожай; эта истина настолько очевидна, что провозглашать ее смешно. Не менее очевидно, что все это невозможно без труда и издержек.

Люди, которые занимаются обработкой земли, посевом и сбором урожая, берут на себя этот труд и несут издержки лишь в целях получения прибыли. Эта прибыль не может быть ничем иным, как тем, что они извлекают из продажи своих товаров. Поэтому земледелец выращивает лишь столько зерна, сколько он может продать, причем продать достаточно дорого, чтобы это было ему выгодно; если это перестанет быть выгодным, он перестанет выращивать зерно. Отсюда можно сделать вывод, который превращается в принцип, а именно, что выгода земледельца является двигателем земледелия и, следовательно, источником производства хлеба. Единственный способ помочь потребителю и обеспечить ему длительное изобилие заключается в благоприятствовании земледельцу.

[*Польза конкуренции между покупателями*]

II. — Содействие, о котором просит земледелец, цель, которую он себе ставит, обрабатывая землю, награда, ожидаемая им за свой труд, могут заключаться лишь в легкой и выгодной продаже его урожая. Однако продажа совершается тем легче и выгоднее, чем больше конкуренция среди покупающих. Поэтому покупателей никогда не может быть слишком много, и все, что направлено на уменьшение их числа, ведет к уменьшению прибылей и надежд земледельца и косвенным образом ведет к сокращению производства: таков второй вывод и второй принцип.

[Земледелец — жертва двойной монополии]

III. — Я не могу воздержаться от того, чтобы не привести здесь высказывание покойного господина де Гурнэ, которое очень ясно и очень точно показывает, насколько предрассудки, царившие столь долгое время во Франции в политике относительно зерновых, отдалили нас от истинных принципов управления. «Наши законы в политике относительно зерна, — говорил он, — имели главным образом в виду сохранить зерно в пределах королевства и устранить с наших рынков иностранного потребителя в целях содействия национальному потребителю». В то же время наши законы о торговле, дабы обеспечить национальным мануфактурам более надежный сбыт, содержат всякого рода предупредительные меры против проникновения в королевство произведений иностранных мануфактур. Что же происходит при этом? Земледельцу нужно продать свой хлеб и купить сукно, фабриканту нужно продать свое сукно и купить хлеб; но фабрикант может купить хлеб и продать свое сукно во всех странах мира; земледелец, напротив, может продать свой хлеб только французам и купить сукно только у французов. Фабрикант продает, кому он хочет, и покупает, у кого хочет. Земледелец может продавать лишь своим соотечественникам и может покупать лишь у соотечественников. Таким образом, фабриканты пользуются по отношению к нему двойной монополией — и как покупатели, и как продавцы. Итак, положение земледельца в обоих случаях менее выгодно, чем положение фабриканта, и из сопоставления принципов, которым следовали до сих пор в управлении земледелием и в управлении торговлей, следует, что, мысля поощрить торговлю, приносили в жертву земледелие. Возникает искушение сравнить этот образ действий с образом действий садовника, который, воображая, что придает мощь и пышность ветвям дерева, препятствует развитию его корней.

[Колебания урожая]

IV. — Если бы труд, затрачиваемый ежегодно земледельцем на то, чтобы его земля была в состоянии производить, приносил ежегодно по крайней мере одинаково

обильный урожай, то забота об устранении с наших рынков иностранцев не имела бы других нежелательных последствий, кроме уменьшения возделанной площади до размеров, соответствующих потреблению внутри королевства, и исключения из суммы национального богатства продукта земель, которые при предположении большей свободы были бы возделаны для того, чтобы удовлетворить заграничное потребление. Поскольку потребление оставалось бы одинаковым и соответствующим населению, то и обрабатываемая площадь сама по себе соответствовавала бы потреблению. Народ всегда получал бы пропитание по той же цене, а земледелец всегда получал бы ту же цену за свой труд.

К несчастью, урожай никогда не бывает одинаковым несколько лет подряд. Температура времен года иногда благоприятна, иногда неблагоприятна для земледельческого производства; тысячи неизбежных случайностей часто уничтожают большую часть урожая. Повсюду на земле изобилие и неурожай следуют одно за другим в неподчиняющейся никаким правилам смене, в которой эти колебания компенсируются лишь в течение довольно длинного ряда лет. Особенно в умеренных поясах, единственно пригодных к выращиванию хлебных злаков, неравномерность урожаев более чувствительна и менее предвидима. Отсюда следует, что если бы потребление соответствовало производству изобильных лет, значительная часть народа умирала бы с голоду в неурожайные годы. Наоборот, если бы потребление соответствовало лишь производству неурожайных лет, земледелец в годы обильного урожая мог бы продать только часть своего хлеба по очень низкой цене и не мог бы получить за нее достаточно для того, чтобы оплатить аренду и налоги и покрыть затраты, которые всегда остаются неизменными; следовательно, он вместо прибыли имел бы убытки; труд его пропал бы даром, и земля не приносила бы никакого дохода.

В действительности потребление не соответствует и не может в точности соответствовать ни производству урожайных лет, ни производству неурожайных лет, но соответствует среднему количеству съестных припасов, производимых землей в обыкновенный год; урожайные годы возмещают недостаток производства неурожайных лет или, лучше сказать, обрабатываемая площадь земли

расширяется или сокращается сама по себе до размера, достаточного для того, чтобы в обыкновенный год дать то количество [хлеба], какое требуется для годичного потребления.

[*Запасы хлебов*]

V. — Поскольку потребление равно производству обыкновенного года, ясно, что, с одной стороны, народ может жить в неурожайные годы лишь благодаря излишку урожайных лет и, с другой, что земледелец может выгодно продать продукты, собранные им сверх потребления в урожайные годы, лишь сохранив их для неурожайных лет. Таким образом, ясно, что запасы, образованные из избытка урожайных лет для продажи в неурожайные годы, являются поддержкой земледельца во время изобилия и спасением потребителя во время дороговизны.

Значит, никакие льготы и даже поощрения к хранению хлебных запасов не будут чрезмерными, равно как не будут излишними никакие усилия для устранения всего, что может помешать этому [хранению].

VI. — Чтобы создать значительные запасы хлеба, надо заранее делать закупки, чтобы продавать его иной раз лишь спустя многие годы. Впрочем, хранение хлеба требует больших издержек и связано с большими потерями. Поэтому необходимо, чтобы владелец запасов мог рассчитывать не только покрыть в неурожайные годы большую часть своих закупок, но и получить проценты на свои затраты, получить возмещение понесенных им издержек по хранению и потерям. Если бы случилось так, что владелец запаса оказался бы вынужденным продавать свой хлеб менее выгодно, и если бы ему всегда приходилось опасаться, как бы правительство или должностные лица не заставили его открыть свои амбары раньше, чем ему бы этого хотелось, то не нашлось бы никого, кто захотел бы взяться за подобное дело и тем самым подвергнуть себя одновременной опасности верного разорения и позорных обвинений со стороны простонародия, поощряемого к несправедливости и подстрекаемого чиновниками, которые должны были бы его успокаивать. Коммерческая деятельность по хранению хлебов, став разорительной и ненавистной, полностью прекратилась бы, и ею занимались бы лишь не имеющие

состояния лица низкого звания или же пользующиеся покровительством власть имущих злонамеренные богачи. В урожайные годы хлеб обесценивался бы, а в неурожайные годы народ испытывал бы все ужасы голода.

[*Выгоды свободы вывоза и обращения хлебов*]

VII. — Если не создавать запаса хлебов в годы, когда производство превышает потребление, что делать с излишками хлеба? Ибо, сколь бы ни была низка цена на него, народ не будет покупать хлеба сверх своих потребностей. Приходится выбрать один из трех выходов: либо хранить его для лет, когда производство будет меньше потребления, либо послать его в места, где урожай был недостаточным, или же потерять его и скормить скоту.

Никто никогда не мог бы всерьез подумать, что этот последний выход является наиболее выгодным, но повелось так, будто придерживались этого мнения, ибо это единственное положение, при котором свобода предоставляется целиком и полностью. Потому что все законы политики относительно зерна стремятся, с одной стороны, стеснять его вывоз и обращение между провинциями и городами, а с другой стороны, запугать тех, кто был бы склонен хранить запасы его; другими словами, эти законы всегда стремятся к тому, чтобы зерна было потреблено возможно больше именно в тот год и именно в том месте, когда и где оно было произведено.

VIII. — Однако не требуется очень глубоких размышлений, чтобы понять, что если хлеб не будет перевезен из тех мест, где он имеется в изобилии, в те места, где его не хватает, и в урожайные годы не будет сохранен для потребления в следующие за ними неурожайные годы, то всегда найдется какой-нибудь округ, где народ будет умирать с голоду, причем каждый округ в свою очередь будет переходить от излишеств к ужасам голода. Чем больше будет облегчена перевозка зерна и его хранение, другими словами, чем больше будет поощряться обращение и создание запасов зерна и чем больше будет смягчено неравенство условий по временам года, тем скорее цена на зерно приблизится к постоянно равной цене и тем обеспеченнее станут доходы от земли и пропитание народа.

IX. — Свободное повсеместное обращение зерна имеет то огромное преимущество перед хранением его, не связанным с подобным обращением, что при подобном обращении коммерческие расчеты становятся гораздо более надежными не только потому, что купцу значительно проще основывать свои операции на данном и известном урожае, чем на туманном предвидении колебаний от года к году, но и потому, что расчеты, связанные с риском, тем более надежны, чем больше число компенсирующих друг друга случаев.

X. — Это обращение имеет и другое, еще более ценное преимущество: оно сокращает время хранения зерна, что избавляет потребителей от выплаты процентов на затраты в течение всего времени хранения хлеба и сохраняет для рода человеческого громадное количество зерна, которое бы было уничтожено насекомыми или сгнило.

XI. — Облегчение обращения зерновых становится дополнительным обеспечением владельца запасов, который может покрыть свои траты лишь в период дороговизны. Если изобилие закрывает ему рынки сбыта в одной местности, то голод откроет ему их в другой. Таким образом, обращение зерна будет способствовать созданию запасов, а множество амбаров, увеличивая складское помещение, облегчит обращение. Оба эти пути, открытые всегда, соединят разные местности и времена года и поддержат повсеместно единый и постоянный уровень цен на зерно. Земледелец будет испытывать лишь радость в годы изобилия и не будет опасаться потерять плоды своего труда, в то время как трудолюбивый ремесленник без опасения будет взирать на превратности погоды и всегда найдет пропитание в размере, определенном его заработком. *Убыточно низкие цены и дороговизна* могут быть устранены лишь равной ценой, а равная цена может быть установлена лишь при полной свободе обращения и хранения.

XII. — Чем более обширное пространство охватывает торговля зерновыми и чем более разнообразны условия климата и почвы, тем большими и более надежными становятся выгоды этой торговли. Обращение зерновых между городами одной и той же провинции не может помешать ощущаемому иногда голоду, и главным средством борьбы с ним было бы создание запасов.

В большом королевстве выгоды становятся более ощутимыми вследствие различия в климатических условиях разных провинций и неравномерности производства в них. Наконец, обращение в Европе и во всем мире, являющееся следствием свободного вывоза зерна, освобождает эту торговлю от всякого риска. Негоциант, который рассчитывает на потребности всего мира, рассчитывает наверняка.

XIII. — До сих пор я рассматривал свободу торговли зерновыми или, вернее, вытекающий отсюда вопрос о равенстве цен, лишь по отношению к прибыли земледельца и пропитанию потребителя.

Имеется и другая, столь же важная точка зрения, которую следует рассмотреть: я имею в виду влияние этого равенства цен на доход с земель и, следовательно, на богатство и мощь государства...[2]

Декларация короля, содержащая разрешение на оборот зерновых, муки и овощей по всему королевству с освобождением от всех пошлин, включая дорожные и мостовые

Версаль, 25 мая 1763 г.

Людовик.., и проч. Рассматривая производство жизненно необходимых съестных продуктов и торговлю ими как самое важное дело для блага народов, короли, наши предшественники, уделяли особое внимание средствам для создания изобилия, равно соблюдая интересы как земледельцев, так и потребителей. Они считали необходимым поддерживать свободу обращения внутри страны, но предупредительные меры, которые им казалось необходимым принимать против злоупотреблений, часто приводили к некоторому нарушению этой свободы. Воодушевленные тем же стремлением и убежденные в том, что ничто не может более способствовать прекращению неудобств монополий, чем свободная и полная конкуренция в торговле съестными припасами, мы сочли нужным умерить строгость ранее установленных предписаний, чтобы поощрить земледельцев в их трудах и дать этой драгоценной части наших подданных особые доказательства нашей заботы о ее интересах. С этой целью мы...[3]

Ст. I. — Разрешаем всем нашим подданным, какого бы звания и происхождения они ни были, даже бла-

городным и привилегированным, вести, если им заблагорассудится, торговлю зерновыми, продавать и покупать зерно в пределах королевства, а также создавать запасы, причем ведущих эту торговлю нельзя ни удручать, ни принуждать к выполнению каких-либо формальностей.

Ст. II. — Разрешаем также всем нашим подданным свободно перевозить из одной провинции королевства в другую всякого рода зерновые продукты и съестные припасы, не обязывая их делать какие-либо заявления, брать какие-либо свидетельства или разрешения. Мы весьма строго запрещаем всем нашим должностным лицам и должностным лицам сеньоров требовать под каким бы то ни было предлогом выполнения каких-либо формальностей.

Ст. III. — Мы также запрещаем всем нашим подданным, пользующимся на основании права собственности, принятых ими на себя обязательств или по каким-либо другим основаниям правом взимания пошлин за проезд и проход по дорогам и мостам и переправу на пароме, требовать уплаты этих пошлин за обращающиеся в королевстве зерно, муку и овощи. Однако это не должно касаться права на взимание пошлин за тягу судов бичевой, пошлины с меры зерна и других рыночных пошлин, которые будут и впредь взиматься обычным способом.

Ст. IV. — Мы, однако, не намерены вводить в настоящее время какие-либо изменения или нововведения в ранее установленные правила снабжения продовольствием города Парижа, которые будут соблюдаться и впредь.

Ст. V. — Настоящим отменяем все предшествующие эдикты и постановления, противоречащие этой [декларации].

Эдикт Короля относительно свободы вывоза и ввоза зерновых в королевстве

Компьен, июль 1764 г.

Людовик .., и проч. Внимание, оказываемое нами всему, что может способствовать благу наших подданных, побудило нас благосклонно выслушать направленные нам со всех сторон пожелания об установлении большей свободы в торговле зерновыми и отмене пред-

шествовавших законов и постановлений, имевших целью поставить эту свободу в слишком тесные границы. Выслушав мнение лиц, наиболее сведущих в этом вопросе, и по зрелом обсуждении его в нашем Совете мы сочли нужным уступить обращенным к нам настоятельным просьбам о свободном вывозе и ввозе зерна и муки. Ибо это будет способ ободрить земледелие и расширить площадь возделываемых земель, продукт которых является наиболее реальным и самым надежным из богатств государства. [Это способ] поддерживать изобилие путем создания запасов и ввоза зерновых из-за границы, не допускать чтобы зерновые были в цене, приводящей в уныние земледельца, устранять монополию путем безвозвратной отмены всех особых разрешений и путем свободной и полной конкуренции в этой торговле, [способ] поддерживать, наконец, сношения между разными нациями по обмену избытка на необходимое, что сообразуется с порядком, установленным божественным Провидением и гуманными намерениями, которые должны воодушевлять всех государей. Мы признали достодолжным в соответствии с нашими постоянными заботами о счастье наших народов и со справедливостью по отношению к собственникам земель и арендаторам предоставить им свободу, которой они так страстно желают, и даже сочли нужным с помощью торжественного и вечного закона предохранить торговцев и негоциантов от всякой боязни возвращения к запретительным законам.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О РУДНИКАХ И КАМЕНОЛОМНЯХ

Проект эдикта о рудниках. Людовик и пр.

Постоянно рассматривая открытие и разработку руд, которыми Провидение наградило наше королевство, в качестве одной из самых полезных отраслей промышленности наших подданных как благодаря сохранению [этой отраслью] денежных сумм для наших подданных, которые были бы вынуждены покупать за границей необходимые для надобностей ремесел и общества материалы, так и благодаря поступлению новых ценностей в торговлю, деятельность коей они оживляют, мы, к сожалению, убедились в том, что эта промышленность является не столь цветущей, сколь она могла бы быть, и что весьма значительное число рудников, продукты которых могли бы стать мощным источником богатств для наших народов, отнюдь не приведены в надлежащее состояние. Намереваясь найти все средства для устранения этого недостатка и все в большей мере возбуждать соревнование наших подданных в этом деле, мы пожелали ознакомиться с различными эдиктами, патентами и постановлениями по вопросу о рудниках, изданными королями, нашими предшественниками. По рассмотрении этих документов мы признали, что среди многих весьма мудрых постановлений имеются такие предписания, которые, устраняя путем исключительных пожалований конкуренцию между предпринимателями, подвергли их стеснениям. Требуя [от предпринимателей] выполнения множества формальностей, обязывали их получать от нас особые разрешения и, ограничивая срок этих разрешений немногими годами, не предоставляли

концессионерам никаких прав на сделанные за их счет в течение времени их владения рудниками сооружения и галереи, что могло увеличить трудности и риск, связанные с разработкой рудников, и произвести действие, противное цели, которая заключалась в особом поощрении поисков и добычи руды. Нам также представляется, что взимание нашей королевской пошлины в размере одной десятой продукта предварительно расплавленной и очищенной руды должно было в очень большом числе случаев отнимать почти всю прибыль, которая оставалась бы предпринимателям сверх их издержек и процентов на их затраты, увеличивать риск предпринимателей и уменьшать надежду, которая одна лишь могла побудить их вложить свой труд и состояние в подобные предприятия. Эти соображения привели нас к мысли, что было бы выгодно возбудить конкуренцию и соревнование предпринимателей, сочетая всеобщую свободу открытия рудников всякого рода с усилением поощрения предпринимателей, отказом от нашего права на десятину и обеспечением им сохранения собственности на произведенные ими сооружения.

Одновременно мы сочли необходимым точно установить взаимные права собственников поверхности [земли] и предпринимателей [занимающихся разработкой] рудников.

Вследствие этого мы решили издать новый закон, охватывающий все вопросы, касающиеся рудников, относительно которых мы сочли необходимым нашей властью установить:

Ст. I. — Разрешаем всем лицам открывать на своей земле или с согласия собственника на чужой земле всякого рода рудники и каменоломни и разрабатывать их в свою пользу так и таким способом, каким они найдут нужным, не обязывая их брать у нас на это особое разрешение.

Ст. II — Всем лицам, разрабатывающим упомянутые каменоломни или рудники, разрешается расширять свои работы и удлинять галереи под соседними владениями с обязательством, однако, принимать необходимые меры предосторожности к тому, чтобы гарантировать собственников поверхности [этих земель] от всякого рода убытков, риска или неудобств, от всякого малейшего ущерба и нарушения интересов.

Ст. III. — Однако упомянутые предприниматели, разрабатывающие каменоломни или рудники, не имеют права проделывать какие бы то ни было выходы на поверхность указанных владений, ни устраивать под каким бы то ни было предлогом проходы, не получив на это предварительного согласия собственника. Согласие действительно лишь на то время и на тот способ, как это будет установлено договором между сторонами.

Ст. IV. — Шахты, галереи и прочие сооружения, сделанные предпринимателями для разработки каменоломен и рудников как на своей земле, так и под землей, [находящейся в собственности] других, будут принадлежать им и их наследникам на вечные времена, причем никто, кто бы то ни был, ни в каком случае не может ими пользоваться иначе, как с их согласия, за исключением прямого предписания закона.

Ст. V. — Порода, извлеченная из упомянутых каменоломен и рудников, будет полностью принадлежать указанным предпринимателям; мы, считая это необходимым, уступаем им ее и приносим в дар.

Ст. VI. — Однако упомянутые предприниматели не могут притязать ни на какие исключительные привилегии и в дальнейшем не должны притязать на пласты или рудные жилы упомянутых пород за пределами действительно произведенных ими разработок.

Ст. VII. — В целях более действенного поощрения поисков и добычи руды мы настоящим эдиктом отказываемся от нашего королевского права на одну десятую продукта рудников нашего королевства и даруем ее всем указанным предпринимателям, каждому из них в отношении разрабатываемого им рудника. Однако в настоящее время мы не предусматриваем отказа от пошлин, установленных на клеймение железа.

Ст. VIII. — Мы желаем, чтобы все лица, дворяне, чиновники и другие, какого бы звания и состояния они ни были, могли разрабатывать и давать разрабатывать в свою пользу рудники всякого рода и участвовать в предприятиях, которые могут быть созданы с этой целью другими, не нанося этим ущерба ни своему дворянскому достоинству, ни какой бы то ни было из своих привилегий.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОЗДАНИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИИ БОГАТСТВ

§ 1. Невозможность торговли при предположении равного раздела земель, когда каждый человек имел бы только то, что необходимо для его пропитания

Если бы земля была распределена между всеми жителями страны так, что каждый имел ее лишь в количестве, потребном для своего пропитания, и ничего больше, то, очевидно, все, будучи равными, не пожелали бы трудиться один для другого. Никто также не имел бы средств для оплаты труда другого, ибо каждый, имея лишь столько земли, сколько требуется для производства [средств] своего существования, потреблял все собранное им, и у него не оставалось бы ничего для обмена на труд других.

§ 2. Предположенное выше никогда не существовало и не могло иметь силы. Разнообразие почв и многочисленность потребностей порождают обмен произведений земли на другие произведения

Предположенное никогда не могло существовать, ибо земли обрабатывались до их раздела; обработка сама послужила единственным побуждением к разделу [земель] и для возникновения закона, который обеспечивает каждому его собственность. А те, кто первыми начали обработку, вероятно, обрабатывали столько земли, насколько хватало сил, а потому и получали больше, чем им было нужно для своего пропитания.

Если бы такой порядок и мог существовать, то он не мог бы быть прочным: каждый, получая со своего поля лишь собственное пропитание и не имея возможности оплачивать труд других, мог бы удовлетворять прочие

свои потребности — в жилище, платье и др., не иначе как при помощи собственного труда, что почти невозможно, ибо *всякая земля производит* далеко *не все.*

Тот, чья земля пригодна лишь для зерновых, но не может произвести ни хлопка, ни конопли, терпел бы недостаток в холсте для одежды. Другой мог бы иметь землю, пригодную для хлопка, которая не производила бы зерна, а иному могло недоставать дерева для отопления, в то время как другому зерна для пропитания. Скоро опыт научил бы каждого, для какого рода продукта наиболее пригодна его земля, и он ограничился бы его культивированием, с тем чтобы получать все остальное путем обмена со своими соседями, которые, руководствуясь подобными же соображениями, стали бы также культивировать только наиболее подходящие к их полю продукты и забросили бы все другие культуры.

§ 3. Произведения земли требуют длительной и трудной обработки, чтобы отвечать потребностям человека

Продукты, производимые землей для удовлетворения различных потребностей человека, в наибольшей [своей] части не могут служить этой цели в том виде, в каком их дает природа. Необходимо, чтобы они испытали ряд преобразований и были обработаны искусной рукой: пшеницу надо обратить в муку и хлеб; вычистить или выдубить кожи; спрясть шерсть, хлопок; размотать коконы шелковичных червей; выбелить, вычесать и спрясть пеньку и лен, сделать из них разные ткани, затем скроить и сшить их для того, чтобы сделать разные предметы одежды, обуви и т. д. Если бы один и тот же человек, который производит на своей земле все эти разнообразные вещи и удовлетворяет ими свои потребности, должен был подвергать продукты этим посредствующим операциям, то, наверно, он мало чего достиг бы. Наибольшая часть этих операций требует заботы, внимания, долгого опыта — [качества], которые приобретаются последовательной работой и [к тому же] над значительным количеством материала. Возьмем, к примеру, изготовление кожи. Какой земледелец в состоянии выполнить все необходимые детали этой операции, которая длится несколько месяцев, а иногда и лет? Если бы он и был в состоянии, мог ли он выполнить это на одной коже?

Какая потеря времени, места, материалов, которые могли бы служить одновременно или последовательно для выработки большого количества кож! Но когда он сумеет выработать самолично одну кожу, окажется, что ему нужна лишь одна пара башмаков: что будет он делать с остатком [кожи]? Убьет ли он быка для того, чтобы иметь эту пару башмаков? То же можно сказать о всех других потребностях каждого человека, если он, будучи ограничен своим полем и своим трудом, тратил бы много времени и усилий для того, чтобы быть во всех отношениях весьма плохо снабженным и [вместе с тем] скверно обрабатывал бы свою землю.

§ 4. Необходимость обработки приводит к обмену продуктов на труд

То же побуждение, которое вызвало обмен продукта на продукт между [людьми], обрабатывающими различные по своему характеру почвы, породило также обмен продукта на труд между земледельцами и другой частью общества, которая предпочла заниматься переработкой и обработкой продуктов земли вместо их производства.

Такой порядок был бы выгоден всем, ибо каждый, сосредоточиваясь на одном виде труда, гораздо больше успевал в нем. Земледелец стал бы извлекать из земли возможно большее количество продуктов и удовлетворять все другие свои потребности посредством обмена своего избытка с большей легкостью, чем [производя все необходимые ему продукты] собственным трудом. Сапожник, делая башмаки для земледельца, стал приобретать себе часть жатвы последнего. Каждый работник стал трудиться для удовлетворения потребностей всех других работников, а те, со своей стороны, стали трудиться для него.

§ 5. Преимущество земледельца, который производит, перед ремесленником, который обрабатывает. Земледелец является первой движущей силой в ходе [всех] работ; это он производит на своей земле заработок всех ремесленников

Следует, однако, заметить, что преимущество земледельца, снабжающего всех предметом, самым важным и наиболее значимым в их потреблении (я хочу сказать

пищей и материалом почти для всех других работ), состоит в большей независимости. Его труд сохраняет такое же первенствующее значение, то же преимущество перед другими видами труда, распределенными между различными членами общества, какое труд, необходимый для его пропитания, занимал среди различных работ, которые должен был выполнять человек для удовлетворения своих разнообразных потребностей до общественного разделения труда. Это не первенство в смысле почета или достоинства; это первенство, обусловленное *физической необходимостью*. Земледелец, собственно говоря, может обходиться без труда других работников, но ни один работник не может трудиться, если земледелец не обеспечит ему [средств для] жизни. В этом обороте, который благодаря взаимному обмену предметами, удовлетворяющими потребности, делает людей необходимыми друг другу и создает между ними общественную связь, труд земледельца дает первое движение. То, что труд земледельца извлекает из земли сверх необходимого для удовлетворения его личных потребностей, образует единственный фонд заработков, которые получают все другие члены общества в обмен за свой труд. Эти последние — тем, что они в свою очередь используют получаемую ими при этом обмене плату для покупки продуктов земледельца, — возвращают ему точь-в-точь только то, что они получили. Таково существенное различие между этими двумя видами труда, на которое следует обратить особое внимание, чтобы хорошо усвоить его, прежде чем перейти к бесчисленным последствиям, из него вытекающим.

§ 6. Заработная плата рабочего благодаря существующей между рабочими конкуренции ограничена необходимым для его существования. Он приобретает только необходимое для своей жизни

Простой рабочий, у которого нет ничего, кроме умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удается получить от продажи своего труда другим. Он продает его дороже или дешевле, но эта более или менее высокая цена не зависит от него самого: она является результатом соглашения с тем, кто оплачивает его труд. Послед-

ний старается заплатить за труд как можно дешевле. Имея для выбора значительное количество рабочих, наниматель предпочитает того, кто соглашается работать за самую низкую цену. Рабочие должны поэтому один перед другим понижать цену за свой труд. Во всех отраслях труда должен иметь место, и действительно имеет место, тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни.

§ 7. Труд земледельца — единственный труд, производящий больше того, что составляет оплату труда. Поэтому он единственный источник всякого богатства

Положение земледельца совсем иное. Земля, независимо от всякого другого человека и от всякого соглашения, непосредственно выплачивает земледельцу цену его труда. Природа не торгуется с ним, чтобы принудить его как работника довольствоваться безусловно необходимым. То, что природа дает, не находится в соответствии ни с его потребностями, ни с договоренным расчетом цены его дневного труда. Даруемое природой составляет физический результат плодородия почвы и гораздо больше зависит от правильности [ее обработки], чем от тех способов, которые земледелец применяет для того, чтобы сделать землю плодородной. Как только земледелец своим трудом начинает производить сверх того, что необходимо для удовлетворения его потребностей, он получает возможность на этот избыток, предоставляемый ему природой как чистый дар сверх платы за его труд, покупать труд других членов общества. Эти последние, продавая ему свой труд, зарабатывают себе только на жизнь; земледелец же кроме своих средств существования пожинает еще такое богатство, которым он может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, которое он не купил, но которое он продает. Он [земледелец] является, таким образом, единственным источником богатств, оживляющих своим обращением все виды труда в обществе, так как только его труд производит избыток сверх платы за труд.

§ 8. Первое разделение общества на два класса: один — производительный, или [класс] земледельцев, другой — содержимый или [класс] ремесленников

Таким образом, с необходимостью, основывающейся на самой природе вещей, происходит разделение общества на два класса; оба эти класса заняты трудом. Но один из них своим трудом производит или, лучше сказать, извлекает из земли богатства, постоянно воспроизводящиеся, доставляющие всему обществу средства к существованию и материалы для [удовлетворения] всех других потребностей; другой [класс] занят тем, что обрабатывает произведенные материалы и придает им формы, в которых они становятся пригодными для использования людьми; [этот класс] продает свой труд первому и получает от него в обмен средства существования. Первый [из этих классов] можно назвать *производительным,* второй — *содержимым.*

§ 9. В первоначальные времена собственник не должен был отличаться от земледельца

До сих пор мы еще не различали земледельца от собственника земель, и первоначально земельный собственник не отличался от земледельца. Именно благодаря труду тех, которые первыми стали обрабатывать землю и которые огородили ее для того, чтобы обеспечить себе урожай, земля перестала быть общей собственностью, установилась частная собственность на землю. До того времени, пока в обществе не возникло прочного порядка и пока общественная власть, для которой закон стал сильнее частной воли, не сможет гарантировать каждому спокойное обладание своей собственностью, оградив ее от посторонних вторжений, до той поры можно сохранять собственность на приобретенную землю только в том виде, в каком она приобретена, и продолжать обрабатывать ее. Владелец земли не мог с уверенностью отдать ее под обработку другому. Последний, затратив на обработку земли свой труд, едва ли бы понял, что урожай ему не принадлежит. К тому же в те далекие времена, когда каждый трудолюбивый человек находил столько земли, сколько хотел, ни у кого и не могло быть побуждения работать на другого. При таком положении каждый собственник должен был сам обрабатывать свое поле или же вовсе покинуть его.

§ 10. Прогресс общества: все земли имеют хозяина

Но земля заселялась и все больше распахивалась. Со временем все хорошие земли оказались занятыми; для последних пришельцев не осталось ничего, кроме бесплодных земель, не занятых первыми поселенцами. Но в конце концов каждый участок земли нашел себе хозяина, и те, которые не смогли добыть себе земельную собственность, не имели вначале другого выхода, как обменивать труд своих рук, осуществляемый в виде занятий содержимого (stipendiée) [наемного] класса, на излишек продуктов земледельца-собственника.

§ 11. Собственники начинают приобретать возможность возлагать труд обработки на земледельцев, получающих заработную плату

Так как земля давала хозяину, который ее обрабатывал, не только необходимые средства существования, не только то, за что путем обмена он мог удовлетворить другие свои потребности, но еще и значительный избыток, то этим избытком он мог оплачивать людей, чтобы они обрабатывали его землю: ведь для тех, кто живет на заработную плату, безразлично, за какой род труда получать её. Собственность на землю должна была поэтому отделиться от земледельческого труда, и это вскоре произошло.

§ 12. Неравенство в распределении собственности, причины неизбежности такого порядка

Как уже было сказано, первые собственники заняли вначале такое количество земли, какое могли обрабатывать силами своей семьи; человек более сильный, более трудолюбивый и более заботящийся о будущем захватывал больше земли по сравнению с человеком противоположного характера. Обладавший большей семьей, имевший больше потребностей и больше рук мог еще больше расширить свои владения; это было уже первое неравенство.

Все почвы не одинаково плодородны; два человека, имеющие равные по площади земли, одинаково тру-

дясь, смогут получить весьма различное количество продукта; [это] второй источник неравенства.

Собственность, переходя от отцов к детям, раздробляется на бо́льшие или меньшие доли в зависимости от того, много- или малочисленны семьи; наследства со сменой поколений то еще более раздробляются, то снова соединяются благодаря вымиранию отдельных линий. Вот третий источник неравенства.

Противоположность разумности, действенности и в особенности бережливости одних и беспечности, праздности и расточительности других была четвертой причиной неравенства и самой могущественной из всех [причин].

Небрежный и непредусмотрительный собственник, плохо обрабатывающий землю, в годы изобилия безрассудно потребляющий весь свой избыток, вынужден был при малейшем злоключении просить помощи у своего более благоразумного соседа и жить в долг. Если благодаря новым злоключениям или вследствие продолжающейся его небрежности [в ведении дел] он окажется не в состоянии отдать занятого, если ему придется делать новые долги, то он, в конце концов, не будет иметь иных средств, кроме того, как отдать часть или даже весь свой земельный фонд заимодавцу как равноценное возмещение взятого или же отдать землю другому в обмен на другие ценности, чтобы ими непосредственно расплатиться со своим заимодавцем.

§ 13. Последствия неравенства. Обособление земледельца от собственника

Таким образом земельные фонды поступают в торговый оборот: они покупаются и продаются. Доля собственника расточительного или несчастного присоединяется к доле более счастливого или более благоразумного. В этом бесконечно разнообразном неравенстве владений невероятно, чтобы у значительного числа собственников не оказалось бы больше того количества земли, чем они сами могут обработать. К тому же весьма естественно, что человек богатый желает спокойно пользоваться своим богатством и вместо того чтобы тратить все свое время на тяжелый труд, предпочитает отдавать часть своего избытка людям, которые работают на него.

§ 14. Раздел продуктов между земледельцем и собственником. Чистый продукт, или доход

Вследствие такого нового распорядка [обособление земледельца от земельного собственника] продукт земли делится на две части: одна из них включает в себя средства существования и прибыль земледельца, вознаграждающие его труд и составляющие то условие, при котором он берет на себя обработку полей собственника; остаток представляет собой ту самостоятельную и свободную часть, которую земля дает обрабатывающему ее в качестве чистого дара, сверх затраченных им средств и оплаты его труда, и это составляет долю собственника, или *доход*, на который он может жить не работая и с которым он может делать что угодно.

§ 15. Новое распределение общества на три класса: земледельцев, ремесленников и собственников, или на производительный класс, содержимый класс и незанятый класс

Так общество распадается теперь на три класса: класс земледельцев, для которого можно сохранить наименование *класса производительного;* класс ремесленников и всех других, *содержимый* за счет [фонда] продуктов земли, и класс *собственников*, единственный, который, не будучи привязан к какому-либо особому труду необходимостью добывать средства к существованию, может быть призван к несению [таких] общественных обязанностей, как воинская и исполнение правосудия; [он может выполнять их] либо личной службой, либо выплачивая часть своего дохода, на который государство или общество нанимает людей для выполнения этих обязанностей. Наиболее подходящим поэтому для него названием будет *незанятый* (disponible) *класс*, [которым можно располагать].

§ 16. Сходство между двумя работающими или занятыми классами

Оба [эти] класса — земледельцев и ремесленников во многих отношениях схожи; главным образом в том, что лица, их составляющие, не обладают никаким доходом и одинаково живут на заработки, которые им выплачи-

ваются из продуктов земли. И те и другие схожи еще в том, что они выручают только цену своего труда и свои затраты, причем цена эта почти одинакова для обоих классов. Собственник торгуется совершенно одинаково как при найме тех, которые обрабатывают землю, стараясь оставить им наивозможно меньшую часть продуктов, так и со своим сапожником, когда хочет купить [у него] башмаки возможно дешевле. Одним словом, оба, земледелец и ремесленник, получают только вознаграждение за свой труд.

§ 17. Существенное различие между двумя работающими классами

Однако разница между двумя указанными родами труда заключается в том, что труд земледельца производит свою собственную заработную плату и, кроме того, доход, служащий для оплаты всего класса ремесленников и других наемных лиц; ремесленники же просто получают свою заработную плату, т. е. свою долю из продукта земли в обмен за их труд, и не производят никакого дохода. Собственник получает все то, что он имеет, только благодаря труду земледельца; он получает от земледельца средства существования для себя и для оплаты труда других наемных лиц. Он нуждается в земледельце в силу необходимости физического порядка, согласно которому земля не производит ничего без труда; но земледелец нуждается в собственнике только в силу человеческих соглашений и гражданских законов, которые обеспечивают первым из возделывающих землю и их наследникам собственность на занятые ими земли даже после того, как они перестали их обрабатывать. Но эти законы могут обеспечить праздному человеку только ту часть продукта, которую земля дает сверх вознаграждения земледельцев. Собственник, не желая потерять всего, должен оставить ему эту долю.

Земледелец, получая лишь одно вознаграждение за труд, сохраняет, однако, свои естественное и физическое преимущества, которые делают его первой движущей силой в общественном механизме, благодаря чему только от его труда зависит и существование его самого, и богатство собственника, и заработная плата за все другие работы.

Ремесленник, напротив, получает свою заработную плату то от собственника, то от земледельца и дает им, обменивая свой труд, лишь эквивалент своей заработной платы и ничего больше.

Таким образом, хотя земледелец и ремесленник зарабатывают тот и другой лишь возмещение своего труда, однако земледелец создает сверх этого возмещения доход [земельного] собственника, а ремесленник не создает никакого дохода ни для себя самого, ни для других.

§ 18. На этом различии основывается разделение классов на производительный и бесплодный

Таким образом, можно разделить оба работающих класса на класс *производительный,* состоящий из земледельцев, и класс *бесплодный,* включающий в себя всех других членов общества, получающих заработную плату.

§ 19. Как собственники могут извлекать доход из земли

Собственники, не обрабатывающие сами землю, могут отдавать ее в обработку на различных началах или заключать различные соглашения с теми, кто возделывает землю.

§ 20. Первый способ: обработка земли наемными людьми

Собственники могут сначала оплачивать людей поденно либо погодно за то, что они обрабатывают их поля, оставляя собственнику продукты целиком. [Такой способ] предполагает, что собственник делает затраты, дает семена и оплачивает рабочих до урожая.

Однако этот первый способ имеет недостаток: он требует от собственника много труда и прилежания; [собственник] сам должен руководить рабочими в их труде, наблюдать за использованием их времени и за их честностью, чтобы они не расхищали продукты.

Правда, он может также нанять разумного, известного ему своей верностью человека, который в качестве управляющего или заведующего руководит рабочими и ведет счет продуктов, но [в этом случае] собственник всегда может быть обманут.

Кроме того, этот способ чрезвычайно разорителен; дешевле он [обходится] там, где вследствие многочисленности населения и его недостаточного использования в других отраслях труда рабочие удовлетворяются очень низкой заработной платой.

§ 21. Другой способ: обработка земли рабами

В эпоху, близкую к началу человеческих обществ, было почти невозможно найти людей, которые желали бы обрабатывать землю другого, ибо не все земли были еще заняты; желающие трудиться предпочитали подымать новину и обрабатывать ее за свой собственный счет. Такие обстоятельства почти всегда встречаются в новых колониях.

Жестокие люди выдумали тогда принуждать насильственно других людей работать на них. Они завели себе рабов. Последние не могли требовать никакой справедливости от людей, которые могли обратить их в рабство, нарушив все права гуманности. Однако физический закон природы еще обеспечивал им часть продуктов, которые они производят, ибо необходимо, чтобы хозяин кормил рабов, если он пользуется их трудом. Но такая заработная плата ограничивается самыми необходимыми средствами для их существования.

Этот гнусный обычай рабства когда-то имел всеобщее распространение и еще теперь господствует на большей части земли. Главной целью войн, которые вели древние народы, было приобретение рабов, которых победители заставляли работать на себя или продавали их другим. Такое разбойничество и такая торговля еще и теперь господствуют со всеми их ужасами на берегах Гвинеи, куда приезжают европейцы покупать негров для работы в американских колониях.

Чрезмерный труд, к которому алчные хозяева принуждают рабов, губит значительное число их. Между тем для постоянного содержания потребного для обработки [земли] числа рабов необходимо, чтобы торговля каждый год доставляла их в очень большом количестве. А так как война всегда служит первым источником этой торговли, то очевидно, что последняя существует лишь тогда, когда люди разделены на очень маленькие нации,

которые непрерывно истребляют друг друга, причем каждая ничтожная группа ведет войну с соседней.

Если Англия, Франция и Испания поведут между собой ожесточеннейшую войну, то будут нарушены только границы каждого государства, и то лишь в некоторых немногих отдельных пунктах. Вся остальная часть страны останется в покое, и ничтожное количество пленников, которых может захватить та или другая сторона, будут весьма слабым подспорьем в обработке земли каждой из трех наций.

§ 22. Обработка трудом рабов не может существовать в больших обществах

Итак, когда люди сплачиваются в большие общества, пополнение числа рабов перестает в достаточной мере покрывать потребность в них для обработки земли. И хотя труд людей стараются восполнить работой животных, наступает время, когда земли уже не могут обрабатываться рабами. Использование рабов ограничивается только домашними услугами и со временем прекращается совсем, ибо, по мере того как народы учреждают у себя гражданский порядок, они заключают договоры по обмену военнопленными. Эти договоры заключаются с тем большей охотой, что каждое частное лицо весьма заинтересовано устранить для себя опасность попасть в рабство.

§ 23. Крепостничество заменяет рабство в чистом его виде

Потомки первых рабов, прикрепленных прежде к обработке земель, изменяют свое положение. Мир между нациями, лишив торговлю источника удовлетворения громадной потребности в рабах, принуждает их господ обращаться с ними более бережно.

Те, которые родились на дворе [господина] и привыкли с детства к своему положению, менее склонны к возмущению, и господам нет такой необходимости применять суровость для того, чтобы обуздать их. Мало-помалу земля, которую они обрабатывают, становится их отечеством, их языком становится язык господ, устанавливаются дружественные отношения и как следствие их — доверие и гуманность со стороны господ.

§ 24. Крепостничество заменяется вассалитетом, и раб становится владельцем. Третий способ: отчуждение земли в обмен на оброк

Управление имением, где земля обрабатывается рабами, требует тягостных забот и стеснительного пребывания в нем. Господин обеспечивает себе более свободное, более легкое и более надежное пользование, заинтересовав своих рабов в обработке путем предоставления каждому из них некоторого пространства земли с условием отдачи ему части ее плодов. Одни [господа] заключали подобный договор на время; они предоставляли своим *рабам* лишь временное владение и сохраняли за собою право отнять его; другие отдавали землю навечно, удерживая ежегодную ренту, уплачиваемую продуктами или деньгами, и требуя от держателей [земли] выполнения известных обязанностей. Те, которые получали земли на точно определенных условиях, становились владельцами и свободными под названием *арендаторов,* или *вассалов* [1], а прежние собственники, именуемые *сеньорами,* сохраняли лишь право требовать платежа ренты и [выполнения] условленных обязательств. Так складывались отношения в наибольшей части Европы.

§ 25. Четвертый способ: издольная обработка

Земли, ставшие свободными при условии платежа ренты, могут еще менять собственника, делиться, сосредоточиваться в одних руках через наследование и продажу; и такой *вассал* в свою очередь может иметь земли больше, чем он *сам* в состоянии обработать. Чаще всего рента, которую должны платить с этих земель, не настолько велика, чтобы при хорошей обработке их нельзя было сверх [возмещения] авансов, издержек и пропитания земледельца получить еще избыток продуктов, который составляет доход: с той поры и у *вассала*-собственника должно явиться желание пользоваться доходом без [затраты] труда, отдавая землю для обработки другим. С другой стороны, большинство сеньоров отчуждают только самые неудобные части своих владений и сохраняют те, которые они могут обрабатывать с наименьшими издержками. Так как обработка [земли] рабами становится невыгодной, то первым представившимся и

простейшим средством для привлечения свободных людей к обработке земли, им не принадлежащей, было предоставление [этим людям] части плодов [земли], что побуждало их обрабатывать землю гораздо лучше, чем это делают работники, получающие определенную плату. Обычно разделяли [продукт] на две равные части, из которых одна принадлежала колону, другая — собственнику. Это послужило поводом названию — *половник*, или колон, получающий половину плодов [земли]. При такого рода сделках, имевших место в наибольшей части Франции, собственник совершает заранее все затраты на обработку, то есть доставляет за свой счет рабочий скот, плуги и другие земледельческие орудия, семена, а также пропитание колона и его семьи с того самого момента, когда последний приступает к обработке земли, и вплоть до первой жатвы.

§ 26. Пятый способ: аренда, или наем земель

Разумные и богатые земледельцы, понимавшие, что, не жалея ни трудов, ни издержек, можно значительно увеличить плодородие земель, подвергая их усиленной и хорошо организованной обработке, пришли к разумному выводу, что им было бы выгодно, если собственник согласится предоставить им в течение определенного числа лет сбор всего урожая с условием ежегодной выплаты ему постоянного дохода и совершения всех предварительных затрат на обработку. Таким путем [арендаторы] обеспечивали себе целиком весь избыток продукта, который создавался благодаря их издержкам и их труду. Собственник в свою очередь приобретал возможность спокойнее пользоваться своим доходом, ибо он освобождался от необходимости делать затраты и вести счет продуктов; его доходы становятся более равномерными, так как он ежегодно получает ту же цену аренды, и более прочными, ибо он никогда не избежал бы риска потерять свои авансы; и, кроме того, скот и другие предметы, которые находятся на ферме арендатора, обеспечивают собственнику верный платеж [со стороны арендатора]. К тому же, так как аренда заключается только на малое число лет, то он [собственник], если его арендатор даст за его земли слишком низкую цену, может повысить ее в конце срока аренды.

§ 27. Этот последний способ — самый выгодный из всех, но он применим только в такой стране, которая достаточно богата

Этот способ — отдавать землю в аренду выгоднее всех других как для собственников, так и для земледельцев; он устанавливается везде, где имеются богатые земледельцы, способные делать предварительные затраты на обработку, а так как богатые земледельцы могут приложить к земле больше труда и лучше удобрять ее, то результатом этого является громадное увеличение продукта и дохода с земельного участка.

В Пикардии, в Нормандии, в окрестностях Парижа и в бо́льшей части провинций севера Франции земли обрабатываются арендаторами, в провинциях юга господствует половничество. Провинции севера Франции поэтому несравненно богаче, и их почвы лучше обрабатываются, чем на юге.

§ 28. Обозрение различных способов извлечения дохода от земли

Я насчитал, таким образом, пять различных способов, при помощи которых собственники, освобождая себя от труда по обработке, могут извлекать руками других доход с земель. Первый [из этих способов] — обработка при помощи работников, получающих определенную плату; второй — применение рабов; третий — сдача земли с условием платежа ренты; четвертый — когда за обработку земледелец получает определенную часть, обыкновенно половину плодов [земли], причем предварительные затраты лежат на собственнике; пятый — сдача земель арендаторам, которые обязуются делать все затраты и платить собственнику в течение условленного ряда лет всегда равный доход.

Из всех этих пяти способов первый слишком дорог и редко применяется; второй может иметь место только в странах еще невежественных и варварских; третий является не столько способом получения дохода от собственности, сколько передачей своей собственности на условии долгового обязательства за землю, так что прежний собственник является, по существу говоря, только кредитором нового.

Чаще всего применяются два последних способа обработки: обработка при помощи половников — в странах бедных, и при помощи арендаторов — в наиболее богатых странах.

§ 29. О капиталах вообще и о доходах от денег

Существует и другой способ, о котором я еще не говорил, быть богатым, не трудясь и не обладая землями. Необходимо объяснить происхождение этого способа и его связь с остальной частью системы распределения богатств в обществе, очерк которого я только что дал. Этот способ состоит в приобретении того, что называют доходом от его [заимодавца] денег, или процентом, который получают за отданные в заем деньги.

§ 30. Об употреблении золота и серебра в торговле

Золото и серебро — два таких же товара, как и другие, [даже] менее ценные, чем многие другие, ибо они никак не служат удовлетворению действительных потребностей жизни. Для того чтобы объяснить, как эти два металла сделались залогом (gage), представляющим всякое богатство, какое влияние они оказывают на ход торговли и как они входят в состав имущества, надо вернуться немного назад и обратиться к началу наших рассуждений.

§ 31. Происхождение торговли. Принцип оценки вещей, находящихся в торговом обороте

Взаимная потребность привела к обмену того, что имеется, на то, чего нет. Стали обменивать один товар на другой товар и на труд. В этих обменах обе стороны должны были придти к соглашению относительно качества и количества каждой обмениваемой вещи. Естественно, что при этом соглашении всякий желает получить возможно больше и дать возможно меньше. А так как оба равно являются хозяевами того, что они предлагают в обмен, то каждый из них должен определить степень своей привязанности к той вещи, которую он отдает,

сравнительно с собственным желанием получить другую вещь и, следовательно, определить количество каждого из обмениваемых предметов. Если они не приходят сразу к согласию, то необходимо, чтобы они столковались, немного уступая друг другу, предлагая больше или довольствуясь меньшим. Я предполагаю, что один нуждается в хлебе, другой в вине и оба приходят к согласию обменять *одну меру*[2] *хлебного зерна* на *шесть пинт*[3] *вина.* Очевидно, что для каждого из них *мера хлеба* и *шесть пинт вина* будут вполне равноценны и что при этом отдельном обмене цену одной меры хлеба составляют шесть пинт вина, а цену *шести пинт* вина составляет *одна мера* хлеба. Но при другом обмене между иными людьми эта цена будет различной в зависимости от того, кто из них имеет более или менее настоятельную потребность в товаре другого. Одна мера хлеба может быть обменена на восемь пинт вина, в то время как другая мера [хлеба] обменивается только на *четыре пинта вина.* Отсюда с очевидностью следует, что из всех этих трех цен ни одна не должна рассматриваться как истинная (vèritable) цена меры хлеба, ибо для каждого из договаривающихся полученное им вино было эквивалентом хлеба, который он отдал; одним словом, если рассматривать каждый обмен изолированно и обособленно, то ценность каждой из обмениваемых вещей не имеет иного измерителя, кроме потребностей или желаний договаривающихся, которые уравновешивают друг друга, и ценность устанавливается лишь согласованием их желаний.

§ 32. Как устанавливается текущая (courante) ценность в обмене товаров

Может оказаться, однако, что тем, кто обладает хлебом, многие предлагают вино. Если один из них за меру [хлеба] не пожелает дать больше *четырех пинт вина,* то собственник хлеба, зная, что другой даст ему *шесть* или *восемь пинт,* не отдаст [первому] своего хлеба. Если первый пожелает иметь хлеб, он будет вынужден повысить цену до уровня цены того, кто предлагает больше. Продавцы вина со своей стороны используют конкуренцию между продавцами хлеба. Каждый решается отдать свой товар, только сообразуясь с различными предложениями товара, в котором он нуждается, и отдает предпочтение

наибольшему предложению. Ценность хлеба и вина не является предметом спора двух частных лиц в зависимости от их обоюдных потребностей и средств; она определяется уравновешиванием потребностей и средств всей совокупности продавцов хлеба с потребностями и средствами всей совокупности продавцов вина. Ибо тот, кто охотно дал бы *восемь пинт* вина за *одну меру* хлеба, даст за нее лишь четыре, если узнает, что какой-то собственник хлеба согласен дать две меры хлеба за восемь пинт. Средняя (mitoyen) цена между различными предложениями и различными запросами сделается текущей (courant) ценой[4], с которой все покупатели и продавцы будут сообразовываться в своих обменах, и можно будет с полным правом сказать, что *шесть пинт* вина будут для всех составлять эквивалент *одной меры* хлеба, если здесь это средняя цена, и до тех пор, пока уменьшение предложения, с одной стороны, или спроса, с другой, не изменит этой оценки.

§ 33. Торговля дает каждому товару текущую ценность в отношении каждого другого товара, из чего следует, что всякий товар является эквивалентом некоторого количества всяких других товаров и может рассматриваться как представляющий их залог

Хлеб обменивается не только на вино, но и на все другие предметы, в которых могут нуждаться собственники хлеба, а именно: на лес, кожу, шерсть, хлопок и т. д.; то же относится к вину и ко всякому товару в отдельности. Если *одна мера* хлеба является эквивалентом *шести пинт* вина, а *один баран* эквивалент *трех мер* хлеба, то этот же баран будет эквивалентом *восемнадцати* пинт вина. Имеющий хлеб, но нуждающийся в вине может без затруднений обменять свой хлеб на барана с тем, чтобы немедленно затем обменять этого барана на вино, которое ему потребно.

§ 34. Каждый товар может служить шкалой, или общей мерой, для сравнения ценности всех других товаров

Отсюда следует, что в стране, где торговля весьма оживленна, где много производят и много потребляют, где большой спрос и предложение на всякого рода то-

вары, каждый вид [товара] будет иметь текущую цену по отношению к другому виду, т. е. определенное количество одного будет равняться определенному количеству каждого из других. Таким образом, одно и то же количество хлеба, которое стоит *восемнадцать пинт* вина, будет стоить *одного барана, одной* выдубленной *кожи,* определенного *количества железа,* и все эти вещи в торговом обороте будут иметь равную ценность.

Чтобы выразить и узнать ценность вещи в каждом отдельном случае, очевидно, достаточно знать количество другого товара, который будет рассматриваться как эквивалент. Так, чтобы узнать, сколько стоит кожа определенной величины, можно просто сказать, что она стоит *три меры хлеба* или *восемнадцать пинт вина;* так же точно можно выразить ценность определенного количества вина числом *баранов* или *мер хлеба,* которого оно стоит в торговом обороте.

Отсюда явствует, что все виды товаров, могущие быть предметом торговли, взаимно, так сказать, измеряют друг друга; каждый из них может служить общей мерою, или шкалой, для сравнения, к которой приводятся ценности всех других [товаров]. И подобным же образом всякий товар становится в руках того, кто им владеет, средством для получения всех других [т. е.] своего рода всеобщим залогом.

§ 35. Не всякий товар представляет равно удобный масштаб ценностей. Пришлось предпочесть употребление тех, которые, не различаясь значительно по качеству, имеют ценность, зависящую главным образом от числа или количества

Хотя всякий товар по самому своему существу и имеет способность представлять все другие [товары], служить общей мерой для выражения их ценности и всеобщим залогом для приобретения всех [других] через обмен, но не каждый из них может с одинаковой легкостью употребляться для этих двух целей.

Чем больше товар подвержен изменениям ценности в зависимости от его качества, тем труднее его сделать масштабом ценности других товаров.

Например, *восемнадцать пинт* вина из *Анжу* суть эквивалент одного барана, а *восемнадцать пинт* вина из

Капа будут эквивалентом восемнадцати баранов; если бы при определении ценности барана кто-либо сказал, что он равен *восемнадцати пинтам вина,* получилась бы двусмысленная фраза, которая не создала бы никакого определенного представления; пришлось бы добавлять много пояснений, что было бы очень неудобно.

Поэтому нужно предпочесть в качестве масштаба сравнения такие товары, которые, будучи чаще в общем употреблении и имея поэтому более известную ценность, были бы в большей мере сходны между собою и ценность которых зависела бы более от числа или количества, нежели от качества.

§ 36. При отсутствии точного соответствия между ценностью и числом, или количеством, приходится остановиться на средней оценке, которая обращается в своего рода идеальную монету

В стране, где имеется только одна порода овец, легко принять за общее мерило ценностей ценность одного руна, или одного барана; и тогда можно сказать, что *бочка вина* или *штука материи* стоит определенное число рун, или баранов. В действительности же между баранами имеются некоторые различия. Когда дело идет о продаже баранов, то стараются оценить эти различия и считать, например, двух ягнят за одного барана. Когда приходится оценивать всякий другой товар, берут в качестве единицы общую ценность одного барана среднего возраста и среднего веса.

Таким образом, выражение ценностей в *баранах* становится как бы условным языком, и это слово *баран* на языке торговли вызывает в умах тех, которые им пользуются, не только представление о *баране,* но и о каком-то количестве каждого из наиболее употребительных товаров, которые рассматриваются как эквивалент этого барана, и это выражение в конечном счете применяется больше к абстрактной и фиктивной ценности, чем к реальному барану. Поэтому, если вдруг случится падеж баранов и чтобы получить одного [барана], *придется* отдать *вдвое больше хлеба* или вина, чем прежде, то будут скорее говорить — *один баран* стоит *двух баранов,* но не изменят выражения, к которому привыкли, говоря о всех других ценностях.

§ 37. Примеры таких средних оценок, которые сделались идеальным выражением ценностей

В торговом обороте всех наций известны многие примеры таких фиктивных оценок в товарах, которые, так сказать, являются лишь условным языком для выражения ценностей.

Так, мясники Парижа, торговцы рыбой, поставщики крупных торговых домов обыкновенно заключают свои сделки, считая *поштучно.* В то или иное время года одна жирная пулярка считается за штуку, цыпленок за полштуки, и таким же образом [поступают] с прочими [товарами]. В торговле неграми, которых продают колониям в Америке, сбывают груз негров, беря столько-то *индийских монет* за голову негра. Женщины и дети оцениваются следующим образом: например, три ребенка или же женщина с ребенком считаются как голова негра. Увеличивают или уменьшают оценку в зависимости от силы и других качеств рабов, так что такой раб [с известными достоинствами] считается за две головы негра.

Негры *Мандинго,* которые торгуют золотым песком с арабскими купцами, приводят все товары к фиктивной шкале, части которой называются *макутами;* поэтому они говорят купцам, чтобы те уплатили им столько-то макут в золоте. В тех же макутах они оценивают получаемые товары и спорят с купцами об этой оценке.

Таким же образом в Голландии считают на *банковые флорины,* которые являются лишь фиктивной монетой, оцениваемой в торговом обороте то дороже, то дешевле монеты, которая называется *флорин*[5].

§ 38. Всякий товар, представляя все другие предметы торговли, является залогом, и [в качестве такового он] более или менее пригоден к употреблению в зависимости от того, насколько легко он перевозится и сохраняется без изменений

Изменение в качестве товаров и их цене в соответствии с этим качеством, которое делает их более или менее пригодными по сравнению с другими к тому, чтобы служить общим мерилом, [это изменение] предполагает также большую или меньшую непригодность их служить

залогом, представляющим всякий другой товар одинаковой ценности.

Однако касательно этого последнего свойства следует также [заметить], что между разными видами товаров имеются очень большие различия.

Очевидно, например, что человек, имеющий штуку холста, значительно больше уверен в том, что приобретет за нее, когда захочет, определенное количество хлеба, чем имея бочку вина той же ценности, ибо вино подвержено бесконечным случайностям, которые могут сразу полностью обесценить его.

§ 39. Всякий товар обладает двумя существенными свойствами монеты: измерять и представлять всякую ценность, и в этом смысле всякий товар есть монета

Эти два свойства — служить общей мерой всех ценностей и залогом, представляющим все товары одинаковой ценности, — заключают в себе все составляющее сущность и полезность того, что называют монетой; и из [рассмотрения] обстоятельств, к которым я теперь перехожу, вытекает то, что все товары в некотором смысле являются *монетой* и имеют два ее существенных свойства, в большей или меньшей степени в зависимости от природы каждого [товара]. Все [товары] более или менее пригодны служить общим мерилом в зависимости от того, больше ли они находятся в общем употреблении, более ли они схожи по качеству и легче ли они делятся на части равной ценности. Все [товары], которые менее подвержены уничтожению и изменению в своем количестве или в своем качестве, могут более или менее служить всеобщим залогом в обменах.

§ 40. В свою очередь всякая монета по существу является товаром

За общую меру ценностей можно принять только то, что [само] имеет ценность [и] принимается в торговле в обмен на другие ценности. Не может быть иного всеобщего залога, представляющего ценность, кроме равной ей другой ценности. Поэтому монета как нечто совершенно условное — вещь невозможная.

§ 41. Различные материалы служили и могут служить обычной монетой

Многие нации усвоили в своем языке и приняли в своем торговом обороте как общую меру ценностей различные, более или менее дорогие, материалы, [но] еще и теперь имеются некоторые варварские народы, которые пользуются небольшими раковинами. Я припоминаю, что видел, как в школе пользовались в качестве подобия монеты косточками абрикосов, которые были средством обмена между школьниками в разных играх. Я уже говорил об оценке головы скота. Следы таких оценок встречаются в законах древних германских наций, которые разрушили Римскую империю. Первые римляне, или по крайней мере их предки — латиняне, также пользовались для этой цели скотом. Утверждают, что первые выбитые из меди монеты представляли ценность барана и носили на себе его изображение и что отсюда произошло слово *pecunia,* от pecus [скот]; это предположение имеет большую вероятность.

§ 42. Почему металлы, и особенно золото и серебро, более, чем всякий другой материал, пригодны служить монетой

Вот мы и подошли к введению благородных металлов в торговлю. Все металлы, по мере того как их открывали, поступали в обмен сообразно с их реальной полезностью; блеск металлов привел к добыче их как украшения; их легкоплавкость и твердость дали возможность делать из них сосуды более прочные и более легкие, чем из глины. Но, попав в торговый оборот, эти материалы не могли вслед за тем не стать тотчас же общеупотребительной монетой. Кусок любого металла обладает теми же качествами, как и любой другой кусок того же металла, если только они равной чистоты. А легкость, с которой можно отделять при посредстве различных химических процессов один металл от других, с ним соединенных, вызывает то, что всякий металл всегда можно привести к той степени чистоты, или, как выражаются, к той пробе, которая желательна; тогда ценность металла может различаться только по его весу. Выражая ценность каждого товара весом металла,

даваемого в обмен, можно таким образом получить для всех ценностей выражение, наиболее ясное, наиболее удобное и наиболее точное. И все станут потому предпочитать пользоваться именно такой мерой, а не какой-либо другой.

Металлы не менее пригодны, чем другие товары, и к тому, чтобы быть всеобщим залогом для всех ценностей, которые они могут измерять; так как они могут подлежать любому воображаемому дроблению, то в торговом обороте нет ни одного предмета, ценность которого, малая или большая, не могла бы быть точно оплачена определенным количеством металла. Кроме этого преимущества — способности к любому раздроблению, они обладают еще и другим — неизменяемостью, а те из них, которые редки, например золото и серебро, имеют очень большую ценность при весьма незначительном весе и объеме.

Из всех товаров эти два металла могут наиболее легко проверяться по их качеству, подразделяться на определенные количества, сохраняться вечно без изменения, перевозиться с наименьшими издержками в любое место. Всякий человек, обладающий избытком любого товара и не имеющий в данное время потребности в другом товаре, постарается обменять его на серебро, которое дает большую, чем всякая другая вещь, уверенность получить желаемый товар, как только в нем появится потребность.

§ 43. Золото и серебро по самой природе вещей сделались монетой, и притом всеобщей монетой, независимо от всякого соглашения и всякого закона

Вот так золото и серебро сделались монетой, и притом всеобщей монетой, без всякого произвольного соглашения людей, без вмешательства какого бы то ни было закона, а по самой природе вещей. Они не являются, как воображают многие люди, знаками ценностей; они сами имеют ценность. Если они могут быть мерою и залогом других ценностей, то в этом свойстве они тождественны всем другим предметам, которые имеют ценность в торговом обороте.

Они отличаются только тем, что, как легче дробимые, более неизменные и удобнее перевозимые, чем другие товары, они [золото и серебро] более пригодны для того, чтобы измерять и представлять ценности.

§ 44. Другие металлы употребляются для этой цели только вспомогательно

Можно было бы употреблять все металлы в качестве монеты.

Но те из них, которые широко распространены, имеют слишком малую ценность при большом объеме, чтобы ими пользоваться в обычных торговых сделках. Медь, серебро и золото — вот единственные обычно употребляемые [для этой цели металлы].

И за исключением нескольких народов, которых ни рудники, ни торговля не могли снабдить достаточным количеством золота и серебра, [везде] даже медь служила только для обмена самых малых ценностей.

§ 45. Употребление золота и серебра в качестве монеты увеличило ценность их как вещества

Охота, с какой каждый стремился обменять избытки своих товаров на золото и серебро, предпочитая их всякому другому товару, не могла не возвысить значительно ценность этих двух металлов в торговле. А это сделало их лишь еще более удобными для использования как залога и как общего измерителя.

§ 46. Изменения в ценности золота и серебра сравнительно с другими предметами торгового оборота и между собой

Эта ценность может изменяться и в действительности постоянно изменяется, так что одно и то же количество металла, соответствовавшее определенному количеству того или иного товара, перестает ему соответствовать, и требуется больше или меньше денег для представления ценности этого товара. Когда требуется больше, говорят, что товар подорожал; когда меньше, говорят, что он стал дешевле; но с тем же основанием можно ска-

зать, что это деньги подешевели в первом случае и стали дороже во втором.

Серебро и золото изменяются в цене не только по сравнению со всеми другими товарами, но и по отношению друг к другу, смотря по большему или меньшему их изобилию. Известно, что в настоящее время в Европе дают от *четырнадцати до пятнадцати унций серебра* за *одну унцию золота,* а в древнейшие времена за *одну унцию золота* давали лишь *от десяти до одиннадцати унций серебра.*

Даже в настоящее время в Китае дают лишь около *двенадцати унций серебра* за *унцию золота,* так что очень выгодно вывозить в Китай серебро для обмена на золото и привозить последнее в Европу. Очевидно, что эта торговля должна с течением времени сделать золото более обычным в Европе и более редким в Китае, причем ценности обоих металлов в конце концов должны повсеместно придти к одному и тому же соотношению.

Тысяча разных причин влияет на установление и непрерывное изменение в каждый данный момент ценности различных товаров, сравниваемых как друг с другом, так и с деньгами. Те же причины определяют и изменяют ценность денег как в сравнении с ценностью всякого другого товара в отдельности, так и по отношению ко всей совокупности других ценностей, действительно находящихся в торговом обороте. Но было бы невозможно распознать эти различные причины и обнаружить их следствия, не входя в подробные пространные и очень сложные описания, от которых я воздержусь.

§ 47. Обычай платить деньгами послужил основанием различию между продавцом и покупателем

По мере того как люди свыкались с обычаем все оценивать в деньгах, обменивать все свои избытки на деньги и приобретать на деньги только те вещи, которые им полезны или приятны в данный момент, они привыкли рассматривать торговые сделки с новой точки зрения. Они стали различать [в торговой сделке] двух лиц: продавца и покупателя. Продавцом был тот, кто давал товар за деньги, а покупателем тот, кто давал деньги, чтобы иметь товар.

§ 48. Употребление денег сильно облегчило разделение разных работ между различными членами общества

Чем больше деньги входили в общее употребление, тем более мог каждый, отдаваясь только земледелию или избранному им промыслу, освободить себя от всех забот об удовлетворении других своих потребностей и думать лишь о том, чтобы приобрести как можно больше денег от продажи своих продуктов или своим трудом в полной уверенности, что на эти деньги можно получить все остальное: таким образом, употребление денег чрезвычайно ускорило общественный прогресс.

§ 49. О запасе годичных продуктов, накопленных для образования капитала

Как только нашлись люди, которым собственность на землю обеспечивала годичный доход, более чем достаточный для удовлетворения всех их потребностей, должны были найтись люди, заботящиеся о будущем или просто благоразумные, которые стали сохранять часть того, что собирали ежегодно как для помощи в возможных злоключениях, так и для того, чтобы увеличить свой достаток. Когда продукты, собранные ими, было трудно сохранять, они должны были стремиться приобрести в обмен товары, по своей природе самые прочные, такие, которые не теряют с течением времени своей ценности, которые можно было употреблять для получения прибыли, с избытком возмещающей естественную убыль.

§ 50. Движимые богатства. Скопление денег

Этот род владения в накопленных [и] непотребленных годичных продуктах известен под названием *движимого богатства.* Мебель, дома, посуда, товары в магазинах, орудия всякого ремесла, скот — вот что принадлежит к этому роду богатства. Очевидно, что до введения денег очень стремились приобрести возможно большее количество этих богатств. Но не менее очевидно, что, как только стали известны деньги, как только было установлено, что из всех предметов торговли они [суть] самый неизменный и легче всего, без особых затруднений сохраняемый предмет, всякий, кто хотел накоплять, стал разыскивать

главным образом деньги. Таким накоплением избытков стали заниматься не одни только собственники земель. Прибыли промышленности не являются даром природы, как доходы от земель, и промышленный работник выручает своим трудом только цену, которую он получает от своего нанимателя, платящего ему заработную плату. Наниматель старается возможно больше сэкономить на заработной плате, а конкуренция заставляет промышленного работника довольствоваться требованием наименьшей цены. Тем не менее известно, что эта конкуренция никогда не была настолько распространенной, настолько оживленной во всех отраслях труда, чтобы более ловкий, более деятельный и в особенности более, чем другие, бережливый в своем личном потреблении человек не мог в любое время заработать немного больше того, чем нужно для содержания себя и своей семьи, и сохранять этот избыток, сколачивая таким путем маленькие сбережения.

§ 51. Движимые богатства составляют необходимое предварительное условие всех прибыльных работ

Необходимо также, чтобы в каждой отрасли труда работники или предприниматели, дающие им работу, имели некоторый фонд движимых богатств, собранных заранее. Теперь мы вынуждены вернуться назад для того, чтобы припомнить многие вещи, вскользь указанные ранее, когда шла речь о разделении на различные профессии и о различных способах, при помощи которых собственники могут извлекать доход из своих земель. Прежде эти вопросы нельзя было хорошо разъяснить, не прерывая нити рассуждений.

§ 52. Необходимость предварительных затрат на обработку земли

Все виды работ по обработке земли, в промышленности, в торговле требуют предварительных затрат. Когда обрабатывали землю руками, нужно было [только] сеять для того, чтобы собирать урожай; нужно было также и жить до урожая. Чем больше обработка совершенствуется и поощряется, тем крупнее затраты. Необходим скот, пахотные орудия, постройки для содержания скота,

для хранения продуктов; кроме того, надо оплачивать и содержать до урожая такое количество людей, которое соответствует объему обработки. Только при крупных авансах получают значительное количество продукта, и земли дают большой доход.

В любой отрасли труда работник должен заранее иметь орудия труда и достаточное количество материалов, являющихся предметом его труда; затем он должен иметь возможность содержать себя до продажи своих изделий.

§ 53. Первые авансы доставляются еще не обработанной землей

Земля всегда является первым и единственным источником всякого богатства, это она, подвергаясь обработке, производит весь доход, она доставила первый фонд авансов еще до какой-либо ее обработки. Первый земледелец собрал зерна с растений, которые земля произвела сама по себе; ожидая урожая, он жил охотой, рыбной ловлей, [питался] дикими плодами; его орудиями были ветви деревьев, сорванные в лесах и разрезанные отточенными друг о друга камнями; он стал ловить бродящих в лесу зверей, преследовал или заставлял их попадать в расставленные капканы; он подчинял и приручал их; первоначально он употреблял их в пищу, затем в помощь в его труде. Мало-помалу этот первый фонд увеличивался, скот был тем движимым богатством, которое в эти первоначальные времена стремились приобретать больше всего и которое легче всего было накоплять. Скот погибает и воспроизводится, и заключенное в нем богатство как бы никогда не гибнет; этот фонд даже увеличивается только путем размножения и дает ежегодно такие продукты, как молоко, шерсть, кожу и другие материалы, составившие вместе с добытыми в лесу деревьями первоначальный фонд для промышленного производства.

§ 54. Движимое богатство, [воплощенное] в скоте, предшествовало даже обработке земель

В то время, когда еще существовало значительное количество необработанных земель, никому не принадле-

жащих, можно было содержать скот, не будучи собственником земли. Весьма вероятно даже, что люди почти повсеместно начали собирать стада и жить за счет продуктов скотоводства, прежде чем они стали заниматься более тяжелым трудом по обработке земли.

Народы, обрабатывавшие землю с давних пор, — это, по-видимому, те, которые нашли в своей стране породы животных, могущие быть прирученными, и поэтому перешли от бродячей и беспокойной жизни охотничьих и рыболовных племен к более спокойной жизни пастушеских племен.

Пастушеская жизнь заставляет дольше пребывать на одном месте; она дает больше досуга, предоставляет больше случаев узнать, чем различаются земли, наблюдать естественный процесс произрастания трав, служащих пищей животным. Может быть, именно по этой причине азиатские народы стали первыми обрабатывать землю, а народы Америки так долго оставались в состоянии дикости.

§ 55. Другой вид движимых богатств и предварительных затрат на обработку — рабы

Рабы были другим видом движимых богатств, которыми ранее запасались при помощи насилия, а потом посредством торговли и обмена.

Имевшие значительное количество рабов использовали их не только для обработки земель, но также и для различных промышленных работ. Почти безграничная легкость накопления этих двух видов богатства (скота и рабов) и удобство их употребления вне всякой даже связи с землей дали возможность оценивать сами земли и сравнивать их ценность с ценностью движимых богатств.

§ 56. Движимые богатства наряду с землей имеют меновую ценность

Человек, имеющий большое количество земли без скота и рабов, несомненно, совершил бы выгодную сделку, уступив часть своих земель лицу, которое дало

бы ему в обмен скот и рабов для обработки оставшейся земли. Преимущественно этим путем земельные фонды поступили в торговый оборот и приобрели ценность сравнительно со всеми другими товарами. Если *четыре четверти хлеба,* чистый продукт одного арпана земли, стоили *шесть баранов,* то сам этот арпан, производящий это количество хлеба, мог быть отдан за известную, правда, бо́льшую ценность, но ее всегда легко определить тем же способом, что и цену всех других товаров, т. е. сперва через торг между двумя договаривающимися, а затем по текущей цене, устанавливающейся через взаимную конкуренцию тех, кто желает обменять земли на скот, и тех, кто желает дать скот, чтобы иметь земли. Именно в соответствии с этой текущей ценой оценивают земли, когда должник, преследуемый своим кредитором, вынужден уступить ему свое имущество.

§ 57. Оценка земель по отношению дохода к сумме движимых богатств, или ценности, на которую они обмениваются: это отношение составляет то, что называют кратностью цены земель

Очевидно, что если земля, производящая доход, равный *шести баранам,* может быть продана за известную ценность, которую всегда можно выразить числом баранов, равным этой ценности, то это число будет иметь определенное отношение к *шести* и последнее будет содержаться в нем определенное число раз. Цена земли, таким образом, будет равняться лишь доходу от нее, увеличенному в несколько раз: в двадцать, если цена составляет *сто двадцать* баранов, в тридцать, если *сто восемьдесят баранов.* Текущая цена земель определяется, таким образом, по отношению ценности земли к ценности дохода от нее, а [показатель того], сколько раз в цене земли содержится ее годичный доход, называется *кратностью цены земли.* Они продаются с *кратностью* в *двадцать, тридцать, сорок* и т. д., когда платят за землю в двадцать, тридцать или сорок раз больше дохода от нее.

Столь же очевидно, что эта цена или эта кратность должна изменяться, смотря по тому, имеется больше или меньше людей, желающих продавать или покупать

земли, так же как и цена всех других товаров изменяется в зависимости от различий в отношении между предложением и спросом.

§ 58. Всякий капитал в деньгах, или любая сумма какой-либо ценности, равен ценности земли, производящей доход, равный определенной доле этой суммы. Первое употребление капиталов. Покупка земельного фонда

Перейдем теперь к эпохе, наступившей после введения денег. Легкость их накопления вызвала то, что они вскоре стали излюбленной частью движимых богатств, и это дало средство беспрерывно умножать их количество путем простой бережливости. Кто-то получающий ежегодно либо из дохода от своей земли, либо из заработков от своего труда, или от своего промысла больше ценности, чем ему нужно истратить, может отложить этот избыток и накоплять его; эти накопленные ценности составляют то, что называется *капиталом*. Боязливый скупой, который собирает деньги, чтобы успокоить свое воображение, заставляющее его опасаться возможного недостатка необходимых для жизни вещей в неизвестном будущем, хранит свои деньги в [наличной] их массе. Если опасности, которых он ожидал, осуществляются, и если ему приходится из-за бедности жить ежегодно за счет своего сокровища, или если появится расточительный наследник, начинающий тратить его по мелочам, то это сокровище быстро иссякнет, и капитал окажется совершенно потерянным для [его] владельца; но последний может употребить его [капитал] с гораздо большей выгодой. Оттого, что земельный фонд, приносящий известный доход, является лишь эквивалентом суммы ценности, равной этому доходу, повторенному известное число раз, следует, что всякая сумма ценности есть эквивалент земельного фонда, производящего доход, равный определенной доле этой суммы. Совершенно безразлично, заключается ли эта сумма ценности, или этот капитал, в массе металла или в совсем других вещах, ибо деньги представляют все виды ценности, как и всякая ценность представляет деньги. Поэтому владелец *капитала* может употреблять его на покупку земель, но у него [владельца капитала] имеются и другие способы [использования своего капитала].

§ 59. Другое употребление денег — для авансов на промышленное производство и деятельность

Я уже отметил, что все работы, будь то обработка земли, будь то промышленность, требуют затрат, и я также показал, как земля своими плодами и злаками, которые она сама производит для прокорма людей и животных, а также деревьями, из которых люди сделали свои первые орудия, доставила первые авансы на обработку [земли] и даже первые изделия, которые человек мог изготовить для своих нужд. Например, земля доставила камень, глину и лес, из которых строились первые дома; и до разделения занятий, когда один и тот же человек, обрабатывал землю и своим же трудом удовлетворял все другие свои потребности, не было надобности в других авансах. Но с тех пор как для значительной части членов общества их собственные руки стали единственным источником существования, те, которые жили на свою заработную плату, должны были получать кое-что вперед для того, чтобы иметь сырье для переработки и чтобы прожить до выплаты им заработка.

§ 60. Так развилось обыкновение авансировать капиталы на промышленные предприятия в расчете на их выручку и на прибыль, которую они должны принести

В первое время дающий работу доставлял сам материал и выплачивал заработок работнику поденно. Земледелец или собственник давал сам прядильщице лен, который он собрал, и кормил ее в течение времени работы; он давал затем нить ткачу, которому ежедневно платил условленную плату, но и эти незначительные ежедневные затраты могут быть достаточны лишь при грубой работе. Многие ремесла, и даже те, которые обслуживают беднейших членов общества, требуют, чтобы тот же материал прошел через множество разных рук, и нуждаются в течение очень долгого времени в очень трудных и весьма разнообразных подготовительных работах. Я уже замечал насчет выработки кожи, из которой делается обувь; всякий, кто был в мастерской дубильщика, знает, что безусловно невозможно, чтобы один или даже несколько бедных людей могли запастись кожами, орудиями, дубильными чанами и пр.,

построить здания, в которых можно разместить мастерскую, и чтобы эти бедняки могли существовать несколько месяцев вплоть до того, как кожи будут проданы. Не нужно ли, чтобы в этом промысле и во многих других все работающие изучили свое ремесло, прежде чем прикасаться к материалу, который они могут испортить в самом начале работы? Вот еще один необходимый аванс. Кто же соберет материалы, потребные для труда, вещества и орудия, необходимые для выработки? Кто соорудит каналы, склады, строения всякого рода? Кто даст возможность жить до момента продажи кож большому числу работников, из которых никто самолично не может приготовить и одной кожи? А разве прибыль, полученная от продажи одной кожи, могла бы дать необходимые средства к существованию даже для одного [работника]? Кто доставит средства для обучения учеников и подмастерьев? Кто даст им возможность существовать до тех пор, пока они будут обучаться, постепенно переходя от легкого и подходящего к их возрасту труда к работам, требующим наибольшей силы и ловкости? Таким лицом может быть только владелец *капиталов* или накопленных движимых ценностей. Капиталист станет употреблять свои капиталы частью как авансы на постройку зданий и как средства для закупки материалов, частью же на заработную плату рабочим, которые обрабатывают эти материалы. Капиталист будет ждать, пока продажа кож не возместит ему всех авансов и не даст еще достаточную прибыль, равную той, какую принесли бы ему деньги, если бы он употребил их на покупку участка земли. Кроме всего этого, он должен получить заработную плату за свой труд, за свои заботы, свой риск и даже за свое искусство; ибо несомненно, что при одинаковой прибыли он предпочел бы жить, совершенно не трудясь, на доходы с земли, которую мог бы приобрести на тот же капитал. По мере того как этот капитал возвращается к нему через продажу его произведений, он употребляет его на новые покупки, чтобы питать и поддерживать свою фабрику этим постоянным обращением: он живет на свои прибыли и откладывает то, что может сберечь, для приращения своего капитала и для использования его на своем предприятии, увеличивая массу своих авансов, дабы еще увеличить свои прибыли.

§ 61. Разделение промышленного наемного класса на предпринимателей-капиталистов и простых рабочих

Весь класс, занятый изготовлением бесконечно разнообразных произведений промышленности для удовлетворения различных потребностей общества, распадается, так сказать, на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов; все они являются обладателями больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, давая работу за счет своих авансов. Второй разряд состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к получению заработной платы.

§ 62. Другое употребление капиталов — на авансирование земледельческих предприятий. Раскрытие употребления необходимой выручки и необходимых прибылей с капиталов в земледельческих предприятиях

Рассуждая выше об употреблении капиталов в промышленных предприятиях, я имел в виду представить наиболее яркий пример необходимости и последствий крупных авансов, а также и самого хода их обращения; но я несколько нарушил естественный порядок, согласно коему мне следовало бы начать с рассуждений о земледельческих предприятиях, которые также могут существовать, лишь расширяясь и принося прибыль не иначе, как посредством крупных авансов. Владельцы крупных капиталов, стремящиеся извлекать из них доход путем вложения в земледельческие предприятия, берут земли в аренду, дорого платят собственникам за наем и принимают на себя обязательство совершать все предварительные затраты на обработку. Их участь должна быть схожей с участью предпринимателей-фабрикантов: как и последние, они должны совершить первые вложения в предприятие, обеспечить себя скотом, лошадьми, пахотными орудиями, купить первые семена; как и фабриканты, они должны содержать и кормить возчиков, жнецов, молотильщиков, слуг, рабочих всякого рода, кото-

рые обладают лишь руками, авансируют только свой труд и добывают лишь заработную плату. Как и фабриканты, они должны получать, кроме возвращающихся обратно капиталов, т. е. кроме возвращения всех первоначальных и ежегодных авансов: 1) прибыль, равную доходу, который они могли бы получить со своим капиталом без всякого труда; 2) заработную плату, цену их труда, их риска, их искусства [6]; 3) [некоторую сумму], из которой они могли бы возмещать ежегодную утрату в вещах, употребляемых на их предприятии, павших животных, изношенные орудия и т. п.

Все это должно быть предварительно вычтено из цены продуктов земли; избыток служит земледельцу для уплаты собственнику за разрешение пользоваться его землей, на которой земледелец основывает свое предприятие. Это — арендная плата, доход собственника, *чистый продукт,* ибо все то, что земля производит для возмещения авансов всякого рода и прибылей того, кто делает эти авансы, не может рассматриваться как доход, а лишь как возмещение *издержек по возделыванию земли:* ведь если бы земледелец не выручал этих издержек, он не стал бы затрачивать свои средства и свой труд на обработку чужих полей.

§ 63. Конкуренция капиталистов-предпринимателей устанавливает текущую цену аренд и создает крупное производство в земледелии

Конкуренция богатых предпринимателей в земледелии устанавливает текущую цену аренд сообразно плодородию земли и в соответствии с ценой, по которой продаются ее произведения. Эту цену фермеры всегда исчисляют предварительно, беря сумму всех своих издержек и прибылей, которые они должны получить на свои авансы: они могут отдать собственнику [земли] лишь избыток.

Но когда конкуренция между ними [фермерами, арендаторами] значительно оживляется, они отдают ему [собственнику земли] весь свой избыток, ибо собственник отдаст свою землю только тому, кто предложит ему более высокую плату за наем [земли].

§ 64. Недостаток капиталистов-предпринимателей в обработке ограничивает эксплуатацию земель рамками мелкого производства

Если, напротив, нет богатых людей, обладающих большими капиталами для вложения в земледельческие предприятия, если вследствие низкой цены на произведения земли или по какой-либо другой причине урожаи не достаточны, чтобы обеспечить предпринимателям возвращение не только их фондов, но еще и прибылей, равных по крайней мере тем, которые они могли бы получить, употребляя свои деньги совсем иным способом, то нельзя будет найти фермеров, желающих нанять земли.

Собственники будут вынуждены обрабатывать их при посредстве колонов, или половников, которые не в состоянии делать какие бы то ни было вложения и хорошо обрабатывать землю.

В этом случае собственник сам делает незначительные вложения, которые доставляют ему скудный доход; если земля принадлежит бедному собственнику, или [собственнику], обремененному долгами, или нерадивому, либо вдове или малолетнему, она остается необработанной.

Таково действительное начало различий, которые я уже отметил, между такими провинциями, как Нормандия [7] и Иль-де-Франс [8], где земля обрабатывается богатыми фермерами, и такими, как Лимузен, Ангумуа, Бурбонне [9] и многие другие, где земля обрабатывается бедными половниками.

§ 65. Подразделение класса земледельцев на предпринимателей, или фермеров, и на простых наемников, слуг или поденщиков

Отсюда следует, что класс земледельцев, как и класс фабрикантов, распадается на два разряда людей: на предпринимателей, или капиталистов, дающих авансы, и на простых рабочих, получающих заработную плату. Отсюда также видно, что только капиталы образуют и поддерживают крупные земледельческие предприятия; они дают землям постоянную наемную ценность, если можно так выразиться; они обеспечивают собственникам доход, всегда равный и самый большой, какой только возможно получить.

§ 66. Четвертое употребление капиталов — авансы на торговые дела. Необходимость торгового посредничества в собственном смысле этого слова между производителями товара и потребителями

Предприниматели как в обработке земли, так и в мануфактурах, возвращают свои авансы и получают свои прибыли только через продажу произведений земли или изготовленных фабрикатов.

Потребности и средства потребителя всегда определяют продажную цену; но потребитель не всегда нуждается в вещи, изготовленной или произведенной в момент сбора урожая или завершения работы.

А между тем предпринимателям необходимо, чтобы их фонды немедленно и регулярно возвращались для нового вложения их в дело. Необходимо, чтобы обработка земли и посев следовали непосредственно за жатвой: надобно давать непрерывную работу рабочим мануфактуры, начинать изготовление новых предметов по окончании изготовления ранее начатых, возмещать материалы по мере их потребления. Нельзя без ущерба приостанавливать работу во всяком налаженном предприятии и нельзя, как только заблагорассудится, снова возобновить ее.

Поэтому предприниматель наиболее заинтересован в том, чтобы его фонды возвращались к нему вскоре по продаже его урожая или его произведений. С другой стороны, потребитель заинтересован в том, чтобы всегда иметь возможность найти, когда ему угодно и где ему угодно, вещи, в которых он нуждается; ему было бы весьма неудобно, если бы он был вынужден покупать в момент урожая запас на весь год.

Среди предметов обычного потребления имеется множество таких, которые требуют долгой и дорогостоящей работы; эту работу можно предпринять с выгодой только при весьма значительном количестве материала; при этом изготовленное даже одной мануфактурой не может быть потреблено малым числом людей или небольшой округой.

Предприятий по выделке таких предметов непременно бывает мало. Они находятся на значительном расстоянии друг от друга и, следовательно, весьма удалены от места жительства большинства потребителей. Нет почти людей, разве за исключением пребывающих в состоянии

крайней бедности, которым не приходилось бы потреблять многие вещи, собираемые или изготовляемые в местах, весьма отдаленных от них и не менее удаленных одно от другого. Человек, имеющий возможность добывать предметы своего потребления, только покупая их непосредственно из рук того, кто их собирает либо их изготовляет, не мог бы добыть себе многих вещей, либо был бы принужден употребить свою жизнь на путешествия.

Обоюдный интерес производителя и потребителя, первого — найти покупателя, второго — найти продавца, и притом не теряя драгоценного времени на ожидание покупателя или поиски продавца, должен был дать повод третьим лицам подумать о том, не могут ли они быть посредниками между тем и другим. Это дело стало занятием торговцев, которые покупают товары из рук производителя, с тем чтобы делать запасы или устраивать магазины, где потребитель мог снабжать себя.

Таким способом предприниматель, уверенный в продаже и в возвращении его фондов, занимается без тревоги и без перерыва произведением новых товаров, а потребитель находит под рукой и в любой момент вещи, в которых он нуждается.

§ 67. Различные разряды торговцев. Общее у них то, что все они покупают для перепродажи и что их торг основывается на авансах, которые должны возвратиться с прибылью, чтобы вновь поступить в дело

Начиная с продавщицы, выставляющей растения на рынке, и до судовладельца из Нанта или Кадикса, который совершает свои продажи и свои покупки даже в Индии и Америке, профессия купца, или торговля в собственном смысле этого слова, распадается на бесконечное число видов, или, так сказать, степеней. Один купец запасается только одним или несколькими видами товаров, едет продавать некоторые товары в такие места, где их не хватает, с тем чтобы привезти в обмен товары, которые повышаются в цене и которых недостает в том месте, откуда он выехал. Один совершает свои обмены в одной местности и самостоятельно, другой — при посредстве корреспондентов и с помощью возчиков, кото-

рых он оплачивает и заставляет ездить из одной провинции в другую, из одного королевства в другое, из Европы в Азию, из Азии в Европу. Один продает свои товары малыми партиями каждому из тех, кто их потребляет, другой продает товары только в большом количестве — оптом — другим торговцам, которые продают их в розницу потребителям, но все торговцы имеют то общее свойство, что они *покупают, чтобы перепродать,* и их первые покупки — это аванс, который впоследствии возвращается к ним. Аванс должен возвращаться к ним, так же как таковой у предпринимателей в земледелии и промышленности, не только полностью [и] в известный срок, чтобы потом поступить на новые покупки, но кроме того: 1) с прибылью, равной доходу, который они могли бы получить со своим капиталом, не трудясь; 2) с заработком, ценой их труда, их риска, их искусства. Без уверенности в получении необходимых прибылей ни один купец не стал бы заниматься торговлей; никто не мог бы ее продолжать. Руководствуясь подобной точкой зрения, он совершает свои покупки, принимая в расчет цену вещей и количество, которое он надеется продать в известное время. *Розничный торговец* узнает по опыту, по удаче небольших попыток, совершенных с осторожностью, каково приблизительное количество недостатков у потребителей, которые он должен удовлетворить. Негоциант получает сведения от своих корреспондентов относительно изобилия или недостатка и о цене товаров в разных странах, с которыми он торгует; соответственно этому он ведет свои расчеты; он посылает товары из тех мест, где они дешевле, туда, где они продаются дороже; само собой разумеется, что расходы на провоз входят в расчет авансов, которые должны быть ему возвращены.

Так как торговля необходима и нельзя предпринять никакой торговли без авансов, соответствующих ее размерам, то отсюда и возникает еще одно употребление движимых богатств, новое употребление, совершая которое, владелец массы сбереженных и накопленных ценностей, суммы денег, одним словом, капитала, может приобретать выгоды, чтобы поддержать свое существование, а если сможет, то и увеличить свои богатства.

§ 68. Истинное представление об обращении денег

Из сказанного видно, как обработка земель, фабрики всякого рода и все отрасли торговли основываются на массе *капиталов,* или накопленных движимых богатств, которые, будучи заранее авансированы предпринимателями в каждом из этих различных родов труда, должны ежегодно возвращаться к ним с постоянной прибылью; надо знать, какой капитал должен быть снова влит и вновь авансирован на продолжение [деятельности] того же предприятия и какая будет получаться прибыль для более или менее зажиточного существования предпринимателей. Эти постоянные затраты и их постоянное возвращение и составляют то, что *следует назвать обращением денег,* то полезное и плодотворное обращение их, которое оживляет все роды труда в обществе, поддерживает движение и жизнь в политическом теле и которое с большим основанием сравнивают с кровообращением в животном организме. Ибо если вследствие какого-нибудь нарушения в порядке расходов различных классов общества, предприниматели перестанут получать обратно свои авансы с прибылью, на которую они вправе рассчитывать, то, очевидно, они вынуждены будут сократить как свои предприятия, так и количество [применяемого] труда, сократится потребление произведений земли; производство и доход настолько уменьшатся, что бедность станет на место богатства, и простые рабочие, не находя себе применения, впадут в состояние глубочайшей нищеты.

§ 69. Все предприятия, особенно фабричные и торговые, до введения в торговый оборот золота и серебра могли иметь лишь очень ограниченные размеры

Почти нет надобности отмечать, что всякого рода предприятия, преимущественно фабричные и особенно торговые, до введения золота и серебра в торговый оборот могли иметь лишь очень ограниченные размеры. Ибо было почти невозможно накоплять значительные капиталы, а еще труднее было увеличивать число платежей и дробить их, насколько это необходимо, чтобы облегчить и множить обмены в меру требований торговли и

оживленного обращения. Только обработка земли могла кое-как существовать, ибо скот составляет главный аванс, который она требует; к тому же вероятно, что в это время не было другого предпринимателя по обработке земли, кроме собственника. Что же касается всякого рода ремесел, то до введения денег они могли пребывать лишь в крайне жалком состоянии. Они ограничивались выделкой самых грубых предметов, для изготовления которых собственники давали авансы, кормя рабочих и доставляя им материалы, либо заставляли собственных слуг делать такие предметы.

§ 70. Так как капиталы являются столь же необходимыми во всех предприятиях, как труд и искусство, то промышленник охотно делится прибылями с капиталистом, который доставляет ему фонды, в коих он нуждается

Капиталы являются неизбежной основой всякого предприятия, а деньги — главнейшее средство для сбережения небольших барышей, для накопления прибылей и обогащения. Поэтому обладающие искусством и усердием в труде, но не владеющие капиталами или имеющие недостаточное их количество для устройства задуманных ими предприятий без колебаний согласятся уступить владельцам капиталов или денег, желающих доверить им [предпринимателям] эти последние, часть прибылей, ожидаемых сверх возвращения их авансов.

§ 71. Пятое употребление капиталов: заем под проценты. Природа займа

Владельцы денег, сопоставляя риск, которому может подвергнуться их капитал при неудаче предприятия, с выгодой получения постоянной прибыли, без [затраты] труда, требуют, исходя отсюда, больше или меньше прибыли, или процента на свои деньги, т. е. соглашаются занять их за процент, предлагаемый им заемщиком. Вот еще один выход для владельца денег: заем под проценты, или торговля деньгами. Не следует заблуждаться: заем под проценты [есть] не что иное, как торговля, в которой заимодавец — человек, продающий *пользова-*

ние своими деньгами, а заемщик — человек, покупающий его, точно так же как собственник земли и его фермер продают и покупают один у другого пользование арендуемым имением.

Это превосходно выражалось у римлян названием, которое они давали денежному проценту, — usura pecuniae — слово, которое во французском переводе сделалось ненавистным вследствие возникновения ложных идей относительно денежного процента.

§ 72. Ложные идеи относительно займа под проценты

Цена займа вовсе не основывается, как можно было бы думать, на прибыли, которую заемщик надеется получить от капитала, пользование которым он покупает. Эта цена определяется, так же как и цена всех товаров, через торг между продавцом и покупателем, через уравнение предложения со спросом.

Занимают исходя из разных точек зрения и по всякого рода мотивам. Один занимает на устройство предприятия, которое его обогатит, другой — на покупку земли, иной — для уплаты карточного долга, тот — для возмещения утраты своего дохода, происшедшей из-за какого-нибудь случая, а этот — для того чтобы жить, пока не сможет зарабатывать своим трудом. Но все эти мотивы, которыми руководится заемщик, совершенно безразличны для заимодавца. Этого занимают только две вещи: процент, который он будет получать, и надежность [помещения] своего капитала. Он вовсе не беспокоится о том употреблении, которое сделает из его денег заемщик, так же как торговец не интересуется тем, как употребит покупатель товары, которые он ему продает.

§ 73. Опровергнутые заблуждения схоластов

С точки зрения истины — ошибка, когда более строгие, чем просвещенные, моралисты рассматривали отдачу в рост как преступление. Схоластические богословы, исходя из того, что деньги сами по себе ничего не производят, заключили, будто несправедливо требовать процент за занятые деньги. Исполненные предрассудков, они

верили, что их учение освящается словами Евангелия: «Взаймы давайте, не ожидая ничего».

Богословы, усвоившие более разумные взгляды по вопросу о проценте, терпели самые жестокие упреки со стороны возражавшей им части писателей.

А между тем требуется [лишь] немного поразмыслить, чтобы признать неосновательность доводов, которыми пользовались для осуждения займа под проценты. Заем есть обоюдный свободный договор между двумя сторонами; они вступают в него только потому, что он им выгоден. Очевидно, если заимодавец находит выгодным получать плату за пользование его деньгами, то и заемщик не менее заинтересован в том, чтобы найти нужные ему деньги, раз он решил занять и платить за пользование этими деньгами. Итак, следуя какому принципу, можно представить себе что-нибудь преступное в договоре, который выгоден обеим сторонам, коим обе довольны и который не приносит вреда никому другому? Сказать, что заимодавец, требуя процент, злоупотребляет нуждою в деньгах своего заемщика, — это значит говорить так же бессмысленно, как если сказать, будто булочник, требующий деньги за продаваемый им хлеб, злоупотребляет нуждою своего покупателя. Если в этом последнем случае деньги суть эквивалент хлеба, который получает покупатель, то деньги, получаемые сегодня заемщиком, равно являются эквивалентом капитала и процента, которые он обещает вернуть в известный срок. Ибо, наконец, это выгодно заемщику — иметь деньги в тот промежуток времени, когда он в них нуждается, и столь же невыгодно это для заимодавца, одолжившего деньги. Эта выгода подлежит оценке и в действительности оценивается: процент и есть ее цена. Эта цена должна быть еще гораздо бо̀льшей, если заимодавец подвергается риску потерять свой капитал вследствие несостоятельности заемщика. Сделка, таким образом, совершенно равна для одной и для другой стороны и, следовательно, законна. Деньги, рассматриваемые как физическое тело, как масса металла, не производят ничего; но деньги, употребляемые как авансы на предприятия по обработке земли, на фабрики, на торговлю, доставляют известную прибыль. С деньгами можно приобрести землю и доставить себе известный доход. Тот, кто отдает деньги взаймы, не уступает, таким образом,

только одно бесплодное обладание этими деньгами, он лишается прибыли или дохода, который он мог бы получить. Процент, который вознаграждает его за эту потерю, не может рассматриваться как несправедливый. Вынужденные в силу этих соображений сдаться, схоласты разрешили извлекать процент из денег при условии отчуждения капитала, то есть чтобы заимодавец отказался требовать возвращения своих денег в известный срок и предоставил заемщику держать их сколько угодно, уплачивая только процент. Смысл такой терпимости заключался в том, что тогда процент получался не на ссужаемые деньги. В данном случае покупалась за известную сумму рента, так же как покупается земля. Это было маленькое ухищрение, к которому они прибегали, чтобы уступить абсолютной необходимости в займе для хода дел общества без открытого признания ложности оснований, по которым они его осудили; но эта оговорка относительно отчуждения капитала вовсе не к выгоде заемщика, который остается не менее обремененным долгами до возвращения капитала и имущество которого всегда служит обеспечением для данного капитала. Это невыгодно даже и потому, что при этом условии заемщику труднее найти деньги в случае нужды, ибо тот, кто охотно согласится занять на год или два сумму, предназначенную на покупку земли, не захочет дать эту сумму в заем на неопределенное время. Кроме того, если можно продавать свои деньги за вечную ренту, почему нельзя отдать их в пользование на несколько лет за ренту, которая будет длиться лишь это число лет? Если рента в 1000 франков в год равноценна сумме в 20 000 франков для того, кто удерживает ее вечно, то 1000 франков будут ежегодно эквивалентом обладания этой суммой в течение одного года.

§ 74. Истинное обоснование денежного процента

Итак, можно отдавать свои деньги в пользование на столь же законном основании, как и продавать их; владелец денег может делать и то и другое не только потому, что деньги составляют эквивалент дохода и средство приобретения дохода, не только потому, что в течение времени займа заимодавец теряет доход, который

он мог бы получить, не только потому, что он рискует своим капиталом, не только потому, что заемщик может использовать их для выгодных приобретений или для предприятий, которые принесут ему большие прибыли: собственник денег может законно получить процент на более общем и решающем основании. Если даже все это и не имело бы места, он имел бы не меньшее право требовать процент на заем по тому единственному основанию, что деньги его принадлежат ему. Так как они принадлежат ему, он волен сохранять их, ничто не обязывает его отдавать их в заем. Если же он дает взаймы, он может отдавать в заем на условиях, какие сочтет желательным. Тем самым он не наносит никакого ущерба заемщику, ибо этот последний соглашается на его условия и не имеет никаких прав на занятую сумму. Прибыль, которую можно получить, имея деньги, является, несомненно, одним из наиболее частых побуждений, склоняющих заемщиков брать в заем под проценты; это один из источников, который дает возможность выплачивать этот процент. Но вовсе не это дает право заимодавцу требовать его; для этого достаточно, чтобы деньги принадлежали ему [заимодавцу], и это право неотделимо от собственности. Тот, кто покупает хлеб, делает это из желания себя накормить, но право булочника взыскивать цену совершенно независимо от этого употребления хлеба: это такое же право, как и право продавать ему камни; это основывается единственно на том, что никто не может заставить его отдать принадлежащий ему хлеб даром.

§ 75. Денежный процент, подобно цене всякого товара, должен устанавливаться только торговым оборотом

Я уже сказал, что цена ссужаемых денег, так же как и цена всех других товаров, регулируется уравнением спроса и предложения. Поэтому когда много заемщиков, нуждающихся в деньгах, денежный процент повышается, когда много владельцев денег, предлагающих взаймы, процент понижается. И поэтому было бы ошибкой думать, что денежный процент в торговом обороте должен устанавливаться законами государей: это текущая цена, устанавливаемая как и цена всех других товаров. Эта

цена немного разнится в зависимости от бо́льшей или меньшей уверенности заимодавца в том, что он не потеряет свой капитал; при равной уверенности процент должен повышаться или понижаться в зависимости от избытка и потребности [в капиталах], и закон не должен устанавливать денежного процента, так же как не должен определять цены на все другие товары, обращающиеся в торговле.

§ 76. Деньги имеют в торговом обороте две различные оценки: одна выражает количество денег, которое дают, желая получить разного рода товары; другая выражает отношение суммы денег к проценту, который она дает в зависимости от хода торговли

Изложение способа, при посредстве которого продаются или отдаются в пользование за ежегодный процент деньги, может вызвать мысль, будто имеются два способа оценки денег в торговом обороте.

В покупках и продажах известный вес серебра представляет известное количество ценностей или товаров всякого рода; например, унция серебра равноценна известному количеству хлеба или известному числу [рабочих] дней человека.

В займе и в торговле деньгами капитал есть эквивалент ренты, равной определенной части этого капитала, и, наоборот, годичная рента представляет капитал, равный сумме этой ренты, повторенной некоторое число раз, смотря по тому, более или менее высок множитель [суммы] процента.

§ 77. Эти две оценки независимы друг от друга и определяются на совершенно различных основаниях

Эти две различные оценки имеют гораздо меньше связи между собой и гораздо меньше зависят друг от друга, чем можно было бы подумать с первого взгляда.

Деньги могут быть очень распространены в обыкновенном торговом обороте, могут содержать очень мало ценности, соответствовать очень малому количеству

товаров, а денежный процент в то же время может быть очень высок.

Я предполагаю, что при *одном миллионе унций серебра,* действительно находящемся в торговом обороте, *одна унция серебра* дается за меру хлеба. Я предполагаю, что каким бы то ни было способом в государство ввозится *второй миллион* унций серебра и это прибавление [денег] разошлось равномерно по всем кошелькам в той же пропорции, что и первый миллион, так что тот, кто раньше имел две унции серебра, теперь имеет четыре. Деньги, рассматриваемые как масса металла, уменьшились бы, конечно, в цене или, что то же, товары оплачивались бы дороже, и для приобретения одной меры хлеба, за которую платили одну серебряную унцию, нужно было бы давать гораздо больше серебра, быть может, *две унции* вместо *одной.*

Но отсюда вовсе не следует, что денежный процент понизится, если все эти деньги поступят на рынок и будут употреблены на текущие расходы тех, кто ими обладает, как то предполагалось относительно *первого миллиона* унций серебра; ибо денежный процент понижается лишь настолько, насколько больше, чем прежде, имеется денег для займа соразмерно с потребностями заемщиков.

Деньги же, которые выносятся на рынок, не идут взаймы; одалживают деньги, отложенные про запас, накопленные капиталы, и просто невероятно, чтобы прибавление денег на рынке или понижение их цены сравнительно с товарами в обыкновенной торговле неизбежно и с непосредственной последовательностью влекло за собою понижение денежного процента; может произойти, напротив, что та же причина, которая увеличивает количество денег на рынке и повышает цену других товаров, понижая цену денег, является именно той [причиной], которая увеличивает плату за пользование деньгами, или уровень процента.

В самом деле, я на мгновение предполагаю, что все богатые люди какой-либо нации, вместо того чтобы сберегать кое-что из своих доходов или своих годичных прибылей, расходуют их целиком. Не довольствуясь тратой всего своего дохода, они растрачивают и свой капитал. [Предположим], что человек, имеющий сто тысяч франков деньгами, вместо того чтобы употреблять их для приобретения прибыли или отдавать взаймы, проматы-

вает их мало-помалу на *нелепые траты*. Очевидно, что, с одной стороны, будет больше денег на текущие покупки для удовлетворения потребностей или [осуществления] фантазий каждого частного лица и что поэтому они [деньги] понизятся в цене; с другой стороны, наверное, будет гораздо меньше денег для отдачи взаймы, и так как многие люди разорятся, то, вероятно, будет и больше ищущих займа. Следовательно, денежный процент повысится, тогда как денег будет на рынке гораздо больше и они понизятся в цене именно по той же причине [по которой денежный процент возрос].

Перестанут удивляться этой кажущейся несообразности, если примут во внимание, что деньги, предлагаемые на рынке для приобретения хлеба, суть те, которые ежедневно расходуют для удовлетворения своих потребностей; а деньги, отдаваемые взаймы, — это именно те, которые сбережены при ежедневных расходах, с тем чтобы отложить их про запас и образовать капиталы.

§ 78. При оценке денег сравнительно с товарами предметом оценки служат деньги, рассматриваемые как металл. При оценке денежного процента предметом оценки является пользование деньгами в течение определенного времени

На рынке мера хлеба уравнивается с известным весом денег. На товар покупают некоторое количество серебра, и это количество оценивают и сравнивают с другими ценностями. В займе под проценты предметом оценки является пользование некоторым количеством ценностей в течение известного времени. Здесь уже не сравнивают некоторую массу денег с некоторой массой хлеба; здесь масса ценности сравнивается с ее же определенной частью, которая становится ценой пользования этой массой в течение известного времени. Пусть на рынке *двадцать тысяч унций серебра* равноценны *двадцати тысячам мер хлеба* или только *десяти тысячам*, все же использование этих двадцати тысяч унций серебра в течение одного года не будет стоить в торговле займами менее двадцатой части основной суммы, или тысячи унций серебра, если *процент* составляет *одну двадцатую* [суммы долга].

§ 79. Цена процента зависит непосредственно от отношения спроса заемщиков к предложению заимодавцев, а это отношение зависит главным образом от количества движимых богатств, накопленных путем сбережения из доходов и годичного продукта, чтобы образовать из них капиталы, независимо от того, существуют ли эти капиталы в деньгах или во всяких других вещах, имеющих ценность в торговом обороте

Цена денег на рынке зависит лишь от количества металла, употребляемого в текущих сделках, но уровень процента зависит от количества ценностей, накопленных и отложенных в запас для образования капиталов. Безразлично, заключаются ли эти ценности в металле или в других вещах, лишь бы эти вещи можно было бы легко обратить в деньги.

Хорошо, если бы масса металла, имеющаяся в государстве, была столь же велика, как и сумма ценностей, отдаваемых в заем под проценты на годичный срок; но все капиталы в мебели, товарах, орудиях, животных заменяют деньги и представляют их. Вексель, подписанный человеком, который, как хорошо известно, обладает движимым имуществом в *сто тысяч франков* и который обещает уплатить *сто тысяч франков* в такой-то срок, передается до этого срока за *сто тысяч франков*.

Все капиталы того, кто подписал этот вексель, обеспечивают платеж независимо от рода движимостей, которыми он обладает, лишь бы они имели ценность в *сто тысяч франков*.

Стало быть, вовсе не количество денег, существуя как металл, повышает либо понижает денежный процент, и не оно предоставляет торговому обороту больше денег для дачи взаймы. Это [повышение или понижение процента] зависит единственно от суммы капиталов, находящихся в торговом обороте, то есть от наличной суммы всякого рода движимых ценностей, накопленных, сбереженных последовательно из доходов и прибылей для употребления их с целью доставить владельцу новые доходы и новые прибыли. Это накопленные сбережения, предлагаемые заемщикам, и чем их [сбережений] больше, тем ниже денежный процент, если только число заемщиков не возрастает в соответствующей пропорции.

§ 80. Дух экономии в нации непрерывно увеличивает сумму капиталов; роскошь непрерывно ведет к их уничтожению

Дух экономии в нации стремится непрерывно увеличить сумму ее капиталов, умножить число заимодавцев и уменьшить число заемщиков. Привычка к роскоши действует совершенно в обратном направлении, и из того, что уже было сказано относительно употребления капиталов во всех предприятиях по обработке земли, в промышленности и в торговле, можно судить, обогащает ли роскошь нацию или обедняет ее.

§ 81. Понижение процента доказывает, что в общем бережливость преобладает в Европе над роскошеством

Так как в Европе денежный процент беспрерывно понижался в течение нескольких веков, то отсюда следует заключить, что дух экономии преобладал над духом роскоши. Только уже разбогатевшие люди предаются роскоши, и [даже] среди богачей все благоразумные ограничиваются расходованием своего дохода и весьма заботятся о том, чтобы никак не затронуть своих капиталов. Те, которые желают обогатиться, составляют в нации гораздо большее число, чем уже разбогатевшие; а при настоящем положении вещей, когда все земли заняты, имеется единственное средство стать богатым: надобно иметь или приобрести каким бы то ни было способом доход или годичную прибыль сверх абсолютно необходимого к существованию и откладывать ежегодно этот избыток про запас для образования капитала, посредством которого можно было бы получить возрастание дохода или годичной прибыли, что тоже можно сберечь и обратить в капитал. Поэтому имеется большое число людей, заинтересованных в накоплении капиталов и занятых этим.

§ 82. Обозрение пяти различных способов употребления капиталов

Я насчитал пять способов употребления, или прибыльного помещения, капитала.

Первый — приобретение земельного фонда, приносящего некоторый доход.

Второй — помещение своих денег в предприятия по обработке земли; арендуя земли, произведения которых должны кроме возмещения цены аренды принести процент на авансы и оплатить цену труда тех, кто посвящает обработке земли свои богатства и свои старания.

Третий — помещение своего капитала в промышленные предприятия или фабрики.

Четвертый — помещение капитала в торговые предприятия.

И пятый — отдача капитала взаймы тем, кто в нем нуждается, под ежегодные проценты.

§ 83. Взаимное влияние различных употреблений денег

Очевидно, что годичные продукты, которые можно получить от капиталов, помещенных в разные дела, ограничивают друг друга и все [они] зависят от существующей нормы денежного процента.

§ 84. Деньги, помещенные в земли, должны приносить меньше [чем получившие иное применение]

Тот, кто направил свои деньги на покупку земли, находящейся в аренде у вполне платежеспособного фермера, приобретает доход, для получения которого ему приходится приложить лишь очень мало усилий и который он может тратить самым приятным образом, давая волю всем своим вкусам. Он находится в самом благоприятном положении, ибо собственность на землю и имение в целом наиболее обеспечена от всяких случайностей.

§ 85. Одолженные деньги должны приносить немного больше, чем доход с земель, приобретенных на равный капитал

Тот, кто отдает взаймы под проценты свои деньги, пользуется ими еще спокойней и свободней, чем владелец земли; но несостоятельность должника может привести его [кредитора] к потере своего капитала.

Он не удовольствуется поэтому процентом, равным доходу от земли, которую он может купить на тот же капитал.

Процент на одолженные деньги должен быть выше дохода с земли, купленной на тот же капитал, ибо, если бы заимодавец нашел для покупки землю, приносящую равный [денежному проценту] доход, он предпочел бы такое употребление [своего капитала].

§ 86. Деньги, вложенные в обработку земли, в фабрики и в торговлю, должны приносить больше доставляемого одолженными деньгами процента

По подобным же соображениям деньги, вложенные в земледелие, в промышленность и в торговлю, должны приносить прибыль более значительную, чем доход с того же капитала, употребленного на [покупку] земли, или процент на те же деньги, отданные взаймы, ибо эти занятия требуют кроме авансированного капитала много забот и труда, и не будь они более прибыльны, было бы гораздо лучше приобретать равный доход, которым можно было бы пользоваться, ничего не делая. Необходимо поэтому, чтобы кроме процента на свой капитал предприниматель получал ежегодно прибыль как вознаграждение за свои заботы, за свой труд, за свои таланты, за свой риск; из этой прибыли он должен также возмещать ежегодные потери в своих авансах, которые он должен был с самого начала обратить на вещи, подверженные изменению и предоставленные всякого рода случайностям.

§ 87. Между тем продукты этих различных употреблений [капитала] ограничивают друг друга и, несмотря на их неравенство, поддерживаются в некотором равновесии

Различное употребление капиталов приносит, таким образом, весьма неравные [по количеству] продукты; но это неравенство не мешает им оказывать взаимное влияние друг на друга, так что между ними устанавливается своего рода равновесие, как между двумя жидкостями неравного веса в двух сообщающихся сосудах, соединенных внизу трубкою; жидкости не были бы на

одном уровне, если бы уровень одной из них мог повыситься, не вызвав повышения уровня в другом сосуде.

Я предполагаю, что очень большое число собственников земель вдруг возымело желание продать их; очевидно, цена земель понизится, и с меньшей суммой [денег] можно будет приобретать бо̀льший доход. Это не может произойти без повышения денежного процента, ибо владельцы денег предпочтут скорее скупать землю, чем отдавать их взаймы под проценты, не превышающие дохода от земель, которые они могут купить. Поэтому, если заемщики хотят иметь деньги, они будут вынуждены платить более высокую плату за пользование ими. Если денежный процент станет выше, предпочтут отдавать деньги взаймы, чем извлекать из них прибыль более трудным и рискованным способом в предприятиях по обработке земли, промышленных и торговых, и станут заводить только такие предприятия, которые приносят кроме заработной платы за труд гораздо бо́льшую прибыль, чем процент на деньги, отданные взаймы. Одним словом, по мере того как прибыли, получающиеся из какого-либо употребления денег, увеличиваются или уменьшаются, капиталы вкладываются в одни дела и извлекаются из других, а это неизбежно изменяет в каждом из этих употреблений отношение капитала к годичному продукту. Вообще деньги, превращенные в земельный фонд, приносят меньше, чем одолженные деньги, а одолженные деньги приносят меньше, чем деньги, вложенные в работающие предприятия, но продукт [то есть доход от] денег, употребленных любым способом, не может увеличиться или уменьшиться без соответствующего увеличения или уменьшения во всех других применениях [денег или капитала].

§ 88. Текущий денежный процент служит на рынке термометром, по которому можно судить об избытке или недостатке капиталов; он является мерою того распространения, какое может дать нация своим предприятиям по обработке земли, фабрикам и торговым предприятиям

Текущий процент на занятые деньги может, таким образом, рассматриваться как своего рода термометр избытка или недостатка капиталов у нации и как пока-

затель распространения предприятий всякого рода, которые она может иметь. Очевидно, что чем ниже денежный процент, тем большую ценность имеют земли. Если земли продаются за двадцатикратное [своему доходу], человек, имеющий пятьдесят тысяч ливров ренты, обладает богатством в миллион; он имеет два миллиона, если земли продаются за сорокакратное [доходу от них].

Если денежный интерес 5 на 100, всякая могущая подвергнуться обработке земля, продукты которой не принесут кроме возмещения авансов и вознаграждения стараний земледельца 5 на 100, останется в залежи, всякая фабрика, всякая торговля, не приносящая 5 на 100 кроме вознаграждения за труд и риск предпринимателя, не будет существовать.

Если имеется соседняя нация, у которой денежный интерес составляет лишь 2 на 100, то она будет вести не только всю торговлю, исключенную для нации, у которой денежный интерес составляет 5 на 100, но фабриканты и купцы [соседней нации], довольствуясь меньшей прибылью, назначат во всех сделках на свои товары меньшие цены и захватят торговлю всеми вещами, за исключением разве тех, которые в силу особых обстоятельств или слишком больших издержек на перевозку останутся за страной, где деньги стоят 5 на 100.

§ 89. Влияние уровня денежного процента на все предприятия для получения прибыли

Цену процента можно рассматривать как своего рода уровень, ниже которого прекращается всякий труд, всякая обработка земли, всякая промышленность, всякая торговля. Это как море, покрывающее обширную страну: вершины гор возвышаются над водами и образуют острова с плодородной и обработанной почвой.

Если это море опускается, то по мере понижения его уровня земли на склонах гор, затем равнины и долины открываются и покрываются произведениями всякого рода. Стоит воде подняться, и она затопляет; стоит опуститься на один фут, и она открывает для обработки обширные пространства. Избыток капиталов оживляет

все предприятия, и вместе с тем низкий денежный процент — и последствие и показатель избытка капиталов.

§ 90. Все богатство нации состоит: 1) из цены земель, кратной чистому доходу со всех земельных фондов; 2) из суммы всех движимых богатств, наличных в государстве

Земельные фонды равноценны капиталу, равному годичному доходу с них, умноженному на кратность цены земель. Если бы поэтому сложить годичный доход со всех земель, то есть чистый доход, доставляемый ими собственникам и всем тем, с которыми они разделяют свою собственность, как-то: сеньору, получающему ренту, священнику, берущему десятину[10], и государю, получающему налог, если бы, говорю я, сложить все эти суммы и умножить их на кратность цены, по которой продаются земли, тогда получилась бы сумма богатств нации в земельных фондах.

Чтобы получить богатства нации в целом, сюда надо прибавить: движимые богатства, заключенные в общей сумме капиталов, затраченных на все предприятия по обработке земли, промышленные и торговые предприятия, из которых они никогда не возвращаются; все вложения в предприятия всякого рода должны непрерывно возвращаться к предпринимателям, чтобы снова беспрерывно вливаться в предприятие, которое без этого не могло бы продолжать [свое существование].

Было бы очень грубой ошибкой смешивать огромную массу этих движимых богатств с массой денег, существующих в государстве; они [деньги] составляют сравнительно очень малую величину. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе огромную массу скота, орудий, семян, составляющих авансы в земледелии; материалы, инструменты, всякого рода утварь, которые составляют фонд мануфактуристов, магазины всех купцов и крупных торговцев. Тогда станет ясно, что во всей массе богатств нации, недвижимых и движимых, деньги, как таковые, составляют весьма малую часть. Но все эти богатства и деньги постоянно обмениваются: все [богатства] представляют деньги, а деньги представляют все [богатства].

§ 91. При подсчете общей суммы богатства не следует включать в нее капиталы, отданные в заем. Так можно было бы подсчитать одну и ту же сумму дважды

Исчисляя богатства нации, не следует принимать во внимание сумму капиталов, отданных взаймы; ибо эти капиталы могут быть отданы в заем только собственникам земель или предпринимателям для получения прибыли в их предприятиях, так как только эти два рода лиц могут отвечать [за взятый взаймы] капитал и платить проценты: деньги, отданные в заем людям, не имеющим ни земли, ни промышленных предприятий, были бы капиталом истраченным, но не употребленным. Если собственник земли [ценностью] в четыреста тысяч франков занимает еще сто тысяч, его имение обременяется рентой, которая уменьшает его доход на столько же [сколько составляет последняя]; и если бы он продал свое имение, то из четырехсот тысяч, которые бы он получил, сто тысяч принадлежали бы заимодавцу. Капитал заимодавца составлял бы, таким образом, при подсчете наличных богатств двойной счет с равной ему частью ценности земли. Земля всегда стоит четыреста тысяч франков: когда собственник занял сто тысяч франков, это не привело к пятистам тысячам франков. Получилось лишь так, что из четырехсот тысяч франков заимодавцу принадлежит сто тысяч, а заемщику только триста тысяч.

Такой же двойной счет имел бы место, если включить в расчет целиком все денежные капиталы, занятые предпринимателем для употребления их как авансов в его предприятии; ибо этот заем не увеличивает общую сумму необходимых предприятию авансов; из чего лишь следует, что эта сумма и доля прибылей, которая представляет процент [на нее], принадлежат заимодавцу. Пусть торговец употребляет десять тысяч франков из своего имущества на свою торговлю и получает всю прибыль от нее, или пусть он займет десять тысяч франков у другого, которому он платит проценты, довольствуясь сам только остатком прибыли и заработком от своего искусства, — все равно это только десять тысяч франков.

Но если нельзя, не совершив двойного счета, при исчислении богатств нации включать капитал, отданный

взаймы под денежные проценты, то сюда надо включить все другие движимые имущества; последние хотя и составляют первоначально предмет издержек, не принося никакой прибыли, однако благодаря длительности своего существования становятся действительным капиталом, который беспрерывно накопляется и который, если нужно, может быть обменен на деньги и составляет как бы резервный фонд, могущий вступить в торговый оборот и послужить, когда того пожелают, к восполнению утраты других капиталов. Таковы суть мебель всякого рода, драгоценности, посуда, картины, статуи, наличные деньги, запертые в сундуке скупого. Все эти вещи имеют ценность, и сумма всех этих ценностей может быть весьма значительной у богатых наций. Но значительна она или нет, [спрашивается], всегда ли справедливо, что она должна быть добавлена к сумме цен земельных фондов и к тем авансам, которые находятся в обращении, чтобы исчислить всю сумму богатств нации. В конце концов, не следует говорить, что, хотя, как уже было показано, и можно прекрасно определить, в чем состоят богатства нации в целом, но, очевидно, невозможно обнаружить, какой величины они достигают, если не будет по крайней мере найдено какое-нибудь правило для установления отношения всей торговли нации к доходу от ее земель. Это, быть может, дело возможное, но до сих пор оно не было еще выполнено так, чтобы не возбуждать никаких сомнений.

§ 92. В какой из трех классов общества следует зачислить капиталистов, отдающих деньги взаймы?

Посмотрим теперь, как то, что мы говорили о различных способах употребления капитала, согласуется с тем, что мы ранее установили относительно разделения всех членов общества на три класса: на класс *производительный,* или земледельцев, *класс промышленный,* или коммерческий, и класс *незанятый,* или [класс] собственников.

§ 93. Капиталист-заимодавец денег принадлежит лично к незанятому классу

Мы уже видели, что всякий богатый человек необходимо является собственником либо капитала в движимых богатствах, либо земли, равноценной капиталу. Всякий земельный фонд равноценен определенному капиталу. Таким образом, всякий собственник есть капиталист, но не всякий капиталист есть собственник недвижимого имущества. Владелец движимого капитала имеет выбор либо употребить его на приобретение земель, либо вложить его для получения прибыли в предприятия класса, обрабатывающего землю, либо промышленного класса. Капиталист, став предпринимателем по обработке земли или в промышленности, уже стал занятым: и он, и его прибыли; [занят] даже простой рабочий этих двух классов; оба они [земледельческий и промышленный классы] привязаны к ведению своих предприятий. Капиталист, который сводит свою деятельность только к отдаче денег взаймы, одалживает их собственнику либо предпринимателю. Если он одалживает собственнику, то кажется принадлежащим к классу собственников; он становится соучастником в собственности. Доход [собственника] с земли сокращается платежом процента по займу; ценность земли служит порукой надежности [помещения] его [заимодавца] капитала вплоть до погашения долга. Одолжив деньги предпринимателю, заимодавец уверен, что он лично принадлежит к незанятому классу, но его капитал употребляется на авансы в предприятия и не может быть извлечен оттуда без ущерба для них либо без замещения его другим капиталом равной ценности.

§ 94. Процентом, получаемым заимодавцем денег, можно располагать в отношении его использования

В самом деле, кажется, что можно располагать процентом, получаемым им [заимодавцем] с этого капитала, так как предприниматель и предприятие могут обойтись без него; представляется также возможным заключить, будто в прибылях двух работающих классов, занятых обработкой земли или в промышленности, имеется часть, которой можно распоряжаться, а именно та [часть],

которая соответствует проценту на авансы, исчисленному по сложившемуся на данный момент денежному проценту. Может представиться также, будто это заключение колеблет нами сказанное, что только класс собственников обладает доходом в собственном смысле этого слова, доходом, которым можно располагать, и что все члены обоих других классов получают только заработные платы и прибыли. Это требует некоторых пояснений.

Если рассматривать тысячу экю, которые получает ежегодно человек, отдавший взаймы шестьдесят тысяч франков коммерсанту для употребления их по его усмотрению, то, вне всяких сомнений, нельзя считать, что этой тысячью экю можно свободно располагать, так как предприятие может обойтись без нее.

§ 95. Денежным процентом нельзя располагать в том смысле, будто государство может без помех присваивать себе часть его на свои нужды

Но отсюда не следует, что им [процентом] можно располагать в том смысле, будто государство может без вредных последствий присваивать часть его на общественные потребности. Эта тысяча экю вовсе не является таким вознаграждением, которое обработка земли или коммерция дают даром тому, кто произвел затраты. Это цена и условие этого аванса, без которого предприятие не могло бы существовать. Если это вознаграждение уменьшится, капиталист возьмет обратно свои деньги и предприятие прекратит свое существование. Следовательно, это вознаграждение должно быть свято и пользоваться полной неприкосновенностью, ибо оно есть цена аванса, сделанного предприятию, без которого оно не может существовать. Затронуть его означало бы увеличить цену авансов во всех предприятиях, и следовательно, ослабить сами предприятия, то есть обработку земли, промыслы и торговлю.

Это возражение приводит к [следующему] выводу: если мы сказали, что капиталист, ссудивший собственника, кажется принадлежащим к классу собственников, то это кажущееся представление заключало в себе некую двусмысленность, которая нуждается в разъяснении.

В самом деле, вполне верно, что процент на его деньги не является уже доходом, которым можно распоряжаться, то есть он так же не подлежит изъятию, как и деньги, ссуженные предпринимателю в земледелии и в промышленности. Этот процент, равно как и его цена, определяется свободным соглашением, и нельзя изъять [никакой его доли] без того, чтобы изменить или переменить цену ссуды. Конечно, неважно, кому был сделан заем: если цена займа изменяется и увеличивается для собственника, она изменится и увеличится также для земледельца, мануфактуриста и торговца. Одним словом, капиталист-заимодавец денег должен быть рассматриваем как торговец товаром, который безусловно необходим для производства богатства и не может быть в слишком низкой цене. Столь же безрассудно облагать его торговлю налогом, как и облагать навоз, служащий удобрению земель. Отсюда можно заключить, что заимодавец денег принадлежит к незанятому классу как личность, ибо ему нечего делать, но не по природе своего богатства, причем безразлично, уплачивается ли процент на его деньги собственником земель из части своего дохода или таковой уплачивается предпринимателем из части своих прибылей, предназначенной на оплату процентов за авансы [ссуды].

§ 96. Возражение

Мне скажут, конечно, что капиталисту безразлично, одолжить свои деньги либо использовать их на приобретение земель; как в том, так и в другом случае он получает только цену, эквивалентную его деньгам, и как бы он ни употребил их, он должен тем не менее участвовать в несении общественных издержек.

§ 97. Ответ на возражение

Я отвечаю сперва, что на самом деле, когда капиталист купил землю, доход [с нее] равнозначен для него тому [доходу], который он приобрел бы от отдачи своих денег взаймы, но для государства это различие имеет существенное значение. Цена, уплаченная им [капиталистом] за свою землю, нисколько не содействует доходу, который она производит; она [земля] давала бы не мень-

ше дохода, если бы она не была куплена. Этот доход, как мы объяснили, заключается в том, что земля сверх заработной платы земледельцев дает им прибыли и процент на авансы. Того же нельзя сказать о денежном проценте; он является самим условием займа, ценою аванса [ссуды], без чего не существовали бы и доходы, или прибыли, дающие средства для платежа [денежного процента].

Я отвечаю, во-вторых, что если бы лишь земли должны были нести бремя налогов на общественные расходы, то, как только было бы установлено такое обложение, капиталист, покупающий их [земли], не исчислял бы процент на свои деньги из [той] части дохода, которую поглощает это обложение; так же как человек, покупающий сегодня землю, не покупает десятины, которую получает священник, а лишь покупает остающийся за вычетом этой десятины доход.

§ 98. Кроме чистого продукта земель, не существует в государстве иного дохода, которым действительно можно распоряжаться

Из сказанного следует, что процент на занятые деньги берется из дохода земель или из прибылей предприятий по обработке земли, промышленных и торговых предприятий.

Но сами эти прибыли, как мы уже показали, составляют только часть произведений земли: продукт земель разделяется на две части; одна из них идет преимущественно на заработную плату земледельца, на его прибыли, на возмещение [его издержек] и на процент по его авансам; другая составляет часть собственника, или доход, который собственник может расходовать по своей прихоти и из которого он может оплачивать общие расходы государства.

Мы уже показали, что все получаемое другими классами общества — это лишь заработные платы и прибыли, выплачиваемые либо собственником из своего дохода, либо лицами производительного класса из той части [их дохода], которая идет на удовлетворение потребностей путем покупок у промышленного класса. Как бы эти прибыли ни распределялись — на заработные платы рабочих, на прибыли предпринимателей, на проценты по

авансам, — все это не изменяет их природы и нисколько не увеличивает суммы дохода, создаваемого сверх цены своего труда производительным классом, к которому [доходу] промышленный класс причастен только в размере цены своего труда.

Итак, прочно установлено, что нет иного дохода, кроме чистого продукта земель, и что всякая другая годичная прибыль либо уплачивается из дохода, либо составляет часть издержек, служащих производству дохода.

§ 99. Земля произвела также всю совокупность движимых богатств, или существующих капиталов, образовавшихся лишь из той части ее произведений, которые сберегались ежегодно

Не существует и не может существовать другого дохода, кроме чистого продукта земель, и только земля доставила все капиталы, которые образуют массу всех авансов на обработку [земли] и на коммерцию. Она [земля] без обработки доставила первые простые и необходимые авансы для первоначальных работ; все остальное накоплено вековыми сбережениями, которые последовательно совершались с тех пор, как начали обрабатывать землю. Эта экономия имела место, конечно, не только за счет доходов собственников, но и за счет прибылей всех членов работающих классов. Вообще справедливо, что, хотя собственники имеют больше избытков, они меньше сберегают, ибо, располагая большим досугом, они имеют и больше желаний, у них больше страстей; они считают себя более обеспеченными своим состоянием; они думают больше о приятном использовании своего дохода, чем об умножении его: их удел жить роскошно. Получающие заработную плату и в особенности предприниматели [из] других классов, получая прибыли соответственно их авансам, их талантам, их деятельности, имеют, хотя они и не обладают доходом в собственном смысле, избыток сверх необходимого для их существования; и почти все [они], преданные единственно своему делу, заняты тем, чтобы увеличить свое состояние; отвлекаемые трудом от удовольствий и разорительных страстей, они сберегают весь свой избыток, с тем чтобы направить его в свое предприятие и

увеличить таковое. Большинство предпринимателей по обработке земли занимают мало, и для получения прибыли почти все употребляют только свои собственные фонды. Предприниматели в других отраслях труда, желающие приобрести солидное состояние, стремятся достигнуть того же, так что требуется большая ловкость от тех, кто ведет свое дело на взятые в заем фонды: они сильно рискуют их потерять. Хотя капиталы образуются отчасти из тех сбережений, которые делаются из прибылей работающих классов, но так как эти прибыли получаются всегда из земли, ибо все они оплачиваются или из дохода или из издержек производства этого дохода, то очевидно, что и капиталы, совершенно так же, как и доход, проистекают из земли, или, точнее, они являются не чем иным, как накоплением той части производимых землей ценностей, которую владельцы дохода или же те, с кем они делят свой доход, могут ежегодно откладывать, не затрачивая ее на удовлетворение своих потребностей.

§ 100. Хотя деньги и составляют непосредственный предмет сбережений и являются, так сказать, главным материалом капиталов при образовании их, но деньги, как таковые, составляют почти незаметную часть совокупной суммы капиталов

Мы видели, что деньги составляют ничтожную долю в совокупной сумме наличных капиталов, но они имеют большое значение в образовании капиталов. В самом деле, почти все сбережения делаются только в деньгах: в деньгах поступают доходы к собственникам, в них [деньгах] авансы и прибыли возвращаются ко всякого рода предпринимателям; стало быть, они накопляют в деньгах, и годичный прирост капиталов выражается в деньгах. Но все предприниматели тотчас же обращают их в разного рода вещи, необходимые для ведения их предприятий. Таким образом деньги поступают в обращение, и наибольшая часть капиталов состоит из вещей разного рода, как мы уже и разъясняли это выше.

ПООЩРЕНИЕ МАНУФАКТУР

ПИСЬМО ТРЮДЭНУ[1]

Письмо первое

[*Таможенные пошлины и пошлины во внутреннем обороте*]

Наконец, что касается их [братьев ла Форе][2] последней просьбы, то есть об *освобождении от пошлин на ввоз и вывоз* как во [всем] Королевстве, так и в провинциях по пяти крупным податным откупам, как в отношении тканей, изготовленных на их мануфактуре, так и в отношении используемого ими хлопка и другого сырья, то я рассматриваю эту просьбу весьма благосклонно. Это освобождение вознаградило бы их за потерянную ими исключительную привилегию и заменило бы вредный для провинции вид поощрения поощрением другого рода, выгодным и для нее. Лимузен вследствие трудности сбыта произведений своих земель и низкой цены рабочих рук весьма подходит для устройства различных мануфактур; но изделия, которые были бы там изготовлены, нельзя сбывать в провинциях Бурбонэ, Верри, Пуату, наиболее пригодных для этого по своему положению, без уплаты [пошлин] в пользу пяти крупных податных откупов, что лишает их [новые мануфактуры Лимузена] возможности конкурировать со старыми мануфактурами.

По-видимому, с некоторых пор Совет, здраво рассуждая, довольно легко давал это освобождение. Мне известно несколько подобных примеров, самым разительным из которых является льгота господам Метезо из Нанта, данная постановлением, упоминаемым господами ла Форе. Мануфактура господ Метезо имеет всего 5 дей-

ствующих станков, мануфактура господ ла Форе имеет их более 60. Можно привести множество доводов в пользу утверждения, что мануфактура, расположенная в Лиможе, выгоднее и больше заслуживает поддержки, чем находящаяся в Нанте, где крайне оживленная морская торговля, постоянно требующая вложения капиталов негоциантов и человеческого труда, неизбежно делает рабочие руки очень дорогими, вследствие чего [эта торговля] становится почти непреодолимым препятствием к развитию мануфактур.

Господа ла Форе настаивают на *освобождении от новых пошлин,* которыми облагается *бумажная пряжа из Леванта.* Возможно, что с этим товаром дело будет обстоять труднее, если, как я это предполагаю, введение этих новых пошлин было вызвано желанием ускорить устройство бумагопрядильни в королевстве. Все же я думаю, что весьма опасно, чтобы оборудованные мануфактуры простаивали за отсутствием сырья, до тех пор пока эти бумагопрядильни не будут открыты. Однако совершенно ясно, что уже основанные бумагопрядильни являются единственной причиной, способной привести бумагопрядение в действие. Владельцы мануфактур заинтересованы в том, чтобы развивать вокруг них эту промышленность [по производству пряжи], ибо им [мануфактуристам] всегда будет гораздо выгоднее получать бумажную пряжу поблизости, чем издалека. Поэтому я рассматриваю заграничную пряжу лишь как дополнение, но дополнение, которое во многих случаях может стать необходимым для поддержания мануфактур и своим более отдаленным, но не менее верным последствием будет иметь само установление бумагопрядения внутри страны. Поэтому я полагаю, что хотя бы в одной провинции, где бумагопрядение еще недостаточно распространено, чтобы снабжать мануфактуры, не может быть никаких препятствий к облегчению ввоза заграничной пряжи. Если вы все же находите это затруднительным, я тем не менее буду настаивать, чтобы вы оказали милость пожаловать господам ла Форе освобождение от пошлин, о котором они просят для своих тканей и для разного сырья, которое они используют на своей мануфактуре.

Итак, сударь, подводя итог, вот к чему, по моему мнению, сводятся поощрительные меры, которые мне

представляется справедливым и полезным принять в отношении господ ла Форе:

1. — Подтверждение [их] владения [документом], где они рассматриваются как *жители города Лиможа* и в качестве таковых включаются в корпорацию купцов этого города, подчиняясь консульской юрисдикции и муниципальным органам, и их личные доходы будут облагаться налогами по податному списку города.

2. — Продление различных *других привилегий, помимо исключительной привилегии,* которыми они пользовались в силу указа Совета от 30 июля 1743 г., то есть освобождения от денежных поборов, от ополчения, от воинского постоя, опеки, попечительства и других общественных повинностей, а также [продление] привилегии умеренного обложения.

3. — Подтверждение права именоваться *«королевская мануфактура»* и связанных с этим отличий в том виде, в каком они им были дарованы письмом генерального контролера от 16 сентября 1748 г.

4. — *Освобождение от пошлин на ввоз в королевство и вывоз* из него и во внутреннем обращении как тканей, изготовленных их мануфактурой, так и используемых ими сырьевых материалов и даже, если возможно, пряжи, получаемой ими из-за границы.

Письмо второе

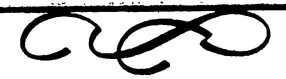
[Полная свобода торговли]

Ваши замечания относительно *освобождения от пошлин ввоза в королевство и вывоза из него,* а также внутреннего обращения как готовых тканей, так и сырых продуктов полностью совпадают с моими взглядами. Кроме того, вы согласны предоставить господам ла Форе просимое ими освобождение от пошлин, поэтому я считаю лишним распространяться по этому поводу.

Вы смотрите иначе на просимое ими *освобождение от пошлины на бумажную пряжу, получаемую из-за границы,* и считаете эту пошлину единственным средством развития во Франции бумагопрядения и быстрого его совершенствования.

Я полагаю, сударь, что такой способ поощрения какой-либо отрасли промышленности в королевстве путем

обложения пошлинами произведений иностранной промышленности может быть подвергнут большим сомнениям. Признаюсь вам, что, по моему личному мнению, ничем не ограниченная свобода торговли и полное освобождение от всякого рода пошлин были бы самым надежным средством для того, чтобы поднять все отрасли национальной промышленности до самой большой высоты, какой они только способны достичь, а ввоз в королевство иностранных произведений, допускаемый этой неограниченной свободой, всегда был бы компенсирован увеличением вывоза национальных произведений. Но, поскольку эти принципы у нас еще не приняты, я согласен с вами, что нет никаких оснований освобождать, в частности, господ ла Форе от пошлины, которую сочли нужным установить для всего королевства в целях побуждения фабрикантов к устройству бумагопрядилен. Впрочем, я предвидел это возражение с вашей стороны и полностью полагаюсь на вас в этой части льгот, испрашиваемых господами ла Форе.

ПИСЬМО ЮМУ[1]

[Распределение дохода]

Мне бы очень хотелось остановиться на некоторых деталях вопроса о налогах, но, чтобы ответить на ваши возражения, следовало бы, пожалуй, написать целую книгу и получить за это премию. Я хочу только указать Вам принцип, из которого я исхожу и который я считаю неоспоримым. Он заключается в том, что нет никакого иного возможного дохода в государстве, кроме суммы годичных произведений земли. Совокупность годичных произведений [земли] делится на две части. Одна предназначается для воспроизводства в следующем году и включает не только часть продуктов, потребляемых предпринимателями в земледелии в натуральном виде, но и все то, что они тратят на оплату труда работников всякого рода, которые трудятся для них: кузнецов, тележных мастеров, шорников, ткачей, портных и т. д. Она [первая часть] включает также и их [арендаторов] доходы и проценты на их вложения. Другая часть есть чистый продукт, который арендатор вручает собственнику, когда последний не является одновременно земледельцем, что бывает не всегда. Собственник использует [этот доход], чтобы оплачивать всех тех, кто на него работает.

[Перераспределение налога]

Исходя из этого, [следует признать], что налог, не взимаемый прямо с собственника земли, падает либо на получающих заработную плату, которые живут за счет чистого продукта, либо на тех, чей труд оплачивается

из доли земледельца. Если заработная плата сведена путем конкуренции до своей настоящей цены, нужно, чтобы она повысилась: и так как она может быть повышена лишь за счет тех, кто ее платит, то одна [ее] часть падает на собственника, на расходы, которые он делает из своего чистого продукта, другая часть увеличивает расход земледельцев, которые с тех пор вынуждены меньше давать собственнику. Таким образом, во всех случаях платит собственник.

[*Уровень заработной платы*]

Вы говорите, что я предполагаю, будто заработки возрастают соразмерно с налогами и что опыт доказывает ложность этого положения; и вы справедливо замечаете, что отнюдь не налоги, более или менее высокие, определяют цену заработных плат, а [определяет ее] исключительно отношение предложения к спросу.

Это положение, конечно, никогда не оспаривалось. Это единственный принцип, непосредственно устанавливающий цену всех вещей, имеющих ценность в торговом обороте. Но следует различать две цены: *текущую цену*, которая устанавливается отношением предложения и спроса, и *основную цену*, которая в применении к товару есть то, чего данная вещь стоит работнику. Что касается заработной платы рабочего, то основная цена — это та, чего стоит рабочему его пропитание. Нельзя обложить налогом человека, получающего заработную плату, не повысив цены его содержания, ибо к прежним его расходам следует добавить расход на налог. Поэтому повышается основная цена труда. Хотя основная цена и не является непосредственным основанием текущей ценности, все же это тот минимум, ниже которого она не может опуститься. Ибо, если купец продает товар себе в убыток, он перестает [его] продавать или изготовлять. Если работник не может жить своим трудом, он становится нищим или покидает свою родину. Это еще не все. Нужно, чтобы работник получал известную прибыль, дабы он мог иметь некоторый запас на черный день [и] на воспитание своих детей. В стране со свободной и оживленной торговлей и промышленностью конкуренция устанавливает эту прибыль на самом низком уровне, какой только возможен.

[*Общее экономическое равновесие*]

Между ценностью всех произведений земли, потреблением различного рода товаров, различными видами изделий, числом занятых [их производством] людей и ценой их заработной платы устанавливается своего рода равновесие.

Заработные платы не могут даже устанавливаться и оставаться постоянно на определенном уровне иначе, как в силу этого равновесия и влияния, оказываемого всеми частями общества друг на друга, всеми отраслями производства и торговли. Если это так, то ясно, что при изменении веса одной [из этих частей] невозможно не вызвать во всей машине движения, стремящегося к восстановлению прежнего равновесия. Отношение текущей ценности заработных плат к их основной ценности было установлено законами этого равновесия и сочетанием всех обстоятельств жизни всех частей общества.

Вы увеличиваете основную ценность: необходимо, чтобы обстоятельства, установившие ранее соотношение текущей ценности с этой основной ценностью, подняли текущую ценность до [такого уровня], на котором восстановилось бы отношение равновесия. Я прекрасно знаю, что это наступит не сразу и что во всякой сложной машине возникают трения, замедляющие получение результатов, самым непреложным образом доказанных в теории. Даже уровень абсолютно однородной жидкости восстанавливается лишь со временем, но со временем он [обязательно] восстановится. То же относится и к равновесию рассматриваемых нами ценностей.

[*Напряженность труда*]

Работник, по вашим словам, старается работать больше или потреблять меньше, но все это лишь временно. Несомненно, нет такого человека, который бы работал, сколько может работать. Но было бы неестественно, чтобы люди работали, сколько могут работать, так же как невозможно, чтобы веревка была натянута до последнего предела. У всякой машины существует нужная степень напряжения, не будь ее, машина в любой момент могла бы сломаться. Эта нужная степень напряжения в труде устанавливается тысячью причин,

которые продолжают действовать после [взимания] налога, и поэтому если при первом усилии напряжение увеличилось, [то затем] вещи не замедлят вернуться в свое естественное положение.

[*Уменьшение потребления*]

То, что я сказал об усилении напряженности труда, я скажу и об уменьшении потребления. Потребности всегда одни и те же. Тот род излишка, от которого можно в крайнем случае отказаться, все же представляет собой необходимый элемент обычного пропитания рабочих и их семейств. Скупой Мольера утверждает, что когда имеется обед на пять человек, то шестой всегда сможет поесть. Но если мы будем развивать эту мысль немного дальше, то очень скоро дойдем до абсурда. Добавлю к этому, что уменьшение потребления имеет еще и другое ужасающее действие на доход собственника, снижая ценность товаров и произведений его земли.

[*Многочисленные недостатки налогов на потребление*]

Я не стану подробно рассматривать возражения против торговли с заграницей, которую я не рассматриваю как предмет, имеющий большое значение для какой бы то ни было нации, если не считать того, что она [внешняя торговля] способствует увеличению дохода с земель и что, кроме того, нельзя ее облагать, не уменьшая ее. Но мне недостает времени, и я вынужден кончать, хотя еще многое мог бы сказать о неудобствах налога на потребителей, взимание коего представляет собой постоянное посягательство на свободу граждан: приходится обыскивать их на таможнях, вторгаться в их дома для взимания налога на продукты и спиртные напитки, не говоря уже об ужасах контрабанды и о жизни людей, приносимой в жертву денежному интересу казны. Вот превосходная проповедь, читаемая законодательством разбойникам с большой дороги.

Кончая поневоле, прошу вас верить в мою, без лести, самую искреннюю и самую нерушимую преданность.

ЦЕННОСТИ И ДЕНЬГИ

[*Сравнение денег с языками*]

Деньги имеют то общее со всеми видами мер, что они суть некое подобие языка.

Языки разных народов различны во всем, что произвольно и условно; но эти языки сближаются и отождествляются, в некотором смысле, по своим отношениям к общему выражению или общему основанию для сравнения их (terme ou étalon commun).

[*Общая основа языков — мысли*]

Это общее выражение, сближающее все языки и дающее им всем нерушимую основу сходства, несмотря на все различие звуков, которыми они пользуются, есть не что иное, как сами мысли, выражаемые словами; то есть это — чувственные представления предметов природы, передаваемые человеческому разуму, и те понятия, которые люди составили себе, различая разные стороны этих вещей и комбинируя их на тысячи ладов.

Эта общая основа, присущая всем языкам независимо от каких-либо условностей, дает возможность взять любой язык, любую систему, принятую для обозначения понятий, и сравнивать с нею все другие условные системы; так же можно сравнивать их с самой системой понятий, которую передал бы любой язык, на всяком другом языке, одним словом, как то происходит издревле, переводить с одного языка на другой [1].

Общее выражение всех мер длины, поверхности и объема есть не что иное, как протяжение, различные

измерения которого, принятые у разных народов, суть лишь произвольные подразделения, а эти последние можно равным образом сопоставлять и сводить друг к другу.

С одного языка переводят на другой, одну меру приводят к другой. Эти различные выражения обозначают две совершенно разные операции.

Языки выражают мысли при посредстве звуков, которые сами по себе чужды этим мыслям. Эти звуки в разных языках совершенно различны и, чтобы истолковать их, надо один звук заменить другим: на место звука иностранного языка поставить соответствующий звук того языка, на который переводят. Меры, напротив, измеряют протяжение протяжением же. Произволен и изменчив только выбор величины протяжения, то есть то, что условлено считают единицей, и подразделения, принятые для разных измерений. Не приходится, таким образом, прибегать к замене одного другим; мы имеем дело только со сравнением количеств и одни отношения заменяем другими отношениями.

[*Общая основа денег — ценность*]

Общее выражение, к коему приводятся *монеты* всех наций, есть сама *ценность* (valeur) всех предметов торговли, ценность, которую они [монеты] помогают измерять. Так как эта ценность не может быть выражена иначе, как количеством монет, которому она соответствует, то отсюда следует, что нельзя *оценивать* (évaluer) одну *монету* иначе, как при посредстве другой *монеты,* подобно тому как можно истолковать звуки одного языка только при посредстве звуков других [языков].

Монеты всех имеющих государственное устройство наций, сделанные из одного и того же материала и различающиеся между собой как измерения лишь подразделением этого материала и произвольным установлением того, что считается единицей, могут быть, с этой точки зрения, сводимы одна к другой, так же как меры, принятые у разных народов.

Мы увидим в дальнейшем, что это сведение совершается весьма удобным способом — через указание их веса и пробы.

[*Монеты реальные и счетные*]

Но этот способ оценки монет через указание веса и пробы не достаточен для понимания коммерческого языка по отношению к деньгам. Все нации Европы знают два рода монет. Кроме *монет реальных,* как экю, луидор, крона, гинея, которые представляют собою куски металла, отмеченные известным штемпелем и имеющие хождение под этими наименованиями, каждая [из этих наций] создала для себя своего рода *фиктивные деньги,* называемые счетными; их названия и подразделения, не соответствуя ни одной из монет реальных, образуют общую шкалу, к которой приводят реальные монеты, оценивая их по этой шкале тем числом частей, которому они соответствуют. Таков во Франции счетный ливр, состоящий из двадцати су, а каждый су делится на двенадцать денье. Нет ни одной монеты, которая соответствовала бы ливру; но один экю стоит трех ливров, один луидор стоит двадцать четыре ливра, и выражение ценности этих двух реальных монет в монете счетной устанавливает отношение между экю и луидором как один к восьми.

Эти счетные монеты, являясь, как видно, простыми произвольными наименованиями, различны у разных народов и могут изменяться у одной и той же нации от эпохи к эпохе.

Англичане также имеют свой фунт стерлингов, разделенный на двадцать су, или шиллингов, подразделяющихся в свою очередь на двенадцать денье, или пенсов. Голландцы считают на флорины, подразделения которых вовсе не соответствуют подразделениям нашего ливра.

Поэтому в *коммерческой географии* мы должны изучать не только реальные монеты каждой нации и их оценку по весу и пробе, но также и применяемые каждой нацией счетные монеты, отношение этих счетных монет к реальным, имеющим хождение, и отношение, которое существует между счетными монетами разных наций.

Отношение счетной монеты к реальной монете каждой нации определяется путем выражения ценности реальной монеты в счетной монете той же страны: дуката во флоринах, гинеи в шиллингах и пенсах, луидоров и экю в турнских фунтах.

Что касается до соотношения, существующего между счетными монетами, принятыми у разных наций, то представление о нем легче всего складывается из отношения счетных монет каждой страны к реальным и из знания веса и пробы последних. В самом деле, зная вес и пробу кроны в Англии и вес и пробу экю во Франции, мы знаем и отношение между кроной и французским экю; зная, сколько стоит экю в турнских пенсах, можно вычислить, сколько стоит в них и крона; так как известно, сколько стоит крона в пенсах стерлинга, то становится известным и число пенсов стерлинга, равное такому же количеству пенсов турнских. Таково отношение между фунтом стерлингов и турнским фунтом.

[*Относительная ценность золота и серебра*]

Этот способ оценки счетных монет разных наций через сравнение с их реальными монетами, через определение веса и пробы последних не представлял бы никаких трудностей, если бы монеты были из одного металла, например из серебра, или если бы относительная ценность разных металлов, употребляемых для выделки монеты, например золота и серебра, была бы одна и та же у всех коммерческих наций, то есть если бы вес какой-нибудь доли чистого золота, например марки, равнялся бы в точности некоторому количеству гранов[2] чистого серебра, и такое отношение существовало бы у всех наций. Но эта относительная ценность золота и серебра колеблется в зависимости от избытка или недостатка этих двух металлов у разных народов.

Если у какой-либо нации в тринадцать раз больше серебра, чем золота, если вследствие этого будут давать тринадцать марок серебра за одну марку золота, то у другой нации, где в четырнадцать раз больше серебра сравнительно с золотом, за одну марку золота дадут 14 марок серебра. Отсюда следует, что, желая определить ценность счетных монет двух наций, где золото и серебро не имеют одной и той же относительной ценности, при оценке, например, фунта стерлингов в турнских фунтах, при которой для сравнения взята золотая монета, не получится тот же результат, что при сравнении, где за единицу взята серебряная монета. Очевидно, что правильная оценка находится между этими двумя

результатами; но, чтобы определить ее совершенно точным образом, надо было бы при решении этой задачи принять во внимание целую массу тончайших соображений. Однако международная торговля деньгами, все сделки, относящиеся к этой торговле, замена монеты бумажными представителями денег, вексельные курсы и операции банков — все это предполагает проблему решенной.

[*Определение слова монета*]

Слово *монета* в своем прямом, основном и первоначальном смысле, точно соответствующем латинскому *moneta,* означает кусок металла определенного веса и пробы с гарантией, даваемой штемпелем, поставленным правительственной властью. Дать наименование, различить штемпель, определить вес и пробу каждой монеты у разных наций, приводя ее вес к весу марки, — вот все, что надо сделать, чтобы дать ясное представление о монетах с этой первой точки зрения.

Но обычай дал этому слову *монета* значение более абстрактное и широкое. Металлы разделяют на части определенного веса; власть гарантирует их пробу своим штемпелем, чтобы можно было с уверенностью и удобством употреблять их в торговле, дабы они смогли служить одновременно мерою ценности и залогом, представляющим цену товарных запасов. Вернее, самая мысль [именно] так подразделить металлы, их отштемпелевать, одним словом, сделать из них *монету,* возникла именно потому, что эти металлы служили мерою и общим залогом всех ценностей.

[*Различные виды денег*]

Так как деньги не имеют другого употребления, кроме указанного, то такое название стали применять для обозначения этой функции; и, по правде сказать, деньги есть мера и залог ценностей, так же как все служащее мерою и залогом ценностей, следует считать деньгами; поэтому стали называть деньгами в этом распространенном смысле все, что употребляется для выполнения этой функции. В этом смысле называют деньгами кораллы Мальдивских островов[3], скот сси-

тают деньгами германцев и древних обитателей Лациума[4]; говорят, что золото, серебро и медь — деньги народов, имеющих государственное устройство, и что эти металлы были деньгами гораздо ранее того, как додумались обозначать их вес и пробу при посредстве установленного законом штемпеля. В этом же смысле кредитным знакам, которые представляют монету, дают наименование *бумажных денег*. Таким же образом, наконец, пользуются словом *деньги*, когда употребляют его как абстрактное выражение при сравнении друг с другом всех ценностей и даже ценности реальных монет, и тогда говорят: *счетные деньги, банковые деньги* и т. п.

В этом значении слово деньги *(monnaie)* следует передать не латинским словом *moneta*, а словом *pecunia*, которому оно вполне точно соответствует.

Мы будем рассматривать *деньги* в этом последнем смысле, то есть как меру ценностей и как залог имуществ, стараясь проследить их внедрение в торговлю и успехи, которые сделало у людей искусство *измерять ценности*.

[*Этимология слова ценность*]

Прежде всего надлежит составить себе ясное представление о том, что подразумевается здесь под словом ценность.

Это абстрактное существительное, соответствующее глаголу *ценить (valoir)*, латинское — *valere*, имеет в повседневном языке несколько значений, которые нужно различать.

Первоначальный смысл этого слова на латинском языке означал силу, здоровье; слово *valere* означало также *чувствовать себя здоровым*, и мы еще сохраняем этот первоначальный смысл слова в производных французских словах *valide, invalide, convalescence*. Исходя из слова *valeur* в значении силы, его стали употреблять для выражения воинской отваги, достоинства, которое народы в древности всегда обозначали тем же словом, каким они пользовались для выражения телесной силы.

Слово *valoir* приобрело во французском языке еще и другое, весьма распространенное значение, хотя и отличающееся от смысла, придаваемого этому слову и слову *ценность* в торговле; но такое значение тем не менее является первой основой этого слова.

Оно означает соответствующую нашим потребностям годность *(bonté)* даров и благ природы; поэтому они считаются пригодными для нашего пользования, для удовлетворения наших желаний. Говорят, что рагу *ничего не стоит (vaut rien)*, когда оно плохо на вкус, что, с точки зрения здоровья, такая-то пища *ничего не стоит*, что такая-то ткань *стоит большего (vaut mieux)*, чем другая; все эти выражения не имеют никакого отношения к *торговой ценности (valeur commercable)* и означают лишь то, что все эти вещи более всего пригодны для употребления, к которому они предназначены.

Прилагательные *плохой, средний, хороший, отличный* характеризуют различные степени этого рода ценности. Следует, однако, заметить, что существительное *ценность (valeur)* далеко не так часто употребляется в таком смысле, как глагол *valoir — стоить*. Но если этим существительным пользуются, то его понимают лишь как пригодность вещи по отношению к нашим потребностям. Хотя эта годность по отношению к нам самим, но, применяя слово *ценность*, мы всегда имеем в виду реальное и присущее вещи качество, благодаря которому она пригодна для нашего употребления.

[*Ценность для изолированного человека*]

В этом смысле слово *ценность* имело бы место у изолированного человека, находящегося вне сношений с другими людьми.

Рассмотрим, как этот человек будет обнаруживать свои свойства по отношению к одному только предмету: он будет стремиться его найти, он станет избегать его или отнесется к нему безразлично. В первом случае у него, несомненно, есть побуждение искать эту вещь: он находит ее пригодной для пользования, считает *хорошей*, и эту относительную годность *(bonté relative)* с полным основанием безусловно можно назвать *ценностью*. Но эта *ценность*, без сравнения с другими *ценностями*, не подлежит измерению, а вещь *стоящая (qui vaut)* не может быть оценена.

Если тот же человек имеет возможность выбора между несколькими вещами, пригодными для употребления, он может предпочесть одну вещь другой, он может найти апельсин более приятным, чем каштаны, мех более

годным для защиты от холода, чем хлопок. Он рассудит, что одна из этих вещей ценнее другой; он станет сравнивать в уме, он будет определять *ценность их.* В заключение он решится приобрести себе вещи, которые он предпочитает, и оставит без внимания другие.

Дикарь убил теленка и понес его в свою хижину; по дороге ему попался козленок, он убивает его и берет вместо теленка, желая съесть мясо повкуснее. Совершенно так же поступает ребенок, наполнивший сначала свои карманы каштанами и опорожняющий их, когда ему дают конфеты.

Так возникает сравнение *ценностей, оценка* различных предметов в суждениях дикаря и ребенка; но эти оценки не имеют ничего прочного, они меняются время от времени соответственно изменению потребностей человека. Когда дикарь голоден, он предпочтет любую дичь лучшей медвежьей шкуре, но, насытившись и почувствовав холод, он будет считать медвежью шкуру драгоценной.

Чаще всего дикарь ограничивает свои желания удовлетворением насущной потребности, и, каково бы ни было число вещей, которыми он может воспользоваться, взяв то, что ему нужно, он оставляет все прочее, как ненужное ему.

[*Возможность сохранения ценностей*]

Опыт, однако, учит нашего дикаря, что между пригодными ему вещами имеются такие, которые вследствие присущих им свойств могут быть сохранены в течение некоторого времени, и он может накопить их для удовлетворения потребностей в будущем; эти вещи сохраняют свою *ценность* даже после того, как удовлетворены потребности момента. Он старается присвоить их, то есть положить в такое надежное место, где бы он мог их спрятать или защитить. Отсюда следует, что соображения, которыми человек руководствуется при определении этой ценности, единственно имеющей *отношение к человеку* с его потребностями и желаниями, усложняются вследствие этой новой точки зрения, присоединяющей предусмотрительность к первому чувству — потребности.

Когда это чувство, сначала кратковременное, приобретает постоянный характер, человек начинает сравни-

вать свои потребности и соразмерять свои поиски вещей не только с внезапными побуждениями, которые вызваны настоятельными потребностями, но и в соответствии со степенью необходимости и важности различных потребностей.

Что касается других соображений, под влиянием которых эта степень полезности становится более или менее настоятельной, изменяется или колеблется, то первое, что бросается в глаза, — это особые достоинства вещи или ее бо́льшая или меньшая способность удовлетворять тот род желаний, ради которого она разыскивается. Следует признать, что такой порядок рассмотрения вещей по их достоинствам подводит через вытекающую отсюда оценку к градации полезности; ибо бо́льшее удовольствие, вызываемое этими особыми достоинствами вещи при [ее] потреблении, само по себе является преимуществом, и это преимущество человек сравнивает с более настоятельной необходимостью в таких вещах, относительно которых он предпочитает изобилие превосходным достоинствам одной вещи.

[*Редкость*]

Третье соображение, с которым приходится считаться человеку при приобретении вещей, удовлетворяющих его желания, есть бо́льшая или меньшая трудность их получения; ибо совершенно очевидно, что из двух одинаково полезных и равных по качеству вещей та, для получения которой ему придется употребить гораздо больше усилий, покажется ему более ценной, и он затратит более забот и усилий, чтобы ее добыть. Вот почему вода, несмотря на всю ее необходимость и множество удовольствий, которые она доставляет человеку, не рассматривается как нечто ценное в стране хорошо орошенной; человек не стремится обеспечить себе обладание ею, так как изобилие этого вещества дает возможность всегда иметь его. Но в песчаных пустынях вода имела бы беспредельную цену.

Мы еще не имеет дела с обменом, а *редкость* уже стала одним из элементов *оценки*. Следует заметить, что эта оценка, связанная с редкостью, основывается еще на особого рода полезности; ибо полезнее запасать заранее

вещь, которую трудно найти; такая вещь больше разыскивается, и человек прилагает больше усилий, чтобы присвоить ее.

Можно свести к этим трем соображениям все те, которые входят в расчет при определении этой ценности, имеющей значение для изолированного человека; это — три элемента, которые содействуют ее образованию. Чтобы дать этой ценности подходящее наименование, мы будем называть ее *valeur estimative, ценностью значения,* потому что в действительности она вполне определенно показывает, какую степень значения придает человек различным предметам своих желаний.

[*Потребности и средства их удовлетворения*]

Небесполезно [5] разобраться в том, что такое степень значения, которую придает человек различным предметам своих желаний, какова природа этой *оценки* или единое выражение для сравнения ценностей отдельных предметов, какова счетная шкала этого сравнения, в чем ее полезность [6].

Размышляя, мы заметим, что совокупность вещей, необходимых для сохранения жизни и для благополучия человека, образует, если можно так выразиться, некую *сумму потребностей,* которые, несмотря на всю свою широту и многообразие, все-таки весьма ограничены.

Для удовлетворения этих потребностей человек располагает еще более ограниченным количеством сил и способностей *(facultés)* [7]. Каждый предмет его желаний стоит ему забот, утомления, трудов и по крайней мере времени.

Именно это употребление своих средств, которое он [человек] должен сделать при отыскании каждого предмета, создает компенсацию — пользование им и, так сказать, *цену* предмета. Человек еще одинок; природа одна снабжает его благами для удовлетворения потребностей, а он уже заключает с нею первую *торговую сделку,* по которой природа не дает ничего без оплаты трудом человека, употреблением его способностей и его времени.

Его капитал в этого рода [торговле] ограничен узкими пределами; необходимо, чтобы с размерами [этого капитала] сообразовалась сумма его потребностей; необходимо, чтобы в необъятной кладовой природы человек

сделал выбор и разделил эту цену, [уплатив] которую, он может располагать разными подходящими ему предметами так, чтобы он *оценил* их соответственно *значению* для своего самосохранения и своего благосостояния. А эта оценка, разве она не что иное, как отчет, который он [человек] дает самому себе о своем труде и своем времени или, выражая эти две вещи одним словом, о доле своих средств, которую он может употребить на отыскание оцениваемого предмета без пожертвования теми [предметами], которые равно или более важны?

[*Определение ценности значения*]

Какое же здесь мерило ценностей? Какова будет шкала сравнения? Это, очевидно, не что иное, как сами его [человека] средства. Только общая сумма его средств образует *единство* этой шкалы, единственный прочный пункт, откуда он [человек] может исходить, и ценности, которые он придает предметам, являются пропорциональными частями этой шкалы. Отсюда следует, что *ценность значения* предмета для изолированного человека точным образом представляет долю совокупности его средств, соответствующих его желанию в отношении того или другого предмета, который он хочет использовать для удовлетворения этого желания. Можно сказать другими словами, что это есть отношение данной пропорциональной части к совокупности средств человека; это отношение можно было бы выразить дробью, которая имеет в числителе единицу [долю, часть], а в знаменателе число ценностей, или равных пропорциональных частей, содержащее в себе целиком все средства человека.

Мы не можем не сделать здесь одно замечание. Мы еще не видели возникновения торговли; мы еще не соединили двух людей, а уже с первых шагов нашего исследования мы натолкнулись на одну из самых глубоких истин, и самых новых, которую заключает в себе общая теория ценностей. Это та истина, которую господин аббат Галиани высказал двадцать лет тому назад в своем трактате *о монете* с такой ясностью и энергией, но почти без надлежащего развития, сказав, *что общей мерой всех ценностей является человек*[8]. Весьма веро-

ятно, что эта же истина, которую неясно видел и автор только что появившегося труда под названием «Опыт анализа богатства и налога» [9], послужила основанием для его доктрины о постоянной и единой ценности, выраженной всегда в единстве, в коем все отдельные ценности являются лишь пропорциональными частями, доктрины, представляющей собою смесь истины с ложью, вследствие чего она показалась большинству читателей весьма неясной.

Здесь в этом нашем кратком изложении не место развивать более подробно то, что действительно может показаться неясным для наших читателей. Это положение заслуживает тщательного обсуждения, соответствующего его значению, и мы не должны в данный момент подробно излагать многочисленные выводы [из этого положения].

[*Обмен*]

Будем следовать по пути, которым мы шли до сих пор; расширим наше первое предположение. Вместо того чтобы рассматривать изолированного человека, возьмем двух людей; пусть каждый из них имеет в своем распоряжении вещи, пригодные для него, но вещи эти различны и годятся для удовлетворения разных потребностей. Предположим, например, что на пустынный остров в северных морях причалили с разных сторон два дикаря. Один в своей лодке привез больше рыбы, чем сам он может потребить, другой привез шкур больше, чем он может употребить на то, чтоб прикрыться и разбить шатер. Тот, кто привез рыбу, испытывает холод, тот, кто привез шкуры, голодает. И тогда он попросит у владельца рыбы часть его запаса и предложит ему взамен несколько своих шкур, и другой согласится. Вот *обмен,* вот и торговля.

Остановимся немного на рассмотрении того, что происходит в этом обмене. Прежде всего очевидно, что тот человек, который наловил рыбу, чтоб прокормиться в течение немногих дней, по истечении которых она испортится, выбросил бы остаток, как бесполезный; но, заметив, что эта рыба служит для получения (путем обмена) шкур, которые нужны ему, чтоб прикрыть себя, начинает придавать ей большее значение; эта избыточная рыба

приобретает в его глазах ценность, которой она ранее не имела. Владелец шкур будет рассуждать так же и научится со своей стороны *ценить* те из них, в которых он сам не имеет надобности. Весьма вероятно, что в этом первом положении, где мы допустили, что каждый из двоих наших людей обильно снабжен вещами, которые ему принадлежат, и привык не придавать цены избытку, торг относительно условий обмена не будет особо оживленным: каждый из них предоставит взять другому всю рыбу или все шкуры, в которых он сам не нуждается. Но изменим несколько предположение: допустим, что каждый из этих двоих людей имеет интерес сберегать свой избыток, имеет основание придавать ему ценность. Предположим, что вместо рыбы один привез маис, который может очень долго сохраняться, а другой вместо шкур привез дрова и что на острове нет ни зерна, ни леса. Один из наших двоих дикарей имеет пропитание, другой — топливо на несколько месяцев. Они не могут возобновить свои запасы иначе, как возвратившись на континент, откуда, быть может, они были изгнаны страхом перед дикими зверями либо перед враждебной нацией. Они не могут этого сделать, не встречая на море почти неизбежных опасностей в бурное время года. Очевидно, что весь маис и все дрова станут очень ценными для обоих владельцев, они приобретут для них очень большую ценность; но дрова, которые один может потребить в течение месяца, будут ему вовсе бесполезны, если в тот же промежуток времени он умрет с голоду из-за недостатка маиса; а владелец маиса будет не в лучшем положении, если ему суждено умереть от холода из-за недостатка дров. Они, следовательно, вновь совершат обмен, дабы каждый из них мог иметь дрова и маис, пока время или погода позволят им отправиться морем на континент для поисков другого маиса и другого леса.

В таком положении и тот и другой были бы, конечно, менее великодушны: каждый из них стал бы старательно взвешивать все соображения, могущие побудить его предпочесть известное количество вещей, которых нет у него, известному количеству тех, которые у него имеются; то есть, другими словами, он начнет сравнивать силу двух потребностей, двух интересов, между которыми он колеблется, а именно, интереса сохранить маис

и приобрести дрова и интереса сохранить дрова и приобрести маис; одним словом, он точно установит *ценность значения* по отношению к себе самому. Эта ценность значения пропорциональна *интересу,* который он имеет к приобретению этих двух вещей, и сравнение двух *ценностей* есть, очевидно, сравнение двух *интересов.* Но каждый делает вычисления со своей стороны, и результаты могут быть различны: один согласен обменять три меры маиса на шесть охапок дров, другой захочет отдать свои шесть охапок дров только за девять мер маиса. Независимо от той мысленной оценки, посредством которой каждый из них сравнивает интерес сохранения с интересом приобретения, оба проникнуты также общим и не зависящим ни от какого сравнения интересом: это интерес каждого сохранить возможно бóльшее количество своего продукта и приобрести возможно бóльшее количество продукта другого. С этой целью каждый будет хранить втайне сделанное в своей голове сравнение двух этих интересов, двух ценностей, которые он придает этим обмениваемым вещам. Он будет выведывать, предлагая меньшее [количество] и требуя большего у владельца вещи, которую он желает. Другой держится такой же линии поведения. Они начнут торговаться об условиях обмена и, так как оба сильно заинтересованы в том, чтобы прийти к соглашению, они и придут к нему в конце концов: мало-помалу каждый из них начнет увеличивать свои предложения либо уменьшать свои требования до тех пор, пока они не условятся, наконец, дать определенное количество маиса за определенное количество дров. В тот момент, когда совершается обмен, дающий, например, четыре меры маиса за пять охапок дров предпочитает, вне сомнения, эти пять охапок четырем мерам маиса: он придает им превосходящую [по сравнению с дровами] ценность значения; но, с другой стороны, получающий четыре меры маиса предпочитает их пяти охапкам дров. Это превосходство *ценности значения* [10], придаваемой покупаемой вещи [ее] приобретателем сравнительно с уступаемой [им], существенно для обмена, ибо оно является единственным его мотивом. Каждый остался бы при своем, если бы он не находил интереса личной выгоды в обмене, если бы по отношению к самому себе он не полагал, что получает больше, чем дает.

[*Меновая, или оценочная, ценность*]

Но это различие в ценности значения является обоюдным и совершенно равным для обеих сторон, ибо не будь оно равным, один из двоих меньше желал бы вступить в обмен и принудил бы другого приблизиться к своей цене путем более значительного предложения. Поэтому остается всегда неоспоримо верным, что каждый дает *равную ценность* за *равную ценность*. Если дают четыре меры маиса за пять охапок дров, то дают также пять охапок дров за четыре меры маиса, и, следовательно, четыре меры маиса в этом отдельном обмене равноценны пяти охапкам дров. Оба эти предмета имеют, таким образом, равную *меновую ценность (valeur échangeable)*.

Остановимся снова. Посмотрим, что такое в точности эта *меновая ценность,* равенство которой является необходимым условием свободного обмена. Мы уже не будем исходить из нашей простой гипотезы, где мы рассматриваем только двоих договаривающихся и два обмениваемых предмета. Это не вполне *ценность значения,* или, другими словами, интерес, который каждый из двоих придавал в отдельности обоим потребным предметам, владение которыми он сравнивал, желая определить, что он должен уступить из одного, дабы получить из другого, ибо результат этого сравнения мог быть не равен в уме обоих договаривающихся: эта первая ценность, которой мы дали наименование *ценности значения,* устанавливается путем производимого каждым со своей стороны сравнения двух борющихся в нем интересов. Она [ценность значения] существует только в уме каждого из них, взятого в отдельности. *Меновая* ценность, напротив, принята обоими договаривающимися, которые усматривают в ней равенство и делают его условием обмена. При установлении *ценности значения* каждый человек, взятый в отдельности, сравнивал только два интереса: интерес к предмету, который есть у него, и к тому, которого он желает. При установлении *меновой ценности* мы имеем двоих человек, которые сравнивают, и четыре сравниваемых интереса. Но оба интереса каждого из двоих [лишь] были ранее сравнены ими в отдельности, и сейчас оба результата сравниваются между собой или, лучше сказать, происходит торг между обоими догова-

ривающимися, чтобы составить *среднюю ценность значения,* которая и является в точности *меновой ценностью;* ей мы и предлагаем дать наименование *оценочной (appréciative) ценности,* ибо она определяет *цену,* или условия обмена.

Из сказанного видно, что *оценочная ценность* — равная ценность обоих обмениваемых предметов — имеет в сущности ту же природу, как и *ценность значения;* она отличается от нее только тем, что представляет собою *среднюю* ценность значения. Выше мы видели, что для каждого из договаривающихся *ценность значения* полученной вещи больше отданной в обмен и что эта разница совершенно одинакова для обеих сторон; взяв половину этой разницы, чтобы отнять ее от бóльшей ценности, и прибавив ее к меньшей, мы сделаем их [ценности] *равными.* Мы видели, что это совершенное равенство и составляет подлинный характер *оценочной ценности* в обмене. Эта *оценочная ценность,* очевидно, не что иное, как *средняя ценность значения* из тех [ценностей значения], которые придаются обоими договаривающимися каждому предмету. Мы доказали, что *ценность значения* предмета для изолированного человека есть не что иное, как отношение между частью средств, которую человек может посвятить отысканию этого предмета, и всей массой его средств; таким образом, оценочная ценность в обмене между двумя людьми представляет собою отношение между суммой частей их обоюдных средств, которую они предназначают для отыскания каждого из обмениваемых предметов, и [общей] суммой [всех] средств обоих этих людей.

[*Обмен увеличивает богатство обменивающихся*]

Здесь кстати заметим, что возникновение обмена между двумя этими людьми увеличивает богатство и того и другого, то есть дает им с теми же средствами бóльшее количество наслаждений. Я предполагаю в примере с нашими дикарями, что места, где произрастает маис, и места, где — лес, отдалены друг от друга. Один дикарь принужден был сам совершить два путешествия, чтобы иметь у себя запас маиса и запас дров; он потерял бы, следовательно, в плавании много времени и сил. Если, напротив, их будет двое, то один займется рубкой

леса, другой — добыванием маиса, используя время и труд, которые они должны были бы затратить на второе путешествие. Общая сумма собранного маиса и дров будет большей, а следовательно, и доля каждого [будет большей].

Возвратимся назад. Из нашего определения *оценочной ценности* следует, что она не является отношением между двумя обмениваемыми вещами или между *ценою* и продаваемой вещью, как некоторые склонны думать. Это выражение было бы совершенно неверным при сравнении двух ценностей, двух оснований обмена. Имеется отношение равенства, и это отношение равенства предполагает две вещи уже равными. А эти две равные вещи отнюдь не являются двумя обмениваемыми вещами, но именно ценностями обмениваемых вещей. Не следует поэтому смешивать *ценности,* которые находятся в отношении равенства, с этим отношением равенства, которое предполагает две сравнимые ценности.

Конечно, есть смысл [в выражении], что *ценности* находятся в отношении, и мы выяснили это выше, стараясь глубже проникнуть в природу ценности значения; мы даже сказали, что это отношение, как и всякое отношение, можно было бы выразить дробью. Именно равенство этих двух дробей и составляет существенное условие обмена, равенство, которое получается путем установления *оценочной* ценности, составляющей половину двух различных *ценностей значения.*

[*Цена и ценность*]

На языке торговли часто бессознательно смешивают *цену* и *ценность,* ибо на самом деле указание цены заключает в себе и указание ценности. Но тем не менее это весьма различные понятия, которые важно различать.

Цена — это вещь, которую дают в обмен на другую. Из этого определения с очевидностью следует, что эта другая вещь есть также *цена* первой; когда говорят об обмене, почти излишне делать это замечание, и так как всякая торговля есть обмен, то, очевидно, это выражение *(цена)* всегда соответствует находящимся в торговом обороте вещам, каждая из которых равно является ценою другой. Цена и купленная вещь, или, если угодно,

обе цены, имеют равную ценность: цена стоит покупки, а покупка стоит цены. Но наименование «ценность», строго говоря, столь же мало соответствует первому, как и второму из двух отношений обмена. Почему же употребляют оба этих термина, один вместо другого? Вот довод, объяснение которого поможет нам сделать еще один шаг в теории *ценностей.*

[*Невозможность выразить ценность в себе самой*]

Этот довод заключается в том, что невозможно выразить ценность в себе самой. В этой невозможности легко убедиться, чуть поразмыслив над тем, что мы сказали и доказали относительно природы ценности.

Как, в самом деле, найти выражение для отношения, первый член которого — числитель, основная единица, представляет собою нечто не поддающееся оценке и имеющее самые неопределенные границы? Можно ли объявить, что *ценность* предмета соответствует двухсотой доле средств человека, и о каких средствах здесь шла бы речь? Без сомнения, при расчете этих средств следует принять во внимание и время, но на каком промежутке его следовало бы остановиться? Взять ли все протяжение жизни, или год, или месяц, или день? Без сомнения, ни один из этих сроков нельзя взять, ибо применительно к каждому потребному предмету средства человека неизбежно должны быть использованы в более или менее продолжительные, но всегда весьма неравные промежутки времени. Как оценить эти промежутки времени, в течение которых удовлетворяются совместно все виды потребностей, которые должны, однако, входить в расчет не иначе, как [промежутками] *неравной длительности,* соответственно виду каждой потребности? Как оценить воображаемые части времени, всегда единого и протекающего, если можно так выразиться, по одной неделимой линии? И какая нить могла бы указать путь в этом лабиринте расчетов, все элементы которых неопределенны? Стало быть, невозможно выразить *ценность* в самой себе, и в этом отношении человеческий язык может выразить лишь то, что *ценность* одной вещи равна *ценности* другой. Оценка [своих] интересов, или, вернее, сознание их двумя людьми, устанавливает это

равенство в каждом отдельном случае, и никто при этом никогда не думал *суммировать* средства человека, чтобы сравнить общую массу их с каждым предметом потребности. Интерес всегда фиксирует результат этого сравнения, но он никогда не создавал его, да и не мог создавать.

[*Ценность не имеет иного измерения, кроме самой ценности*]

Итак, единственный способ выразить ценность, как мы уже говорили, заключается в том выражении, что одна вещь по ценности равна другой, или, если хотите, другими словами: одна ценность равна искомой ценности. Ценность, как и ее величина, не имеет иной меры, кроме ценности, и измеряют ценности, сравнивая их с ценностями же, как измеряют протяжение мерами длины; в том и в другом случае нет *основной единицы,* данной природою. Имеется только *единица произвольная* и установленная соглашением; так как в каждом обмене имеются две равные ценности и можно найти меру одной, выражая ее в другой, то следует прийти к соглашению относительно *произвольной единицы,* которую принимают за основу этой меры или, если угодно, как элемент исчисления частей, из коих составят шкалу сравнения ценностей. Предположим, что один из двоих договаривающихся в обмене захочет выразить ценность приобретаемой вещи; он возьмет за единицу своей шкалы ценностей постоянную часть того, что он дает, и выразит в целом [числе] и в дроби этой единицы количество даваемого за определенное количество получаемой вещи. Это количество *выразит* для него *ценность* и *будет ценою* вещи, которую он получает; отсюда видно, что *цена есть всегда выражение ценности,* и, таким образом, для приобретателя выразить ценность — это значит *объявить цену* приобретенной вещи. Поэтому, выражая количество того, что дается для ее приобретения, он и будет, не различая, говорить: это количество есть *ценность,* или *цена* покупаемого им. Употребляя оба эти способа выражения, он в уме будет придавать им один и тот же смысл, и подобным же образом поймут это и те, кто его слушает. Отсюда становится понятным, каким

образом два слова *ценность* и *цена,* хотя и выражают различные по существу понятия, могут без затруднений замещать друг друга в обычном языке, не стремящемся к строгой точности.

Полностью очевидно, что если один из договаривающихся принял некоторую произвольную долю отдаваемой им вещи для измерения ценности приобретаемой им вещи, то другой договаривающийся в свою очередь имеет равное право взять эту же вещь, приобретенную его противником, но отданную им самим, для измерения ценности вещи, отданной ему противником и служившей мерой для последнего. В нашем примере тот, кто дал четыре мешка маиса за пять охапок дров, возьмет за единицу своей шкалы мешок маиса и скажет: охапка дров стоит четыре пятых мешка маиса. Тот, кто дал дрова за маис, примет, напротив, за свою единицу охапку дров и скажет: мешок маиса стоит охапки с четвертью дров. Это точно такое же действие, какое происходило бы между двумя людьми, пожелавшими взаимно оценить товары друг у друга: один — французские локти в испанских, а другой — испанские локти во французских [11].

Чтобы оценить [какую-либо] вещь, в обоих случаях берут как твердую и неделимую единицу часть той вещи, которой пользуются для оценки [других вещей], и оценивают вещь, сравнивая ее с произвольно взятой за единицу частью [вещи, служащей для оценки других вещей]. Но подобно тому, как локоть Испании не является мерою локтей Франции, так и мешок маиса не измеряет ценности охапки дров, а охапка дров не измеряет ценности мешка маиса.

Из этого общего положения следует сделать вывод, что *во всяком обмене оба отношения обмена одинаково являются мерою ценности друг друга.* На том же основании *во всяком обмене оба отношения равно являются залогами, представляющими друг друга;* то есть, имеющий маис может за этот маис приобрести некоторое количество дров, равное по ценности, так же как имеющий дрова может за эти дрова приобрести некое количество маиса, равное по ценности.

Вот очень простая, но весьма существенная истина в теории ценностей, денег и торговли. Как она ни очевидна, но она еще часто не признается даже очень хоро-

шими умами, а незнание ее самых непосредственных последствий часто вовлекало правительство в пагубнейшие ошибки. Достаточно напомнить знаменитую *систему Ло.*

[*Меновая ценность существует для большинства обменивающихся*]

Мы надолго остановились на этих первых гипотезах относительно изолированного человека и о двоих людях, обменивающихся двумя предметами; но мы хотели вывести отсюда все понятия теории ценностей, которые не требуют бо́льшего усложнения. Становясь всегда таким образом на почву наивозможно простой гипотезы, мы выводим из нее понятия, которые необходимо представляются уму в более чистом и незапутанном виде.

Нам остается только расширить наши предположения, увеличить число обменивающихся и предметов обмена, чтобы представить себе возникновение торговли и дополнить ряд понятий, связанных со словом *ценить (valoir).*

Для этой последней цели достаточно лишь увеличить количество людей, рассматривая постоянно лишь два предмета в обмене.

Предположим наличие четырех человек вместо двоих, то есть двух владельцев дров и двух владельцев маиса. Сперва можно предположить, что двое обменивающихся встречаются на одной, а двое — на другой [стороне острова], причем все четверо не сталкиваются друг с другом. Тогда каждый обмен совершится в отдельности, как будто лишь двое обменивающихся существуют на свете. Но именно потому, что оба обмена совершаются в отдельности, нет никаких оснований полагать, что они совершатся на одинаковых условиях. В каждом обмене, взятом в отдельности, *оценочная ценность* обоих обмениваемых предметов будет равной на одной и на другой стороне. Но не следует упускать из виду, что эта *оценочная ценность* есть не что иное, как средний вывод из двух *оценочных ценностей,* придаваемых договаривающимися предметам обмена. Следовательно, весьма вероятно, что этот средний вывод будет совершенно различным в двух обменах, заключенных в отдельности, ибо *оценочные ценности* зависят от способа рассмотрения

каждым предметов, удовлетворяющих его потребности, и от места полезности, которое он отводит ей среди других своих потребностей, [а] они [потребности] различны у каждого индивида. Таким образом, если рассматривать только двух индивидов на одной стороне и двух на другой [стороне острова], вывод может быть весьма различен. Очень возможно, что договаривающиеся в одном из обменов будут менее чувствительны к холоду, чем договаривающиеся в другом [обмене]; это обстоятельство побудит их придавать меньшее значение дровам и большее маису. Поэтому если в одном из двух обменов четыре мешка маиса и пять охапок дров имеют равную *оценочную ценность,* то для обоих других договаривающихся пять охапок дров будут равноценны лишь двум мешкам маиса; это не помешает в каждом договоре тому, что для двоих договаривающихся ценности обоих предметов будут совершенно равны, ибо один [предмет] дают за другой.

Сблизим теперь наших четырех человек, дадим им возможность сообщаться, узнавать об условиях, предложенных каждым владельцем маиса либо дров. С тех пор тот, кто раньше соглашался отдать четыре мешка за пять охапок дров, не захочет делать этого, когда узнает, что один из владельцев дров охотно даст пять охапок дров за два лишь мешка маиса. Но этот, в свой черед, узнав, что можно за те же пять охапок дров получить четыре мешка маиса, тоже изменит свое мнение и не пожелает довольствоваться двумя. Он очень хотел бы потребовать четыре мешка, но владельцы [маиса] уже не согласятся дать им [это количество], так же как владельцы дров не будут согласны удовольствоваться двумя мешками. Поэтому предполагавшиеся условия сделок изменятся, составится новая *оценка,* новая оценка ценности дров и ценности маиса. Прежде всего ясно, что эта оценка будет одинаковой в обоих обменах и для четверых обменивающихся, то есть за то же количество дров оба владельца маиса не дадут друг другу ни больше, ни меньше маиса и, напротив, оба владельца дров дадут ни больше, ни меньше дров за то же количество маиса. С первого взгляда ясно, что если один из владельцев маиса потребует меньше дров, чем другой, за то же количество маиса, то оба владельца дров обратятся к нему, чтобы воспользоваться этой скидкой. Эта кон-

куренция побудила бы данного собственника потребовать больше дров, чем он требовал прежде за то же количество маиса; со своей стороны другой собственник маиса понизил бы свои требования в отношении дров или увеличил бы свое предложение в отношении маиса, чтобы привлечь к себе владельцев дров, в которых он нуждается; и все это будет так происходить, пока владельцы маиса не предложат того же количества его за то же количество дров.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сочинения Тюрго впервые выпустил наиболее видный пропагандист и популяризатор физиократизма, один из лидеров этой школы, Дюпон де Немур, сопроводивший их введением, обширными примечаниями и биографией автора (Oeuvres de m. Turgot, 9 томов, Париж, 1803—1811). Дюпон де Немур вносил дополнения, иногда сокращал и в ряде мест даже изменил текст Тюрго.

Второе издание Сочинений Тюрго осуществил Е. Дэр (Oeuvres de Turgot, 2 тома, Париж, 1844). Дэр включил в это издание еще до того не опубликованные письма Тюрго по вопросам торговли, ввел в дополнение к примечаниям Дюпон де Немура новые примечания и составил очерк жизни и трудов автора. В этом издании, как и в первом, текст Тюрго дан с дополнениями и изменениями Дюпон де Немура.

Новое, третье издание «Сочинений Тюрго и относящихся к нему документов» вышло под редакцией Г. Шелля с его примечаниями и написанной им биографией автора (Oeuvres de Turgot et documents le concernant, 5 томов, Париж, 1913—1923). В отличие от первых двух изданий в третьем воспроизведен подлинный текст Тюрго без посторонних изменений и дополнений. Поэтому при изучении Тюрго следует руководствоваться последним изданием его Сочинений — под редакцией Шелля.

Вскоре по окончании второй мировой войны профессор П. Вигрё выпустил со своим введением «Избранные тексты Тюрго», составившие один из томов издаваемого под общей редакцией профессора Л. Бодэна «Собрания великих экономистов» (Turgot, 1727—1781, Textes choisis et Préface par Pierre Vigreux, Париж, 1947).

Избрав 23 экономических произведения Тюрго, Вигрё дает их текст по последнему, воспроизводящему авторский подлинник изданию под редакцией Шелля. При этом в тексте опущены повторения, рассуждения, имевшие значение только в то время и не представляющие интереса в историческом аспекте. Из 23 произведений 7 даны в отрывках. В произведениях Тюрго, не разделенных им самим на параграфы с соответствующими заглавиями, редакция дала краткий заголовок каждой части текста, выражающий определенное положение автора, что несомненно облегчает изучение трудов знаменитого экономиста.

Для настоящего перевода Тюрго на русский язык взят текст его избранных экономических произведений по сборнику, изданному в 1947 году под редакцией Вигрё.

Выпускаемые в русском переводе «Избранные экономические произведения» Тюрго расположены иначе, чем во французских изданиях. Во всех указанных выше французских изданиях сочинения Тюрго расположены в систематическом порядке. Так, в упомянутом издании 1947 г. имеются две части: в первой помещены работы Тюрго-ученого, во второй — политического деятеля. Каждая часть имеет два раздела. В четырех разделах книги соответственно помещены работы Тюрго как экономиста, финансиста, интенданта, министра. Внутри каждого раздела книги работы Тюрго расположены в порядке их значимости с точки зрения редактора французского издания 1947 года.

Не говоря уже о произвольном и ненаучном характере такой систематики, следует заметить, что предметно-систематический принцип можно применять при расположении различных произведений Тюрго — экономических, философских, исторических, географических, лингвистических и т. д. В отношении же трудов Тюрго в каждой научной области больше подходит хронологический принцип размещения, что дает возможность читателю проследить *развитие* воззрений автора по вопросам и проблемам данной науки.

В настоящем издании русского перевода избранных экономических произведений Тюрго принято расположение их в *хронологическом* порядке.

Пояснительные вставки, принадлежащие редактору, заключены в квадратные скобки. Пояснения, сделанные самим Тюрго, помещены на той же странице, что и текст, к которому они относятся, и заключены в круглые скобки.

Примечания редактора русского перевода вынесены в конец книги, в приложение. После приведенных выше замечаний по книге в целом следуют примечания редактора к каждому произведению. Под названием каждого произведения дается справка, где и когда оно было опубликовано. Далее идут примечания редактора к тексту данного произведения Тюрго, помеченные арабскими цифрами. Сноски на эти примечания в соответствующих местах текста Тюрго даются порядковыми арабскими цифрами в пределах каждого его произведения.

Из помещенных в предлагаемой книге переводов 11 произведений Тюрго два — «Размышления о создании и распределении богатств» и «Ценности и деньги» — были переведены на русский язык проф. А. Н. Миклашевским и изданы в 1905 году. Следует заметить, что при проверке этого перевода были обнаружены многочисленные ошибки, и среди них серьезные, искажающие мысль Тюрго. Поэтому при редактировании перевода А. Н. Миклашевского были внесены существенные изменения. Все остальные экономические произведения Тюрго даются в русском переводе впервые.

При переводе термин *valeur* передавался как *ценность* (а не стоимость), ибо Тюрго рассматривал ее как субъективную категорию

В русском переводе сохранена терминология Тюрго. Так, *fonds* переведено как *фонды, avances — авансы,* или *предварительные затраты,* иногда *вложения;* лишь когда Тюрго прямо говорил *capital* в переводе давался: *капитал. Fabrique, fabricant* передавались как *фабрика* (и соответственно *фабрикант),* имея при этом в виду, что Тюрго понимал под фабрикой промышленное предприятие мануфак-

турного типа и даже мастерскую. Слово *ouvrier* переводилось как *работник* и, если Тюрго имел в виду работающего по найму на капиталиста, как *рабочий*.

Перевод некоторых других терминов оговорен в тексте и в примечаниях к отдельным произведениям Тюрго.

Письмо аббату де Сисэ о бумажных деньгах

Напечатано в изданиях Сочинений Тюрго под редакцией: Дюпона, т. 2, стр. 1—16; Дэра, т. 1, стр. 94—102; Шелля, т. 1, стр. 143—151; Вигрё, стр. 229—237.

После краха в 1720 году системы Ло вопрос о бумажных деньгах стал предметом многочисленных споров. О нем писали, в частности, Мелон, Дюто, Пари-Дюверне и Монтескьё.

Таким образом, вопрос этот был далеко не новым, когда Тюрго, находясь еще в семинарии Сен-Сюльпис, обратился с письмом на эту тему к своему соученику аббату де Сисэ. Уже тогда Тюрго обладал большими знаниями, и этот юношеский труд, как отмечает Дюпон, показывает, что «еще в 1749 году молодой семинарист, не достигший и 22 лет, имел весьма правильное представление о политической экономии».

[1] Террассон Антуан (1705—1782) — французский юрист, профессор Коллеж де Франс.

[2] Джон Ло (1671—1729), шотландец по происхождению, — родоначальник так называемой капиталотворческой теории кредита. Спекулятивная «система Ло», построенная на выпуске в обращение необеспеченных банковских билетов, при попытке осуществить ее во Франции вызвала огромный ажиотаж и вскоре потерпела крах. Назначенный в 1719 году руководителем финансов Франции, Ло в мае 1720 году получил отставку и, спасая свою жизнь, бежал за границу.

[3] Экю — серебряная монета, чеканившаяся во Франции в 1641—1793 годах.

[4] Ливр — денежная единица во Франции в средние века.

[5] Джон Локк (1632—1704) — английский философ. Его экономические работы посвящены главным образом вопросам денег и денежного обращения.

[6] Во французских изданиях сочинений Тюрго явная опечатка: напечатано *1975* вместо, как следует из приведенного им самим расчета, *1875*.

План работы о торговле, денежном обращении, проценте и богатстве государств

Написано в 1753—1754 годах. Помещено в изданиях Сочинений Тюрго под редакцией: Шелля, т. I, стр. 376—387; Вигрё, стр. 181—184.

Примерно в 1748 году, находясь в Сорбонне, Тюрго составил *Список предполагаемых работ* — обширный план трудов, в число которых входил *Трактат об обращении, о проценте, банке, системе Ло, кредите, об обмене и о торговле.*

Помещенный в книге *План работы о торговле* является началом выполнения соответствующего раздела этой программы.

[1] Под текущей ценой (prix courant) Тюрго понимает рыночную цену.

Учреждение фондов

Статья написана в 1757 году и помещена в «Энциклопедии», т. VII, в сочинениях Тюрго под редакцией: Дюпон де Немура, т. III, стр. 235—255; Дэра, т. I, стр. 299—309; Шелля, т. I, стр. 584—593; Вигрё, стр. 170—180.

[1] Марка — полфунта, или 8 унций, — старинная мера веса серебра.

Ярмарка

Впервые опубликовано в 1757 году в Энциклопедии, т. VII. Помещено в изданиях Сочинений Тюрго под редакцией: Дэра, т. 1, стр. 291—298; Шелля, т. 1, стр. 577—583; Вигрё, стр. 163—169.

[1] Имеется в виду Венсан де Гурнэ. Статья Тюрго о нем помещена в настоящем сборнике.

Похвальное слово Венсану де Гурнэ

Помещено в сочинениях Тюрго под редакцией: Дюпона, т. 3, стр. 321—375; Дэра, т. 1, стр. 262—291; Шелля, т. 1, стр. 595—623; Вигрё, стр. 141—160.

Тюрго написал это «Похвальное слово» для Мармонтеля, который использовал его при составлении некролога Венсану де Гурнэ, напечатанного в журнале «Меркюр де Франс» в августе 1759 года.

В «Похвальном слове Венсану де Гурнэ», которое Тюрго переработал после своей отставки (в 1776 году), он хотел дать как бы апологию проводившейся им самим политики.

Школа Гурнэ, как и физиократическая школа во главе с Кенэ, возникла из оппозиции меркантилизму. Отвергая меркантилистическую политику и защищая принцип свободы хозяйственной деятельности, Гурнэ в отличие от Кенэ полагал, что чистый продукт, то есть прибавочная стоимость, создается не только в земледелии, но и в промышленности. Гурнэ считал торгово-промышленное население не бесплодным, а производительным классом. В молодости Тюрго сблизился с Гурнэ и в общем разделял его взгляды. Впоследствии Тюрго, примкнув по существу к физиократам и развивая учение Кенэ, пытался истолковать Гурнэ в физиократическом духе.

[1] Чайлд, Джозая (1630—1699) — английский экономист, рассматривавший низкую норму процента как причину богатства страны. Маркс говорит, что Чайлд «прямо выступает как поборник интересов промышленного и торгового капитала» (*К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), часть III, М., 1961, стр. 516; см. также стр. 444, 513, 515).

[2] Витт, Ян (1625—1672) — государственный деятель Нидерландов, правитель провинции Голландия, стремившийся в интересах

крупной голландской буржуазии добиться господствующего положения Голландии в союзе нидерландских соединенных провинций.

[3] Утрехтский договор — общее название ряда мирных договоров, завершивших войну за Испанское наследство 1701—1714 годов, подписанных в г. Утрехте.

[4] Тюрго имеет в виду монархическую, королевскую власть.

[5] Арпан — мера площади в средневековой Франции, не одинаковая в разных ее провинциях.

[6] Это положение Гурнэ, явно противоречащее физиократизму, Тюрго пытается исправить в дальнейшем изложении, касаясь доходов государства, но делает это нерешительно, говоря, что «источником этих доходов являются земледелие и торговля, или, скорее, земледелие, поощряемое торговлей».

[7] Херберт (Герберт), лорд Чербери, Эдуард (1581—1648) — английский философ, историк, поэт и дипломат; был английским послом в Париже.

[8] См. Франсуа Кенэ, Избранные экономические произведения, Соцэкгиз, М., 1960, стр. 68—144.

[9] Талья — постоянный прямой налог в феодальной Франции, уплачиваемый главным образом третьим сословием, в основном крестьянством. Как наиболее ненавистный для крестьянства налог, талья была отменена французской буржуазной революцией конца XVIII века.

Торговля зерновыми

Помещено в изданиях Сочинений Тюрго под редакцией: Шелля, т. 2, стр. 122—128; Вигрё, стр. 305—317.

[1] Указанный проект эдикта, составленный в 1761 году, был положен в основу Декларации короля от 25 мая 1763 года, провозглашавшей свободу торговли зерном внутри королевства. В июле 1764 года король издал эдикт, имевший более общий характер.

[2] Тюрго не развил эту вторую точку зрения.

[3] Здесь приведена первая часть преамбулы, выдержанная в чисто физиократическом духе. В составлении первой части преамбулы, как отмечает Шелль, участвовали Тюрго и Дюпон де Немур. В русском переводе опущены вторая, ограничительная, часть преамбулы, добавленная генеральным контролером Л'Аверди, а также окончание следующего за декларацией текста эдикта.

Докладная записка о рудниках и каменоломнях

Помещена в Сочинениях Тюрго под редакцией: Дюпон де Немура, т. 4, стр. 400—462; Шелля, т. 2, стр. 354—404; Вигрё — извлечение, стр. 318—320.

Эта докладная записка была составлена Тюрго 18 июля 1764 года в связи с ходатайством о возобновлении концессии на разработку свинцового рудника в Гланж, поданным маркизом де Мирабо.

Тюрго излагает собранные им об этом руднике сведения, затем дает весьма тщательный анализ аргументов в пользу свободы разработки рудников.

Он приходит к выводу о необходимости всеобщей свободы открытия рудников всякого рода и в заключение предлагает проект эдикта, проводящего эту точку зрения. Здесь дан перевод извлечения из этого проекта с его преамбулой.

Размышления о создании и распределении богатств

Это главное экономическое произведение Тюрго, написанное в 1766 году, впервые напечатано в журнале «Ephémérides du Citoyen» (1769 год, тома XI и XII и 1770 год, т. I) Дюпоном де Немур, существенно изменившим те места этого произведения, в которых Тюрго, по его мнению, отклонялся от физиократической доктрины. Тюрго решительно возражал против таких изменений текста, и по его требованию отдельное издание этого произведения, вышедшее в 1776 году, содержало первоначальный, подлинный текст, принадлежавший Тюрго.

Помещено в Собраниях сочинений Тюрго под редакцией: Дюпона, т. 5, стр. 1—130; Дэра, т. 1, стр. 7—67; Шелля, т. 2, стр. 534—602; Вигрё, стр. 77—140.

Русский перевод этого произведения, сделанный в 1905 году проф. А. Н. Миклашевским, вновь сверен с подлинным текстом Тюрго и отредактирован.

[1] Вассал — в Западной Европе во времена раннего средневековья — несвободный слуга; затем — свободный человек, ставший в отношения подчиненности другому свободному человеку; в период развитого феодализма — феодал, держащий от другого феодала земельное владение и несущий за него определенные повинности. Тюрго имеет здесь в виду вассала во втором из указанных значений этого слова, то есть свободного человека недворянского происхождения.

[2] Мера (boisseau) сыпучих тел, величина которой была различной в разных провинциях Франции того времени.

[3] Пинта — единица измерения жидкостей, применявшаяся во Франции до введения метрической системы.

[4] Понимая под текущей ценностью рыночную ценность, Тюрго отождествляет ее с текущей, то есть рыночной, ценой. Рыночная же цена представляет собою, по Тюрго, среднюю, по существу общую. цену.

[5] Флорин — название золотой монеты средневековой Флоренции, принятое впоследствии в ряде европейских стран, в том числе в Голландии, где так назывался гульден — золотая монета, равная 100 центам.

[6] В оригинале: «2) заработную плату *и* цену труда, их риска, их искусства». Соединительный союз (*и*) явно искажает мысль самого Тюрго, отождествлявшего заработную плату предпринимателей с ценой их труда, риска, забот и даже искусства (см. § 60 настоящего сочинения). Поэтому при редактировании перевода приведенного выше текста Тюрго соединительный союз (*и*) опущен.

[7] Нормандия — провинция на северо-западе Франции, разделенная во время буржуазной революции конца XVIII века на департаменты.

[8] Иль-де-Франс — старинное название области, представлявшей собою историческое ядро французского государства; с 1790 года разделена на департаменты. На территории Иль-де-Франс расположен Париж.

[9] Лимузен на северо-западе Центрального Французского массива, Ангумуа на западе Франции, Бурбонне в восточной части Центрального Французского массива — провинции, упраздненные в 1790 году при разделении Франции на департаменты.

[10] Десятина церковная — десятая часть урожая и других доходов, взимавшаяся церковью; была отменена во Франции лишь буржуазной революцией конца XVIII века.

Поощрение мануфактур

Письмо Трюдэну

Написано в феврале 1766 года. Напечатано в Собраниях сочинений Тюрго под редакцией: Дюпона, т. 5, стр. 167—200; Дэра, т. 1, стр. 352—370; Шелля, т. 2, стр. 478—495; Вигрё, стр. 321—324.

[1] Трюдэн Даниэль Шарль (1703—1769) — интендант финансов и директор мостов и дорог.

[2] Братья ла Форе, владельцы мануфактуры в Лиможе, изготовлявшей бумажные ткани, получили в 1743 году *исключительную привилегию* на производство этих тканей, а также несколько других преимуществ и привилегий.

В 1763 году они обратились за возобновлением полученных привилегий сначала к Тюрго, но тщетно. Затем они обратились непосредственно к Трюдэну. Помимо возобновления или пожалования различных преимуществ или привилегий они ходатайствовали об освобождении тканей, изготовленных на их мануфактурах, от всех пошлин как внутри страны, так и при вывозе их за пределы королевства, а также от пошлин на используемое ими сырье.

Приведенные письма Тюрго относятся к этому делу, и в них он показывает Трюдэну, как желательно его решить.

Письмо Юму

Написано 25 марта 1767 года. Напечатано в изданиях Тюрго под редакцией: Шелля, т. 2, стр. 658—665; Вигрё, стр. 291—294.

[1] Юм, Давид (1711—1776) — английский философ, психолог, историк и экономист. В политической экономии выступал против меркантилизма, за свободу торговли, отстаивал количественную теорию денег. Юма можно рассматривать как предшественника психологического направления буржуазной политической экономии.

Ценности и деньги

Эта незаконченная рукопись относится к 1769 году. Данный отрывок помещен в Сочинениях Тюрго под редакцией: Дюпона, т. 3, стр. 256—293; Дэра, т. 1, стр. 75—93; Шелля, т. 3, стр. 79—98: Вигрё, стр. 238—258.

Русский перевод этого произведения, сделанный в 1905 году проф. А. Н. Миклашевским, вновь сверен с оригиналом и отредактирован.

[1] См. специальную на эту тему работу Тюрго «Размышления о языках» (*А. Р. Тюрго,* Избранные философские произведения, перевод И. А. Шапиро, М., 1937, стр. 145—162).

[2] Гран (от латинского granum — зерно) — мельчайшая единица аптекарского веса до введения метрической системы.

[3] Мальдивские острова — архипелаг коралловых островов в Индийском океане к юго-западу от острова Цейлон.

[4] Лациум, Лацио — область Италии в средней части Аппенинского полуострова.

[5] В книге «Тюрго. Избранные тексты» под ред. Вигрё (стр. 246) напечатано: «Il n'est pas *utile* d'appuyer...», т. е. «*Бесполезно* разбираться...», что противоречит дальнейшему тексту, где Тюрго пытается разобраться в понятии «степень значения». В указанной книге явная опечатка.

В издании «Сочинений Тюрго» под ред. Дэра (т. 1, Париж, 1844, стр. 82) напечатано: «Il n'est pas *inutile* d'appuyer...», т. е. «*Небесполезно* разобраться...», что вполне согласуется с дальнейшим текстом. Поэтому перевод данного предложения сделан по изданию Тюрго под редакцией Дэра.

[6] В книге «Тюрго. Избранные тексты» под ред. Вигрё (стр. 246) напечатано (в конце третьей строки снизу) слово *l'unité,* т. е. *единство,* что по смыслу не вяжется с контекстом. Здесь явная опечатка. В издании Тюрго под ред. Дэра (т. 1, стр. 82) напечатано *l'utilité,* т. е. *полезность,* что логически связано с контекстом всего абзаца.

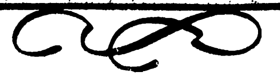
[7] Слово *facultés* Тюрго употребляет, по-видимому, в двояком смысле: как способности человека и как средства удовлетворения его потребностей.

[8] Галиани Фернандо (1728—1787), аббат — итальянский буржуазный экономист, критик физиократизма. В сочинении «О монете» (1750) выдвигал положение, будто стоимость вещи определяется ее полезностью — значением той потребности, которую удовлетворяет данная вещь. Вместе с тем в той же работе Галиани, как отмечал Маркс, высказал ряд более или менее правильных догадок о природе товара и денег.

[9] Автор этой книги — Жан Жозеф Луи Грален (Graslin) (1727—1790). Противник учения физиократов, Грален критиковал его основные положения: схему воспроизводства, идею создания чистого продукта лишь в земледелии, принцип единого налога на чистый доход — ренту.

[10] Под *ценностью значения (valeur estimative)* Тюрго понимал по существу субъективную ценность.

[11] Локоть — мера длины в древности и в средние века, соответствующая приблизительно длине локтевой кости. Величина этой меры несколько различалась в разных странах и даже по провинциям одной и той же страны. Во Франции локоть (aune) был больше вары — испанского локтя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Анн Робер Жак Тюрго

ИЗБРАННЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

М., Соцэкгиз, 1961. 198 с.

Редактор *М. Стрепетова*

Оформление художника *Б. Шварца*
Художественный редактор *Н. Илларионова*
Технический редактор *Л. Уланова*
Корректор *Г. Ефимова*

Сдано в набор 21 июля 1961 г. Подписано в печать 26 октября 1961 г. Формат бумаги $84\times108^{1}/_{32}$. Бумажных листов 3,125. Печатных листов 10,25. Учетно-издательских листов 10,08. Тираж 3000 экз. А 06299. Цена 60 коп.

Издательство
социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3.

Заказ № 1039

60 коп.

ТЮРГО

ИЗБРАННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Соцэкгиз
1961